

НАУЧЕН ВЕКТОР НА БАЛКАНИТЕ

**ISSN print:
2603-4840**

**ISSN online:
2683-1104**

**2021
Том 5
№ 1(11)**

НАУЧЕН ВЕКТОР НА БАЛКАНИТЕ

Основано през 2017 г.

Том 5

16+

№ 1 (11)

2021

Излизащо на всеки 3
месеца научно списание
(4 пъти в годината)

Основател - «Научен хронограф» ЕООД

Главен редактор

Василев Веселин Костов, доктор на психологическите науки, професор

Заместник главен редактор:

Абасова Къзългюл Ясин къзъ, доктор на философските науки, професор

Ахаев Андрей Василиевич, доктор на педагогическите науки, професор

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор на филологическите науки, професор

Билчак Василий Степанович, доктор на икономическите науки, професор

Зографова Йоланда Костадинова, доктор, професор

Иванов Георги Петков, доктор на педагогическите науки, професор

Клишков Георги Тодоров, PhD, главен асистент

Красич Даниела Костадинович, доктор, професор

Курилова Анастасия Александрова, доктор на икономическите науки, професор

Майхджик-Микула Джоана, доктор на педагогическите науки, професор

Микляева Анастасия Владимировна, доктор на психологическите науки, професор

Милева Елеонора Михайлова, доктор на педагогическите науки, професор

Минкова Ганета Минкова, доктор по право, професор

Осадченко Ина Ивановна, доктор на педагогическите науки, професор

Тарантей Виктор Петрович, доктор на педагогическите науки, професор

Цибранска-Костова Марияна, доктор на филологическите науки, професор

Шарипов Фаридун Файзулаевич, доктор на педагогическите науки, професор

Редакционна колегия:

Алиева Нармин Абулфаз къзъ, доктор на филологическите науки, доцент

Ангелова Минна Николаева, доктор, доцент

Бочегова Наталия Николаевна, доктор на филологическите науки, доцент

Бурмикина Ирина Викторовна, доктор на социологическите науки, професор

Васковска Галина Алексеевна, доктор на педагогическите науки, професор

Гаджалова-Левтерова Дора Стойлова, доктор на педагогическите науки, професор

Дамьянов Бисер Илиев, доктор на изкуствознание, професор

Демченко Ирина Иванова, доктор на педагогическите науки, професор

Димитрова Теофана Валентинова, доктор, доцент

Кирова Алла Валентиновна, доктор, професор

Коберник Александър Миколайович, доктор на педагогическите науки, професор

Комар Таисия Василевна, доктор на психологическите науки, професор

Коновалчук Валентина Ивановна, доктор на философските науки, доцент

Костова Иванка Милкова, доктор, професор

Коцева Татьяна Иванова, доктор, професор

Линков Александър Йорданов, PhD, доцент

Масюк Наталия Николаевна, доктор на икономическите науки, професор

Мирчева Елка Петрова, PhD, професор

Мотов Ирена, доктор на науките в отрасъл социална педагогика, професор

Нестеряк Юрий Василевич, доктор на науките за държавното управление, доцент

Нецева-Порчева Татьяна Нейчева, доктор, доцент

Панаедова Галина Ивановна, доктор на икономическите науки, професор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-кореспондент на Руската академия на науките, доктор на биологическите науки, професор

Салкова Екатерина Гетова, доктор по право, доцент

Севастианов Сергей Виталиевич, доктор на политическите науки, доцент

Станев Велин Стефанов, доктор, професор

Тсиринготи Константинос, доктор на науките в отрасъл психология, професор

Фелхнер Анджей, доктор на науките в отрасъл по история на образованието, професор

Фиделос Анна, доктор на науките в отрасъл специална педагогика, професор

Чепил Мария Мирановна, доктор на педагогическите науки, професор

Шьвитава Ирениуш, доктор на науките в отрасъл философия, професор

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор на юридическите науки, професор

Якунин Вадим Николаевич, доктор на историческите науки, професор

Зарегистрирано от Министерството на културата (с декларация 7а, ал.3 от Закона за задължително депозиране на печатни и други произведения) № 26-00-691 от 29.10.2018 г.

Регистриран във Федералната служба по надзора в сферата на връзките, информационните технологии и масовите комуникации на Руската Федерация РП № 341 от 02.03.2020 г.

Абонаментният каталог «Вестници.Списания» на Агенция «Руски печат» е с № 80508

Компютърен набор:
Никола Николов

Технически редактор:
Йорданка Петкова

*Адрес на редколегия, учредител, редакция и издател - «Научен хронограф» ЕООД: България, гр. Перушица 4225, Област Пловдив, Община Перушица, ул. "Д. Малинчев", №33
Тел.: +359895612046
E-mail: hronist@abv.bg
Сайт: <https://sci-vector-balkans.com/>*

Подписано за печат 28.02.2021.
Излиза на 28.02.2021.
Формат 60x84 1/8.
Оперативен печат.
Условно отпеч. листове 11,88.
Тираж 50 екз. Поръчка 1-28-02.

Печатница S.R.L. «Fabrica Disa»
Ул. Валя Круция, 9/2
MD-2072, Кишинев, Молдова
Свободна цена

©2021 Контент достъпен според лицензията CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

INFORMATION ABOUT THE MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Vassilev Veselin Kostov, Doctor of Psychological Sciences, Professor
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Deputy Chief Editors:

Abbasova Kyzylgul Yasin kyzy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Psychology
(Baku State University, Baku, Azerbaijan)

Ahaev Andrey Vasilievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Center for International Partnership, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Bakalova Zinaida Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department "Russian Language, Speech Culture and Methods of Their Teaching"
(Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia)

Bilchak Vasily Stepanovich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Microeconomics
(Warmian-Masurian University in Olsztyn, Olsztyn, Poland)

Mileva Eleonora Mikhailova, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Sociology, Head of the Pedagogy Sector
(National Sports Academy «Vasil Levski», Sofia, Bulgaria)

Zografova Yolanda Kostadinova, PhD, Professor, department „Psychology”, section leader «Social, Occupational and Organizational Psychology», Director of Institute
(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute for Population and Human Research, Sofia, Bulgaria)

Ivanov Georgy Petkov, doctor of pedagogical sciences, professor, Head of Quality and Accreditation Department
(Thracian University, Stara Zagora, Bulgaria)

Klinkov Georgi Todorov, PhD, Chief Assistant
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Krasich Daniela Kostadinovic, PhD, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Education
(Belgrade University, Serbia)

Kurilova Anastasia Aleksandrovna, Doctor of Economic Sciences, professor, Head of the Department «Finance and Credit»
(Togliatti State University, Togliatti, Russia)

Majdijk-Mikula Joanna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Jan Kochanowski University, Kielce, Poland)

Miklyayeva Anastasia Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department «Human psychology»
(Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia)

Minkova Ganeta Minkova, doctor in law, professor, Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Sofia University «Kliment Ohridski»
(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute of State and Law, Sofia, Bulgaria)

Osadchenko Ina Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Uman Pedagogical University, Uman, Ukraine)

Tarantei Victor Petrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Grodno State University, Grodno, Belarus)

Tsibranska-Kostova Mariana, Ph.D in Philological Sciences, professor, head of section for history of Bulgarian language
(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute for Bulgarian language «Prof. M. Andreichin», Sofia, Bulgaria)

Sharipov Faridun Fayzullayevich, Doctor of Pedagogical Sciences, the Head of Pedagogic Chair
(Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan)

Editorial Board:

Aliyeva Narmin Abulfaz kyzy, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
(Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS), Institute of Linguistics, Baku, Azerbaijan)

Angelova Mina Nikolaeva, Doctor, Associate Professor of the Department of Management and Quantitative Methods in Economics
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Bochegova Natalia Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Dean of the Faculty of Philology
(Kurgan State University, Kurgan, Russia)

Burmykina Irina Viktorovna, Doctor of Social Sciences, Professor, Vice-rector for scientific work
(Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia)

Vaskovskaya Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Laboratory «Didactics»
(Institute of Pedagogy of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine)

Gadjalova-Leverterova Dora Stoilova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Damyanov Biser Iliev, Doctor of Art Studies, Professor, Head of the Department of Aesthetic Education
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Demchenko Irina Ivanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogy
(Uman State Pedagogical University, Uman, Ukraine)

Dimitrova Teofana Valentinova, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Marketing and International Economic Relations
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Kirova Alla Valentinovna, PhD, Professor, sector «Macroeconomics», Deputy Director
(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute for Economic Research, Sofia, Bulgaria)

Kobernik Alexander Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Uman State Pedagogical University, Uman, Ukraine)

Komar Taisia Vassilevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor
(Khmelnitsky National University, Khmelnytsky, Ukraine)

Konovalchuk Valentina Ivanovna, Doctor of Philosophical Science, Associate Professor
(Cherkasy Regional Institute for Graduate Education of Pedagogical Workers, Cherkasy, Ukraine)

Kostova Ivanka Milkova, PhD, Professor, Department of Marketing and International Economic Relations
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Koceva Tatyana Ivanova, PhD, Professor
(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute for Population and Human Research, Sofia, Bulgaria)

Linkov Alexander Yordanov, PhD, Associate Professor
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Masyuk Natalia Nikolaevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management
(Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia)

Mircheva Elka Petrova, PhD, professor, section for History of Bulgarian language
(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute for Bulgarian language «Prof. M. Andreichin», Sofia, Bulgaria)

Motov Irena, Doctor of Social Pedagogy, Professor
(Humanities and Economics Academy, Lodz, Poland)

Nesterjiak Yuri Vasilevich, Doctor of Government Studies, Associate Professor
(National Aviation University, Kiev, Ukraine)

Netseva-Porcheva Tatyana Neicheva, Doctor, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing and Strategic Planning
(University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria)

Panaedova Galina Ivanovna, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Tax Policy and Customs
(North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)

Rosenberg Gennady Samuilovich, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Biological Sciences, Professor
(Institute of Ecology of Volga Basin of Russian Academy of Science, Togliatti, Russia)

Salkova Ekaterina Getova, PhD in law, associate professor, Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Head of section «Criminal Law Sciences»
(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute of State and Law, Sofia, Bulgaria)

Sevastyanov Sergey Vitalevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations
(Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

Stanev Velin Stefanov, PhD, Professor, Department of Marketing and International Economic Relations
(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Tsirigotis Konstantinos, Doctor of Psychology, Professor
(Jan Kochanowski University, Kielce, Poland)

Fellhner Andrzej, Doctor of Science in Education History, Professor
(Jan Kochanowski University, Kielce, Poland)

Fidelius Anna, Doctor of Science in Special Education, Professor
(Cardinal Stefan Vishinski University, Warsaw, Poland)

Chepil Maria Mironovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Dragovic State Pedagogical University, Dragovic, Ukraine)

Shivitava Ireneush, PhD, Professor

(Pedagogical University in the name of KEN, Krakow, Poland)

Yunusov Ahat Akhnafovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Law and Process Department
(Kazan University of Innovation, Kazan, Russia)

Yakunin Vadim Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and Innovation
(Volga Region State University of Service, Togliatti, Russia)

CONTENT

pedagogical sciences

**THE FORMATION OF A PERSONAL AND NATIONAL IDENTITY
ON THE EXAMPLE OF SPORTS PHOTOGRAPHY
AS A SYMBOLIC CAPITAL**

ANGELOVA-IGOVA Boryana, BORISSOVA Sylvia,
YAKOVLEVA Liliana Sergeevna, KUDASHOV Viacheslav Ivanovich.....5

**CAMIFICATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS
IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION:
THEORY AND METHODOLOGY**

KOBERNIK Alexander Nikolajevich, OSADCHENKO Inna Ivanovna.....12

**STUDY OF THE MOTIVATIVE COMPONENT OF TECHNOLOGICAL
COMPETENCE OF THE TEACHER OF PROFESSIONAL TRAINING**

VAGANOVA Olga Igorevna, KOROSTELEV Aleksandr Alekseevich.....18

**VALUE DETERMINANTS IN THE TRAINING
OF FUTURE TEACHERS**

VASKIVSKA Halyna Oleksiivna, PALAMAR Svitlana Pavlivna,
GOLOTA Nataliya Mikolaivna.....22

philological sciences

**MODERN PARALLELS CAUSED BY READING THE STORY
KOMATSU SAKI “PAPER OR HAIR”**

IAKOVLEVA Elena Ludvigovna.....27

**PITCH VALUES IN CHINESE SOCIAL AND COMMERCIAL
ADVERTISEMENT DISCOURSE**

KARAVAEVA Veronika Georgievna, ZHANG Jianwen,
ANDROSOVA Svetlana Viktorovna.....32

ABDURAGIM BEK KHAKVERDIEV’S WORLD OF ART

MUSTAFAYEV Zaur Telman.....37

**SPECIFIC FEATURES OF SPEECH PAUSING FOR DIFFERENT
AGE GROUPS IN THE FAR EAST**

IVANASHKO Yulia Petrovna, PROTSUKOVICH Elena Aleksandrovna,
NIKOLAEVA Irina Vadimovna.....40

**LEXICAL NOMINATION AN ILLEGITIMATE CHILD IN THE SLAVIC
ETHNOLOCULTURAL AND DIALECT SPACE**

TYSHCHENKO Oleh Volodymyrovych, TSYMBAL Nataliia Andriivna,
SAVCHUK Nataliia Mykhailivna, ANIKINA Inessa Valeriivna,
ZADOIANA Larysa Mykolaivna.....45

**ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF SOCIAL INDICATORS
IN MANAGEMENT ACCOUNTING**

BOROVITSKAYA Marina Vladimirovna.....55

**DIAGNOSIS OF THE MODERN METHODS EFFECTIVENESS
OF COST MANAGEMENT IN ENTERPRISES**

PASKA Igor, PONEDILCHUK Tetiana, ZABOLOTNYI Viacheslav.....59

**CONSUMERS' WILLINGNESS TO PAY FOR ORGANIC
FOOD PRODUCTS**

TERZIEVA Elena.....64

Conditions of accommodation of scientific materials.....69

UDC 371.486:140.8
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0001

©2021 Контент достъпен според лицензията CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

THE FORMATION OF A PERSONAL AND NATIONAL IDENTITY ON THE EXAMPLE OF SPORTS PHOTOGRAPHY AS A SYMBOLIC CAPITAL

© The Author(s) 2021

ORCID: 0000-0003-3350-702X

ANGELOVA-IGOVA Boryana, Associate Professor, PhD

Bulgarian National Academy of Sports

(1700, Bulgaria, Sofia, Studentski grad, e-mail: igovab@gmail.com)

ORCID: 0000-0002-8550-2012

BORISSOVA Sylvia, Assistant Professor, PhD

Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute of philosophy and Sociology,

(1000, Bulgaria, Sofia, Serdika St., 4, e-mail: sylvia.borissova@gmail.com)

AuthorID: 1040087

SPIN-код: 9350-5032

ORCID: 0000-0002-1151-3544

YAKOVLEVA Liliana Sergeevna, PhD student

Siberian Federal University

(660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny Avenue, 82A, building 24(A), e-mail: l.yakovleva128@gmail.com)

AuthorID: 358386

SPIN-код: 1838-9116

ORCID: 0000-0001-7009-8179

KUDASHOV Viacheslav Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,

the Head of the Department of Philosophy

Siberian Federal University

(660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny Avenue, 82A, building 24(A), e-mail: vkudashov@mail.com)

Abstract. The article is devoted to the study of personal and national identities on the example of sports photos as a symbolic capital. The purpose of this study is to show how photography and sports come together, in a way that together contributes to the consolidation of the nation, contributes to national pride and identity, and hence - to forming personal identity on the base of them either. The structural-functional approach is used, in particular, the theory of „social action“ by the American philosopher J. G. Mead. Photography is the channel through which the most international language such as sports can be transmitted, and the individual experience by it unified and integrated in the process of forming personal identity. Of particular interest are the photographs of athletes in Europe and how they contribute to the accumulation of symbolic capital for nation-states, and for self-determination of personal identity. The authors note that photography is an important part of people's daily lives, and its significance goes beyond their nature to entertain. A photographic image provides the basis for identification. A person through a visual image seeks to determine his personal, and then national identity. In today's world, identity is a dynamic system. In this regard, it can be compared with sports, which also constantly develop and ultimately open up new sports, modify qualification competitions, etc. Another social field that is on the rise at the same time is professional sports. By the mid-20th century, the sport of the privilege of the rich was becoming a mass sport. It was not until the 20th century that workers, women and minority groups had access to sports. The authors conclude that in the context of the importance of interdisciplinary research, which allows revealing the processes of formation of national and personal identity, research of this nature can take on further development.

Keywords: identity, self-identity, self-identification, national identity, self-determination, visual image, punctum, philosophy of sport, social philosophy, symbolic capital.

ФОРМИРАНЕ НА ЛИЧНА И НАЦИОНАЛНА ИДЕНТИЧНОСТ НАПРИМЕР СПОРТНИ СНИМКИ КАТО СИМВОЛЕН КАПИТАЛ

© Авторът(е) 2021

АНГЕЛОВА-ИГОВА Боряна, професор, доктор по философия

Българска национална академия по спорт

(1700, България, София, Студентски град, e-mail: igovab@gmail.com)

БОРИСОВА Силвия, асистент професор, доктор по философия

Българска академия на науките (БАН), Институт по философия и социология

(1000, България, София, ул. Сердика, 4, e-mail: sylvia.borissova@gmail.com)

ЯКОВЛЕВА Лилиана Сергеевна, аспирант

Сибирски федерален университет

(660041, Руска федерация, Красноярск, пр. Свободен, 82А, сграда № 24 (А), e-mail: l.yakovleva128@gmail.com)

КУДАШОВ Вячеслав Иванович, доктор по философия, професор,

ръководител на катедра по философия

Сибирски федерален университет

(660041, Руска федерация, Красноярск, проспект Свободен, 82А, сграда № 24 (А), e-mail: vkudashov@mail.com)

Анотация. Статията е посветена на изследването на личната и националната идентичност, като се използва примерът на спортни фотографии като символичен капитал. Целта на това проучване е да покаже как фотографиите и спортът се комбинират по такъв начин, че заедно да допринесат за консолидирането на нацията, националната гордост и идентичност и следователно за формирането на лична идентичност на тяхна основа. Структурно-функционалният подход се използва, по-специално, теорията за «социалното действие» от американския философ Дж. Г. Мид. Фотографията е канал, чрез който може да се предаде международен език като спорта и индивидуални преживявания, които тя обединява и интегрира в процеса на формиране на лична идентичност. Особен интерес представляват снимки на спортисти в Европа и как те допринасят за натрупването на символичен капитал за националните държави и за лично самоопределение. Авторите посочват, че фотографията е важна част от ежедневието на хората и нейното значение надхвърля развлеченията. Значението на фотографията става още по-силно изразено в началото на 20-ти век, когато тя се превръща в доминиращ визуален език на печатните материали. Фотографското изображение предоставя основата за лична идентификация. Човек чрез визуален образ се стреми да дефинира своята лична, а след това и национална идентичност. В днешния свят визуалността е динамична система. В това

отношение може да се сравни със спорт, който също има постоянно развитие и с течение на времето отваря нови спортове, модифицира квалификационни състезания и т.н. Друга социална сфера, която също е във възход, е професионалният спорт. Към средата на 20 век спортът като привилегия на богатите се превръща в масов спорт и едва през 20 век работниците, жените и членовете на малцинствата получават достъп до спорт. Авторите стигат до извода, че в контекста на важността на интердисциплинарните изследвания, които дават възможност да се разкрият процесите на формиране на национална и лична идентичност, изследвания от този характер могат да придобият по-нататъшно развитие.

Ключови думи: идентичност, самоидентичност, самоидентификация, национална идентичност, самоопределение, визуален образ, пунктуум, философия на спорта, социална философия, символен капитал.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНЫХ ФОТОГРАФИЙ КАК СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

© Автор(ы) 2021

АНГЕЛОВА-ИГОВА Боряна, профессор, доктор философских наук

Болгарская Национальная Академия спорта

(1700, Болгария, София, ул. Студенческий городок, e-mail: igovab@gmail.com)

БОРИССОВА Силвия, ассистент профессора, доктор философских наук

Болгарская Академия Наук (БАН), Институт философии и социологии

(1000, Болгария, София, ул. Сердика, 4, e-mail: sylvia.borissova@gmail.com)

ЯКОВЛЕВА Лилиана Сергеевна, аспирант

Сибирский федеральный университет

(660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 82А, корпус № 24 (А), e-mail: l.yakovleva128@gmail.com)

КУДАШОВ Вячеслав Иванович, доктор философских наук, профессор,

заведующий кафедрой философии

Сибирский федеральный университет

(660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 82А, корпус № 24 (А), e-mail: vkudashov@mail.com)

Аннотация. Статья посвящена изучению личной и национальной идентичности на примере спортивных фотографий как символического капитала. Цель данного исследования - показать, как фотография и спорт объединяются таким образом, что вместе способствуют консолидации нации, национальной гордости и самобытности, а значит - формированию на их основе и личной идентичности. Используется структурно-функциональный подход, в частности теория «социального действия» американского философа Дж. Г. Мида. Фотография - это канал, по которому может передаваться международный язык, такой как спорт, и индивидуальный опыт, который она объединяет и интегрирует в процессе формирования личностной идентичности. Особый интерес представляют фотографии спортсменов в Европе и то, как они способствуют накоплению символического капитала для национальных государств и для самоопределения личности. Авторы отмечают, что фотография является важной частью повседневной жизни людей, а ее значение выходит за рамки развлечения. Значение фотографии стало еще более заметным в начале XX века, когда она стала доминирующим визуальным языком печатных материалов. Фотографическое изображение дает основу для идентификации личности. Индивид через визуальный образ стремится определить свою личностную, а затем и национальную идентичность. В современном мире идентичность – это динамическая система. В этом плане ее можно сравнить со спортом, который также имеет постоянное развитие и со временем открывает новые виды спорта, видоизменяет квалификационные соревнования и т.д. Другой социальной сферой, которая одновременно находится на подъеме, является профессиональный спорт. К середине XX века спорт как привилегия богатых становится массовым видом спорта, и только в XX веке рабочие, женщины и представители меньшинств получают доступ к спорту. Авторы приходят к выводу, что в условиях значимости междисциплинарных исследований, позволяющих раскрыть процессы формирования национальной и личной идентичности, исследования подобного характера могут приобретать дальнейшее развитие.

Ключевые слова: идентичность, самоидентичность, самоидентификация, национальная идентичность, самоопределение, визуальный образ, пунктуум, философия спорта, социальная философия, символический капитал.

INTRODUCTION

The Self-Determination of National Identity through the Symbolic Capital of Sports Photography

Symbolic capital of Sports Photography

Photography is an important part of people's daily lives. Its significance goes beyond their nature to entertain. The purpose of this study is to show how photography and sports come together, in a way that together contributes to the consolidation of the nation, contributes to national pride and identity, and hence – to forming personal identity on the base of them either.

The term *Symbolic capital*, according to Pierre Bourdieu “accumulates primarily from the fulfillment of social obligations that are themselves embedded with potential for prestige. Much as with the accumulation of financial capital, symbolic capital is ‘rational’ in that it can be freely converted into leveraging advantage within social and political spheres. Yet unlike financial capital, symbolic capital is not boundless, and its value may be limited or magnified by the historical context in which it was accumulated. Symbolic capital must be identified within the cultural and historical frame through which it originated in order to fully explain its influence across cultures” (Bourdieu, 1984 [1]). We think that athletes produced symbolic capital and this “production” became stronger because of the new “channel” i.e. the pho-

tography. The products, achievements, and especially the Olympic medals of athletes are a symbol of national dignity, prosperity, and successful governance. The country that could take home more gold medals from the Olympic Games was regarded as more powerful and more developed. On the other hand, the gold medal could consolidate and reunify people from one nation. Before the rise of international sport competitions, symbolic capital was found in archeological artifacts or in the works of “national” writers. Nowadays the gold medal and the world record are this kind of symbolic capital that can stimulate national dignity and consolidate the people from one community. Top athletes are very famous and can become decision makers (Angelova-Igova, 2017 [2]).

At events such as the Olympic Games, athletes demonstrate their qualities. They can become a symbol of the human rights movement as when two African-American athletes Tommie Smith and John Carlos raised their black-gloved fists during the award ceremony of the 1968 Olympic Games in Mexico. In this case Carlos and Smith created a collective meaningful narrative for their community which should be the “true winning in sport” or as John Gleaves described it: “sport also writes meaningful narratives that speak about communities. These collective narratives provide stories about both those who follow the sport and

about the communities that embrace the sport. Such collective narratives occur because sports are shaped by communities to provide individuals with explanatory accounts about certain meaningful characteristics in publicly demonstrable activities. These meaningful characteristics, which combine different qualities of physical prowess such as strength, endurance, and physical skill with tactical cunning, moral virtue, courage, or other personal traits, both reveal athletes' personal identities and allow athletes to shape them further" (Gleaves, 2017 [3]).

Figure 1 – Gold medalist Tommie Smith (center) and bronze medalist John Carlos (right) showing the raised fist on the podium after the 200 m race at the 1968 Summer Olympics. They are both wearing Olympic Project for Human Rights badges. Peter Norman, the silver medalist (left) also wears an OPHR badge in solidarity with them. Photo source: Angelo Cozzi (Mondadori Publishers) – <http://www.gettyimages.co.uk/detail/news-photo/the-american-sprinters-tommie-smith-john-carlos-and-peter-news-photo/186173327>

In those cases we can see athletes as heroes and we can say that the creation of meaningful narrative is the real win in sport. Although Carlos and Smith knew that the consequences for them would not be good, they did it to support their cause. The photo of Carlos and Smith standing on the honor ladder, with their hands raised, protesting because of their abused human rights, is circulating around the globe and giving hope to the oppressed that there may be a change. All of the above can be considered as one of the programs for the development of post-existentialist philosophy.

METHOD

To Create One's Own Meaningful Narrative: The Symbolic Capital of Sports Photographs Loaded at Personal Level

The reverie' as the link between individual and society

The mechanism of social phenomenology in terms of sports photography as a symbolic capital for the self-determination of a national identity will be, on its turn, further analyzed in the context of personal identity. On the one hand, it was the Western cultural situation of the 20th century that allowed the symbolic capital generated by the new visual rhetoric of human body in sports to be given social and political weight not only at national level but personally as well. This phenomenon was made easier by the transition of the Western world sports ideology from elitist to mass and popular level. Along with this, the deployment of photography not only served to emphasize the mechanical and technological

aspects of image-making but namely it was that made it possible to capture, decompose and watch separately, one by one, the mechanical and technological aspects of the very movement of the human body in all types of sports: the incredible power of photography to strictly follow the innumerable biophysiological capabilities of human body instant by instant was revealed (Mileva, 2000 [4]). Thus, a quality new vision and knowledge of human body was brought, and a thoroughly new perspective of self-determination of individual identity appeared.

On the other hand, the very existential, psychological and semiotic mechanism of the individual to form and self-determine one's own personal identity is rather visual, image-suggestive and even cinematographic. That is why the American philosopher, psychologist and sociologist George H. Mead asserted that the nature of aesthetic experience was rooted in 'the reverie' – that inchoate phenomenon of the internal human imagery which the invention of the press, the stereopticon and the movie have projected before us. The reverie, or also that phenomenon of daydreaming and indefinite longing or thoughtfulness in images, "the type of happening, and the sort of imagery, that run behind the average man's eyes and fill up the interstices of overt conduct" (Mead, 1926 [5, p.389]), no matter how fragile, fleeting and brittle it is, is considered by Mead as the *conditio sine qua non* for a full-worth relations between individual and society. And significant moment that the press, the stereopticon and the movie have done for the culture evolution is to "emphasize and expand what is needed to render the reverie vivid and concrete" [ibid.]: "Our visual images are slight, incomplete, and not readily controlled. We do our thinking in the form of conversation, and depend upon the imagery of words for our meanings. It is only at favored moments that vivid pictures of the past through the imagination largely in filling out perception, as in reading or in the recognition of seen objects, rather than in satisfying the inward eye which was the bliss of Wordsworth's solitude. When motion was added to the stereopticon, a certain so craved delight was flung at the community with open hands" (Mead, 1926 [5, p.391]).

To Mead's opinion, "It is this realm of the reverie – of imagined enjoyable results – which dictates the policy of the daily press" (Mead, 1926 [5, p.390]). This observation is basically the same as the effect of that Berliner Illustrirte's front cover published seven years earlier: imagery has irrefutable political impact over people's reverie and value attitude. But, lest creative imagination be just fancying remote from reality, Mead was explicit that the authentic core of aesthetic experience – the only experience we could ever certainly have (Ferry, 1993 [6, p. 104]) – is when "the pleasure in that which is seen serves to bring out the values of the life that one lives", when "experience is rather a catharsis, in an Aristotelian phrase, than a reversion" (Mead, 1926 [5, pp. 392-393]).

In conclusion, Mead revealed the great symbolic and socially significant potential of the reverie, that phenomenon "infected with privacy and therefore subject to disintegration. But it passes into the universal meanings of common discourse and co-operative effort, and out of it arise the forms of universal beauty, the intuitions of the inventor, the hypotheses of the scientist, and the creations of the artist. It is that part of the inner life of man which cannot be given its implicated meaning because of the incompleteness of social organization" (Mead, 1926 [5, p.393]). Mead was a passionate adept of John Dewey's words that "the shared experience is the greatest of human goods", and namely Mead was who left a lasting trace with his socio-psychological theory, which provided explanations that the individual's behavior and activity was determined by the activity that was social – at odds with the individualistic approach in psychoanalysis of his time. It is him who introduced the term 'reference groups' – social groups to which we refer to all other groups in our life and social experience. The reference group is the one where we feel best, most of all ourselves. In addition, each of us has a tendency to pass on the traditions

from the reference group to all the other groups of which we are a part. We could further connect Mead's concepts of reverie and referent group and say that the latter is a social environment, or a community, where one's personal reverie as the most natural and authentic core of one's aesthetic and value experience could be commensurable with the Other's reverie and most authentic core; and other groups serve for projection of this commensurability.

RESULTS

Symbolic capital of the Human Body Photographed and Its Political Consequences

Photography can thoroughly change the political establishment itself. A typical example is a picture appeared on August 21, 1919 as a front cover of the weekly magazine *Berliner Illustrirte Zeitung*. The front-page photograph created a sensation showing Friedrich Ebert, the first president of Germany, and Defense Minister Gustav Noske in a trip to the beach, and the ugliness of their bodies seriously impacted national audience. The magazine cover invited viewers to judge the bodies of Ebert and Noske, and stressed the attention that they did not like what they saw. The bad appearance of these two men implies visions of decline of the State rather than prosperity. The *Berliner Illustrirte* actually confronted its readers with a vivid corporeal metaphor for the state of the postwar republic at its very inception. It was "soft", just like the men who governed it". (Jensen, 2010 [7, p.6]). This picture was a "game changer" and unfortunately followed the change in the regime and to the so-called Weimar Republic – the era known as the Great Disorder. In order to compete with the French, Italy and Soviet famous art models a number of German cultural spokesmen tried to invent a Nordic racial type derived by the "Blood and soil" (Silver, 2011 [8, p. 160]) ideology. It became obvious in 1929 when Gustav Hartlaub, the influential critic and director of the Kunsthalle Mannheim, coined the term "Neue Sachlichkeit" (*New Objectivity*) because he wanted to oppose to the left-wing artists as Otto Dix and George Grosz. In the same year, he organized a photo exhibition in Mannheim, called *New Objectivity. German Painting since Expressionism*. This exhibition signified not only the balance of the new painting but also *New Vision photography* pioneered at the Bauhaus and International Style architecture. The photographers' sought minimalist presentation of subjects isolated on a stark background – weather treating people, places etc. They tried to show a "real, enduring world" (Silver, 2011 [8, p. 161]). The art critic Walther Petry described the formula in his manifesto of *New Objectivity* as: "the object, clearly recorded and reproduced without any artistic transformation, must communicate <...> the objective meaning of itself <...> beyond a range of subjects through a mechanical effect as the photographic compendium. (Silver, 2011 [8, p. 161]). He gave an example with: *The World Is Beautiful* by Albert Renger-Patzsch and the pictures from Edward Steichen especially his famous picture Izidora Duncan at the Portal of the Parthenon, 1920 and August Sandler's - *Coal Carrier* by August Sander, and the *Secretary of the West German Radio Station*, (The Museum of Modern Art NY). In 1922, August Sandler started his project *People of the Twentieth Century*, that had to objectify human subjects through its panoramic index of German social type. It is considered as the most characteristic work of *New Objectivity* as well as Reifentahl's propaganda move *Olympia*. Unfortunately, all those pictures, movies and art waves were used for political propaganda. It is obvious in 1936 when Berlin Olympics were to be the laboratory and demonstration of the new regime's efforts at remaking the National Socialist body. Leni Reifentahl's celebrated, thrilling, highly aestheticized documentary film about the Games, *Olympia*, financed secretly by the Nazi government to serve as international propaganda for the regime, begins with an often overlooked, dreamy, classicizing prologue. Views of the Temple of Zeus at Olympia and the Acropolis in Athens are followed by a series of shots, with smoky transitions between them (presumably the "mists" of time), featuring

Greek and Roman sculpture, going to rest on the *Discobolos* – a copy of which Hitler would acquire in 1938 for his personal collection – that comes miraculously to life as modern as German decathlon competitor Erwin Huber. Of course, the most important people of this period were sportsmen. All journals, sports weeklies, and the wider mass culture painted a picture of sports champions that sometimes stabilized, frequently challenged, and ultimately reshaped the notion of modern man and modern woman in Weimar Germany. The impressive physical feats of male and female athletes raised the level of expectations placed on the human body and opened up new routes to social and financial success. The press celebrated Suzanne Lenglen as a famous and very good female tennis player" (Jensen, 2010 [7]).

American art critic Marius de Zayas rightly believed that "the reality of the forms can be submitted only to a mechanical process, which does not interfere decisively handmade factor. There is no other process than photography that would allow this to be achieved. A photographer, a true photographer, is one who is able, in a state of complete self-report, to achieve such a clear vision of things that he can understand and feel the beauty and reality of forms" (De Zayas, 1913 [9, p. 45]).

In 1929 the playwright – and Bertolt Brecht's protege – Marieluise Fleisser wrote in Germany: "When people are asked today the type of person they consider the representative of the specifically modern sentiment, those in the know name the athlete. <...> We are burdened by the idea that we are a race cast out of chaos. <...> Hardness toward ourselves is imperative. The forces suffocating in the world-weariness must be freed for a determined accomplishment. We must begin with ourselves to make this body, which we are, bigger. <...> The point is to show the seeds of will, which will awaken an energetic race responsible for driving itself forward, thus creating for itself a conscience" (Silver, 2011 [8, p. 21]).

The Russian avant-garde art and the new visual rhetoric of human body

At the same historical time the new art was born in the Soviet Union. We can see the initial promotion of sportsmen and sportswomen as figures symptomatic of the new Soviet age emerged and coincided with the rise of the cultural left in the early post-revolutionary period. More importantly, pictures of *Sport* first appeared in an entirely new medium: photomontage. In 1919, Gustav Klutskis produced what he later declared to be the first photomontage produced in the Soviet Union. In 1922, Klutskis created a photomontage entitled *Sport*. In this work, documentary photographs of male gymnasts are superimposed onto a background of simple geometric forms. These, at top and bottom, spell out the word 'SPORT' in the Cyrillic alphabet, while the concentric circles at the center of the work bind the various components of the composition together. In the language of semiotics, we say that this work is an iconic symbol of the material, objective world.

More importantly, however, this geometrical emphasis serves to reinforce the circular motion of the gymnasts variously performing upon parallel bars and the horizontal bar. This topic soon became popular in the Soviet visual arts. In 1922, the young typographer and graphic artist El Lissitzky incorporated a documentary photograph of a soccer player into a complex composition of floating and intersecting geometrical forms. For both Klutskis and Lissitzky, the reintroduction of what K. Michael Hays has described as an 'affirmative iconic representation' was clearly a crucial element in the formulation of a new visual vocabulary (O'Mahony, 2006 [10]). It is the presence of geometric forms that cause the corresponding semantic associations and allow the use of the term "iconic signs". We assume that understanding is a symbol. And any symbol is "rooted in being" and is based on culture.

Moreover, the deployment of photography also served to emphasize the mechanical and technological aspects of image-making and the possibility for mass-production, thus

suggesting the important role that such works would now play as a component of popular, rather than elitist, culture (O'Mahony, 2006 [10]). In our understanding hermeneutically oriented philosophy - is, first of all, the idea of the specified ways through which we can interpret what he saw, and thus come to the definition of personal and national identity.

The sports theme played a major role within the visual arts of the whole 20th century – and this role is no less important today (Ivanov, 2016 [11]). Countless public exhibitions, as well as the pages of both popular and specialist journals, were inundated with representations of youthful Soviet sportsmen and sportswomen, whether executed in the medium of photography, painting or printmaking. Cultural representations of sport and physical culture in the Soviet Union were truly mass produced (O'Mahony, 2006 [10]).

Nowadays sports photography is remastered in various sub-branches and further deployed by the new technologies and refined human sensitivity and imagination; yet, its main pledge to impress in a still capture all the grandeur, challenge and devotion of the athlete's motion still remains (Pedev, 2014 [12]).

DISCUSSION

The History of Beauty Retold through Sports Photography

In terms of social phenomenology, the process of interiorization of the radical Otherness and the process of self-determination of the individual are parallel and fundamentally inseparable; such are also the demythologization of radical Otherness and non-identity, on the one hand, and the consolidation of one's own identity and mythology, or meaningful narrative, on the other. This is the essence of *The Work of Myth* by Hans Blumenberg (Blumenberg, 1985 [13]) in brief; what is surprising in Theodor Adorno's *Aesthetic Theory* and elucidating at a new angle the whole history of fine arts and aesthetic perception is that the very opportunity of beauty is subordinate to the same double-process: beauty becomes beauty when the frightening becomes ugly and beauty can safely determinate itself as its opposite (Adorno, 1997 [14]), i.e. when the radical Otherness is already interiorized and remains just an empty shell for safe self-projection of an identity already integrated.

There is a vast diversity in the ways in which a child, youth, adult, boy or girl, man or woman etc., take the photographs and image of athletes and commensurate with them, whether physically, personally or both (whether in a conscious way or not), or in a certain way find the treats of the human body ideal (whether Olympian, Vitruvian etc.) in them.

What is common for all of the social groups and multifarious culture attitudes to sports photography and image-making, unlike fashion photography and photography of synthetic performativity arts (egg. dance, dance theater, art performance, happening).

Also dealing with the ideal of beauty, is the very cult to the beautiful and shaped human body but moreover – to the achievements and records it could break at the limits of its both physical and psychical capabilities: to the surmount of these limits. This is the way in which the fact that top athletes can become decision makers due to their popularity, and even idols in popular culture, reveals natural psychological, semiotic and phenomenological mechanisms of the human being.

Any individual is characterized by considering himself as a goal and the embodiment of its meaning. It is for this reason that mankind seeks to capture moments of important events with itself in the photograph. In real history, fragmentation (locality, national identity) dominates. Indeed, at the moment, history is only becoming universal. With the help of photos, it creates the preconditions for the transformation of the individual images into a leading method of learning a different culture and to the principle of the relationship between people and cultures, besides the photographic image allows to set the relationship of humanity as a whole. Here we would like to emphasize the importance of sports photography as a symbolic capital. K. Marx divides "the realm

of necessity", especially economic, where the main form of life of the individual is a "work dictated by need and external expediency" and "kingdom of freedom" lying "on the other side" of the economy, where "begins that development of human power, which is an end in itself ... " (Marx, 1961 [15, p. 387]). A greater role here are new epistemological installations, which are formed in the modern world of globalization. This means that a person today, being in the process of self-determination, should direct the search for his own identity not only outside, considering and evaluating a different culture, but first of all deep into himself, to his culture. This approach seems to us particularly important, as it plays an important role in understanding the principles of knowledge of other cultures.

The Western history of philosophy of human body emerges from the idea of Greek-Roman antiquity of the human body as an ideal, as the perfect coincidence of spirit and matter – the Absolute Spirit for the first time looks through human eyes and rediscover itself in matter in the form of the human body (Hegel, 1975 [16, pp. 153–298]); and goes through the theocentric idea of the Middle Ages of the body as *nature*, inferior nature through which the soul tries to reconnect with the Spirit of Christian God. Since paradise was already lost, the Modern Period managed to return paradise in the inner idea through the Renaissance of human body and aesthetics and put again on pedestal the ideal of beauty and grace embodied in the human figure and motion. In the emphasized anthropocentric worldview of modern era and in the light of the characteristics of the previous worldviews of Western culture, it is more obvious than ever that all the history of beauty tells the same story: the mythology of beauty is a mythology of identity (Borissova, 2017 [17]).

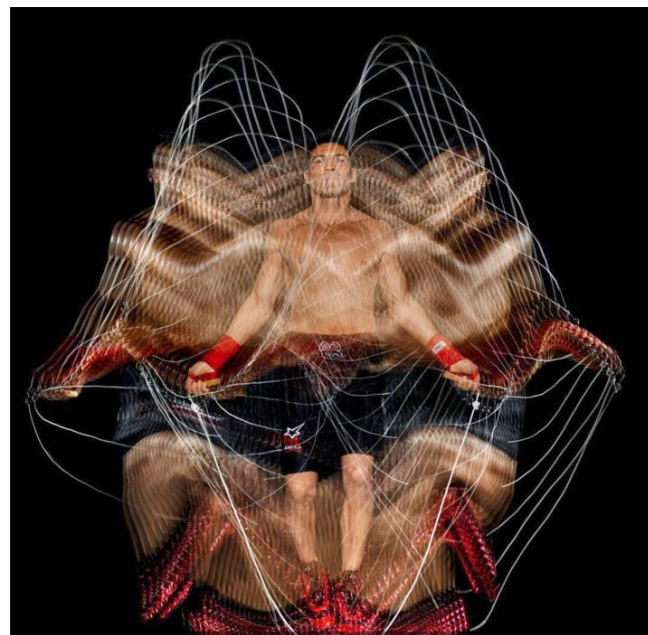

Figure 2 – This incredible multiple stroboscopic flashes capture of the Argentine middleweight boxer Sergio Martinez was part of the exhibition of 170 eminent photographers Who Shoots Sports: A Photographic History, 1843 to the Present, July 15, 2016–January 8, 2017, Brooklyn Museum. *Boxing Study 1805 Sergio Martinez* (2010). Photo by Howard Schatz/Staley-Wise Gallery, New York

Thus, the new visual rhetoric of human body of the 20th century again launches it as a 'positive iconic representation' after the dark Middle Ages neglecting human body, beauty and senses just in the same manner, and the most 'positive iconic representation' of all times appears to be the idea of beauty embodied in the human figure.

What is the germ of the New Objectivity in constructivist and functionalist avant-garde art is, at last account, the

so-called ‘New Beauty’ (Šalda, 1950 [18]), the ‘beauty of speed’ (Marinetti, 1909 [19]) – the radiant center of the ‘New Art’ (Ortega y Gasset, 1969 [20]), the ‘Young Art’ (Šalda, 1950 [18]) designating the inhuman art (Ortega y Gasset, 1969 [20]) and the post-anthropocentric worldview of the contemporary culture (Ferrando, 2016 [21]). What is of crucial importance for the post-anthropocentric era is that the mythology of beauty oscillates around paradise in the inner idea: the center of beauty as we know it as the perfect coincidence of spirit and matter is now even more sacred and elusive. The Old-Greek *καλός* means not only beautiful but also lovely, healthy, proportional, harmonious, good, quality, useful, right, moral, virtuous, noble (Liddell & Scott, 1940 [22]) designating how beauty is determined like a positive totality versus all unhealthy, ignoble, fragmentary and chaotic in this world. If the previous subparagraph discussed the reverie as the *sine qua non* of the phenomenological, psychological and semiotic connection between human being and society, now the *sine qua non* of this connection in the post-anthropocentric situation can be considered to be Barthes’ *punctum*: that point of the most familiar and yet terrifyingly unknown, turning us over from the ground up when look at a photograph – nostalgia invading us that blows our minds (Barthes, 1980 [23, pp. 27, 41, 42–43, 45]). More than ever self-determination of personal identity shrinks into a *punctum* and seeks after a more and more elusive and complex ideal of beauty as a guarantee for regaining the ideal of human body for ourselves, and with it – our totality and inner paradise as well.

Figure 3 – Photo by Pelle Cass, 2019. Source: Instagram.

According to S. S. Avanesov, “the cultural identity of individuals is expressed through the visual specificity of the culture to which they belong. It’s impossible to adequately explore a culture in its social or anthropological dimension without studying its visual parameters” (Avanesov, 2015 [24, p. 19]). It is very important for us to use the term “cul-

ture” to denote the totality of values and the ways of their symbolic expression that are inherent in society and serve as the basis for its personal and national identification. A photographic image provides the basis for identification. A person through a visual image seeks to determine his personal, and then national identity. In today’s world, identity is a dynamic system. In this regard, it can be compared with sports, which also constantly develop and ultimately open up new sports, modify qualification competitions, etc. A photographic image, in particular sports photography, is a language, genuine reasoning, which has questions the answer to which may be a photograph, which includes positive or negative judgments.

CONCLUSION

So it would be no exaggeration to say that sports photography is a peculiar ‘dream machine’ for the individual: and, to be more exact, an identity-making machine of the body and physical achievements dreamt, an image-making machine of the human being triumphing over transient matter and gravity.

Sports photography seems to us to be an international language that is understood by a large community of people around the world. It is with the help of the language of photography, in particular sports, that the basic condition for understanding national and personal identity as symbolic capital is born.

Due to the objective process of transforming photographic images into world history and an ever-growing interest in these issues, photography is a constructor of personal as well as national identity.

REFERENCES:

1. Bourdieu 1984 – Bourdieu P. *Distinction: A social critique of the judgement of taste*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
2. Angelova-Igova 2017 – Angelova-Igova B. *Athletes’ Body-Machine: From Michael Phelps to Oscar. Pistorious, in Reflecting on Modern Sport in Ancient Olympia*, Parnassous Press, NY, 2017. P. 81-95.
3. Gleaves 2017 – Gleaves J. *Sport as Meaningful Narratives*, *Journal of the Philosophy of Sport*, 2017. P. 29-43.
4. Mileva 2000 – Mileva El., *Aesthetics and Business in Sport*, S., NSA. Originally in Bulgarian: *Милева, Ел., Естетика и бизнес в спорта*, С., HCA, 2000.
5. Mead 1926 – Mead G. H. *The Nature of Aesthetic Experience*. // *International Journal of Ethics*. 1926. Vol. 36. P. 382–392.
6. Ferry 1993 – Ferry L. *Homo Aestheticus: The Invention of Taste in the Democratic Age*. University of Chicago Press, 1993.
7. Jensen 2010 – Erik N. Jensen. *BODY BY WEIMAR Athletes, Gender, and German Modernity*. Oxford Publishing, 2010.
8. Silver 2011 – Silver E. K. *Chaos & Classicism: Art in France, Italy and Germany*, The Solomon R. Guggenheim Foundation, NY, 2011.
9. De Žayas M. *Fotografie (1913)* // *Theorie der Fotografie II*. / Hrsg. Von W. Kemp. - München, 1999, P. 45-48.
10. O’Mahony 2006 – Mike O’Mahony. *Sport in the USSR, Physical Culture – Visual Culture*, Published by Reaktion Books Ltd, 2006.
11. Ivanov, Iancheva, Gencheva, Gencheva 2014 – Ivanov I., Iancheva T., Gencheva N., Gencheva A., *Motivation and attitudes off football and volleyball fans. Sport, stress, adaptation - Sixth International Scientific Congress, Sofia*. 2014. Pp. 252-256.
12. Pedev, Iskrev, Koseva, 2014 – Pedev T., Iskrev A., Koseva. P. *Specific requirements for television coverage of an orientation competition* // *Sport and Science. Special Issue 2*. 2014. PP. 58-64.
13. Blumenberg 1985 – Blumenberg H. *Work on Myth*. Massachusetts Institute of Technology: The MIT Press, 1985.
14. Adorno 1997 – Adorno Th. *Aesthetic Theory*. (Trans. R. Hullot-Kentor). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
15. Marx 1961 – Marx K., Engels F. *Compositions*. T. 25. 1961. P. 630.
16. Hegel 1975 – Hegel G. *Aesthetics. Lectures on Fine Art*. (Transl. by T. M. Knox). Oxford University Press, 1975. Vol. 1.
17. Borissova 2017 – Borissova S. *Mythology of the Beautiful as a Mythology of the Identical*. // *Philosophical Alternatives*. 2017. Vol. 4. PP. 83–97.
18. Šalda 1950 – Šalda Fr. K. *Nová krása: její genese a charakter*. // *Boje o zítřek: meditace a rapsodie*. Praha: Melantrich. 1950. P. 84–110.
19. Marinetti 1909 – Marinetti F. T. *The Founding and Manifesto of Futurism*. (Transl. by Thames and Hudson Ltd, London), 1909. URL: www.italianfuturism.org.
20. Ortega y Gasset 1969 – Ortega y Gasset J. *The Dehumanization of Art*. // *The Dehumanization of Art and Other Essays on Art, Culture, and Literature*. Princeton University Press, 1969.
21. Ferrando 2016 – Ferrando F. *The Party of the Anthropocene: Post-humanism, Environmentalism and the Post-anthropocentric Paradigm Shift*. // *Relations. Beyond Anthropocentrism*. 2016. Vol. 4. No. 2. P. 159–173.
22. Liddell, Scott 1940 – Liddell H. G., Scott R. *Καλός* // *A Greek-English Lexicon*. (Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of. Roderick McKenzie). Oxford: Clarendon Press, 1940.

23. Barthes 1980 – Barthes R. *Camera Lucida. Reflections on Photography.* (Transl. by Richard Howard). New York: Hill and Wang, 1980.

24. Avanesov 2015 – Avanesov S. S. *Subject area and epistemic structure of visual anthropology.* ПРАΞΗΜΑ. *Journal of Visual Semiotics.* 2015. №1 (3). P. 11-20.

Received date: 22.12.2020

Revised date: 13.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

UDC 378
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0002

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ГЕЙМИФИКАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

© Автор(ы) 2021
ORCID: 0000-0002-2842-0168
ResearcherID: 5028-2018

КОБЕРНИК Александр Николаевич, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедры педагогики и образовательного менеджмента
Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины
(20301, Украина, Умань, ул. Садовая, 28, e-mail: pedagogikaudpu@ukr.net)

ORCID: 0000-0003-6882-5145
ResearcherID: W-7376-2019

ОСАДЧЕНКО Инна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры
педагогики и образовательного менеджмента
Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины
(20301, Украина, Умань, ул. Садовая, 28, e-mail: osadchenkoinna1@gmail.com)

Аннотация. В статье на основании анализа научных источников и эмпирического материала обосновано теоретические и методологические особенности геймификации учебного процесса в высшем учебном заведении. Указано, что существенная разница между геймификацией и игровой технологией обучения заключается в том, что будущий специалист, вовлеченный в геймифицированный учебный процесс, не играет само собой, а обучается с определением правил обучения, как игры. Обобщено и уточнено критерии, соответствие которым определяет геймификацию учебного процесса в высшем учебном заведении, в отличие от классического варианта использования дидактических игр: четко определенные цели, обеспечивающие мотивацию участия студентов в игре; логические и последовательные правила, задающие студентам ограничения и рамки достижения поставленных учебных целей; создание истории, легенды с драматическими сюжетами, сопровождающими процесс обучения с целью создания у студентов чувства причастности, вклада в общее дело; эстетика игры, к которой прежде всего, относятся элементы игрового компьютерного дизайна учебного курса (баллы, уровни / этапы; значки; таблицы лидеров; призы, награды и вознаграждения; ленты прогресса; сюжетная линия; обратная связь); стабильная система измеримой обратной связи, гарантирующей то, что поставленные студентам учебные цели достижимы, а обучающие следуют дидактическим правилам. Определены следующие методологические подходы к внедрению указанной инновации: глобальный информационно-компьютерный, поскольку «планета» уже вовлечена в глобальную геймификацию образования, учитывая его тенденции к информальности и непрерывности, преобладание «клипового» мышления у подрастающего поколения; технологический; системный и практико-ориентированный подходы.

Ключевые слова: геймификация, мотивация, игровые технологии обучения.

CAMIFICATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION: THEORY AND METHODOLOGY

© The Author(s) 2021

КОБЕРНИК Alexander Nikolajevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department
of the Pedagogical and Educational Management
Uman State Pedagogical University named Pavlo Tychyna
(20301, Ukraine, Uman, Sadova street, 28, e-mail: pedagogikaudpu@ukr.net)

ОСАДЧЕНКО Inna Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department
of the Pedagogical and Educational Management
Uman State Pedagogical University named Pavlo Tychyna
(20301, Ukraine, Uman, Sadova street, 28, e-mail: osadchenkoinna1@gmail.com)

Abstract. In the article, based on the analysis of scientific sources and empirical material, the theoretical and methodological features of the gamification of the educational process in a higher educational institution are substantiated. It is pointed out that a significant difference between gamification and gaming technology of learning is that a future specialist involved in a gamified educational process, does not play by itself, but learns with the definition of the rules of learning, like a game. Generalized and clarified the criteria, the compliance with which determines the gamification of the educational process in a higher educational institution, in contrast to the classic version of using didactic games: clearly defined goals that provide motivation for students to participate in the game; logical and consistent rules that set the limits and framework for students to achieve their educational goals; creation of a story, a legend with dramatic plots accompanying the learning process in order to create a sense of involvement in students, a contribution to a common cause; the aesthetics of the game, which primarily includes elements of the game computer design of the training course (balls, levels / stages; badges; leaderboards; prizes, awards and rewards; progress ribbons; storyline; feedback); a stable system of measurable feedback to ensure that the learning objectives set by the students are achievable and the teaching staff follow the didactic rules. The following methodological approaches to the implementation of this innovation have been identified: global information-computer, since the “planet” is already involved in the global gamification of education, taking into account its tendencies towards informality and continuity, the predominance of “clip” thinking in the younger generation; technological; systemic and practice-oriented approaches.

Keywords: gamification, motivation, game technologies of teaching.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными или практическими заданиями. Современные преподаватели имеют огромные возможности в выборе концепций, подходов, технологий обучения будущих специалистов. Двувекторность этого процесса определяется, с одной стороны, возможностью преподавателей в учебном процессе высшего учебного заведения использовать неограниченную фантазию,

воображение, импровизацию. С другой стороны, указанное требует повышения ответственности педагогов высшей школы за результативность своего труда путем четкого дидактического ограничения «полета» преподавательского творчества. Прежде всего, указанное касается использования в высших учебных заведениях педагогических инноваций, к которым, например, относится геймификация учебного процесса профессионально-педагогической подготовки будущих специалистов, ак-

тивно формирующей их профессиональную компетентность путем специального претворения самого процесса подготовки в дидактическую игру, или же использования дидактических игр нового поколения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются автор; выделение неисследованных ранее частей общей проблемы. Проблема использования игровой деятельности в высших учебных заведениях исследовалась такими учеными, как С. Бурлака, М. Двадненко, Н. Привалова (методы игрового обучения – деловая учебная игра, ролевая игра, психологический тренинг и т. п.) (Privalova, 2018); В. Василенко (учебная игра как форма интерактивного учебного процесса в университетах) (Vasilenko, 2014); Н. Кудыкина (педагогическая и феноменологическая характеристика игры) (Kudykina, 2010); Н. Мойсеюк (дидактическая характеристика и классификация игры) (Moiseyuk, 2009); Г. Селевко (альтернативные игровые технологии обучения) (Selevko, 2005) и др. В отечественной и зарубежной литературе геймификация учебного процесса наиболее полно представлена в работах, посвященных: определению сущности этого понятия в контексте современного образования (Belkyn, 2016; Deterding et al, 2011; Nytsa, 2012 и др.); обобщению точек зрения современных ученых относительно популяризации и структуры геймификации образования (Buhaychuk, 2015; Nah et al, 2014 и др.); психолого-педагогическому объяснению феномена игры в перспективе ее позитивного влияния на людей и цивилизацию в целом (McGonigal, 2011 и др.); правилам игры, основам игрового дизайна в обучении (Salen et al, 2003 и др.); воздействию геймификации на информационно-образовательную среду обучающихся (Polyakova et al, 2015 и др.); внедрению геймификации в высшее образование (Elyseeva, 2015; Tarnopol's'kyu et al, 2018; Makarevych, 2015 и др.) и др.

Например, результатом проведенного анализа М. Кабановой, С. Кожушко, А. Тарнопольского являются: теоретическое обоснование внедрения четкой номенклатуры игровых технологий / игровых видов учебной деятельности для использования в учреждениях высшего образования; определение того, что «применение игровых технологий / игровых видов учебной деятельности вполне «вписывается» в общепедагогическую методологию внедрения геймификации как инновационного подхода к построению современного высшего образования», в частности в курсах иноязычной подготовки; доказательство возможностей целесообразности проведения геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях не только без компьютерной составляющей, но и с широким использованием информационных технологий обучения и т.д. (Tarnopol's'kyu et al, 2018, 21). Однако, в статье не указано четкой характеристики геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях.

В отдельных работах высказываются мнения критического отношения к исследуемому явлению. К примеру, геймификация, по мнению К. Бугайчук, должна быть скорее факультативной, чем первостепенной. Она довольно эффективна для наглядного признания достижений студента или организации соревнований внутри учебного курса, но не для достижения четких учебных целей, реальности полученных результатов и их возможного применения в профессиональной деятельности (Buhaychuk, 2015, 4).

Обоснование актуальности исследования. Таким образом, необходимость осознанного внедрения геймификации в учебный процесс высшего учебного заведения определяется: а) новизной, а значит, недостаточностью теоретического обоснования и экспериментального подтверждения эффективности указанной инновации; б) принадлежностью геймификации, по своей сути, к игровым технологиям обучения, использование которых само собой не является педагогической панацеей

и вызывает как одобрение, так и порицание практиков; определяет как разноплановость использования, так и ограниченность, с дидактической точки зрения, содержанием и спецификой учебного предмета и конкретного учебного материала.

Формирование целей статьи. Цель статьи – на основании анализа научных источников и эмпирического материала обосновать теоретические и методологические особенности геймификации учебного процесса в высшем учебном заведении.

Постановка заданий. В процессе достижения цели статьи предполагается выполнение таких заданий: а) обоснование разницы между геймификацией и уже привычной для педагогов технологий игрового обучения; б) обобщение и уточнение критериев, соответствие которым определяет геймификацию учебного процесса в высшем учебном заведении, в отличие от классического варианта использования дидактических игр; в) выделение методологических подходов к внедрению указанной инновации.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для выполнения указанных заданий и достижения сформулированной цели использованы теоретические методы исследования: анализ, обратный синтез, сравнение, классификация научных идей, представленных в источниках (Honcharenko, 2008).

Метод анализа научного понятия (геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях) использован для изучения этого понятия с помощью мысленно-практического его расчленения на составляющие элементы (части, характеристики каждой части, выделения критериев и т. п.). Каждую часть геймификации описано отдельно и в рамках единого целого – как системы. Указанное необходимо для определения построения геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях, ее особенностей, выделения существенного от несущественного в этом процессе.

Обратный синтез позволил выделить и объединить существенные составляющие геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях, упуская вторичные компоненты путем теоретических размышлений, учитывая причинно-следственные связи между ними.

Метод сравнения использован для сопоставления характеристики общего и конкретного представления ученых о сущности геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях с целью определения в их трактовке указанного процесса аналогичного, похожего и отличного, а также выделения общих свойств, как для зарубежной, так и для отечественной геймификации.

Классификация научных идей, как вид метода анализа, позволил обобщить, уточнить и объединить критерии, соответствие которым определяет геймификацию учебного процесса в высшем учебном заведении; выделить методологические подходы к внедрению указанной инновации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Геймификация (геймизация, игрофикация, англ. *Gamification*) – это использование игровой деятельности в процессе решения жизненных и профессиональных проблем (Salen et al, 2003). Уже само определение этого понятия стимулирует дискуссию: в чем же отличается геймификация от уже привычной для педагогов технологий игрового обучения?

Игра – это система, в которой игроки задействованы для решения искусственной проблемы, что определяется правилами и находит выражение в количественном результате. От других игровых форматов геймификация отличается тем, что ее участники ориентированы на цель своей реальной деятельности, а не на игру, как таковую. Игровые элементы интегрируются в реальные ситуации для мотивации конкретных форм поведения и учебной

деятельности в заданных условиях (Salen et al, 2003, 80).

Исследователи проблемы использования игры в учебном процессе (Kudykina, 2010; Moiseyuk, 2009 и др.) утверждают, что игра создана обществом для управления развитием личности и в этом контексте она является педагогическим творением. Стоит отметить, что в отечественной и зарубежной науке отсутствуют устоявшиеся взгляды даже на определение сущности дидактических игр: ученые классифицируют их как вид (Kudykina, 2010 и др.), форму или метод (Moiseyuk, 2009 и др.). Например, Н. Мойсеюк утверждает, что игра – это форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, зафиксированного в социально-закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры (Moiseyuk, 2009, 23). По мнению Г. Селевка (Selevko, 2005), в этом случае речь идет об игровой технологии, ведь именно по своей природе игра – это наиболее свойственная форма жизнедеятельности личности.

Если кратко рассмотреть историю возникновения и развития технологии геймификации, то стоит отметить, что первое упоминание о ее использовании датируется 1896 г. В 1973 г. опубликована книга Ч. Кунрада «The Game of Work», в которой поднят вопрос о повышении производительности работы сотрудников за счет игровых элементов, заимствованных в спорте. И только в 2002 г. возникает сам термин «геймификация», характеризовавший процесс овладения человеком новыми знаниями и умениями в процессе игровой деятельности. Отметим, что в 2012 г. на образовательный платформе Coursera стартовал учебный курс К. Вербаха «Gamification», который учил своих пользователей теории и практике применения этой образовательной технологии в различных сферах жизнедеятельности (Verbakh, 2014). До сих пор многие исследователи (Belkyn, 2016; Buhaychuk, 2015; Deterding et al, 2011; Elyseeva, 2015; Makarevych, 2015; McGonigal, 2011; Nah et al, 2014; Nytsa, 2012; Tarnopol's'kyu et al, 2018 и др.) и практики высшего образования рассматривают геймификацию лишь с точки зрения взаимодействия со студентами в процессе использования компьютерных образовательных игр, компьютерных обучающих программ с игровой концепцией, игровых приложений, интернет-курсов и т. п.

Несмотря на различные трактовки игровой деятельности, общим мнением исследователей является то, что в процессе игры обеспечивается трансляция определенного элемента культуры (сюжета), что является формой передачи культурного опыта (например, способа деятельности), который в процессе развития индивида и апробации этой деятельности во время игры наполняется личностным содержанием. Поэтому игровая деятельность – одна из основ профессиональной подготовки будущих специалистов. Итак, стиль, образец деятельности (модель) передается от поколения к поколению. При этом обучение в игре (модели деятельности) обеспечивает появление, создание новых способов деятельности в соответствии с заданными общими формами, что очень важно, например, при формировании умений профессиональной импровизации. Поэтому геймификация – это способ воздействия на поведение студентов во время игры, когда они меняют, совершенствуют и превращают каждое действие в собственный опыт. Таким образом, ключевым, по нашему мнению, является синергетика использования геймификации обучения, поскольку речь идет о формировании новообразований в мышлении и поведении будущих специалистов.

Обобщая позитивные моменты геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях, Е. Елисеева определяет такие ее результаты:

- мотивационное привлечение современного «играющего» поколения студентов к реалиям будущей профессиональной деятельности путем погружения в эту деятельность посредством привычных игровых техно-

логий;

- погружение посредством специально выстроенной игровой реальности в систему формирования ценностей будущей профессиональной реализации;

- способствование лучшему усвоению учебного материала путем преодоления учебной инертности и консерватизма современного высшего образования;

- превращение учебного процесса в увлекательное занятие, вовлекая студентов в учебный процесс путем создания необходимого эмоционального фона, позитивного настроения, «устремленности к преодолению проблем без стресса, достижению целей и получению результатов» (Elyseeva, 2015, 163).

Современные зарубежные ученые называют геймификацию учебного процесса в высших учебных заведениях эволюцией опыта преподавания и обучения. Характеристика геймификации обучения студентов раскрывается в способе их вовлечения в изучение материала путем использования типичных для повседневной нынешней жизни молодежи действий – компьютерных игр. В тоже время, исследователи выделяют основные проблемы геймификации высшего образования: а) недостаточность ознакомления преподавателей университетов с онлайн-платформами, которые можно использовать в процессе преподавания тех или иных учебных предметов; б) некоторое противоречивое отношение преподавателей к возможности возникновения мотивации у студентов в результате внедрения геймификации их обучения, поскольку игра не всегда надолго может удержать внимание студента, настроенного на традиционное, серьезное обучение (Rahman, Ahmad, Hashim, 2019, 192).

Необходимо понимать, что существенная разница между геймификацией и игровой технологией обучения заключается в том, что обучающийся – будущий специалист, вовлеченный в геймифицированный учебный процесс, не играет само собой, а обучается с определением правил обучения, как игры. С психологической точки зрения, можем говорить о элементах манипулирования сознанием обучающихся посредством игры, что стимулирует мотивацию совершения ими отдельных актов и обучения в целом.

Учитывая то, что концепцией геймификации является дидактическая или другая игра, использованная не напрямую / напрямую (как игра), целесообразным является описание геймификации в качестве технологии обучения. В тоже время, анализ научных работ (Belkyn, 2016; Buhaychuk, 2015; Deterding et al, 2011; Elyseeva, 2015; Makarevych, 2015; McGonigal, 2011; Nah et al, 2014; Nytsa, 2012; Tarnopol's'kyu et al, 2018 и др.) констатирует отсутствие понятия «технология геймификации». Определение геймификации как педагогической категории до сих пор не обосновано. Поэтому, в исследованиях указанных выше ученых понятие «геймификация» классифицируют понятиями «вид», «тип», «концепция», «технология» и т. п. обучения.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Анализ научных исследований (Verbakh, 2014; Elyseeva, 2015; McGonigal, 2011; Nah et al, 2014; Polyakova et al, 2015 и др.) позволил нам обобщить и уточнить критерии, соответствие которым определяет геймификацию учебного процесса в высшем учебном заведении, в отличии от классического варианта использования дидактических игр:

1. Четко определенные, системные цели, обеспечивающие мотивацию участия студентов в игре. Мотивационный контекст должен присутствовать буквально во всех учебных элементах. Прежде всего, это геймификация предполагает не только традиционное оценивание достижений студентов в баллах, но и дополнительное мотивирование нетрадиционным оцениванием: уровни / этапы, ленты прогресса, таблицы лидеров – оценка достижений студентов; призы, значки, награды и вознаграждения за отдельные, даже незначительные учебные успехи и т. п.

2. Логические и последовательные правила, задающие студентам ограничения и рамки достижения поставленных учебных целей.

3. Создание истории, легенды с драматическими сюжетами, сопровождающими процесс обучения с целью создания у студентов чувства «причастности, вклада в общее дело, интереса к достижению учебных целей» (Polyakova et al, 2015).

4. Эстетика игры, к которой прежде всего, относятся элементы игрового компьютерного дизайна учебного курса.

5. Стабильная система измеримой обратной связи, гарантирующей то, что поставленные студентам учебные цели достижимы, а обучающие следуют дидактическим правилам. Такая обратная связь позволяет корректировать учебное поведение студентов. О. Козлов, В. Полякова называют этот признак основным принципом геймификации, позволяющей «быстрое освоение всех функциональных возможностей программной оболочки игры (игрового приложения) и поэтапное освоение учебного материала» (Polyakova et al, 2015) (рис. 1).

Рисунок 1 - Критерии геймификации учебного процесса в высшем учебном заведении

*Рисунок разработан авторами

Кроме объединенных нами пяти критериев, Дж. Макгонигал (McGonigal, 2011) выделяет всего четыре критерия, предлагает учитывать, в качестве показателя, добровольное согласие обучающихся на участие в игре и следования правилам достижения цели. На наш взгляд, этот критерий, несколько не целесообразен в системе высшего образования, поскольку преподаватель не всегда может учесть изменяемые пожелания всех студентов, планируя их коллективное участие в учебном процессе. В этом случае, должен быть полноценно реализован первый критерий – четко определенные цели, обеспечивающие мотивацию участия студентов в игре.

Группа американских ученых (Nah et al, 2014, 403–408) еще в 2014 г. провели теоретическое исследование, целью которого был анализ научных источников, касательных проблемы геймификации образования. Результатами этого исследования стало определение восьми элементов игрового компьютерного дизайна геймифицированных образовательных курсов, широко используемых в образовательном контексте: балы, уровни / этапы; значки; таблицы лидеров; призы, награды и вознаграждения; ленты прогресса; сюжетная линия; обратная связь (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика элементов игрового компьютерного дизайна геймифицированных учебных курсов

№	Элементы игрового дизайна для образования	Учебная цель элемента	Особенности
1.	Балы	Определитель успеха или достижения; вознаграждение; форма инвестиций для дальнейшего прогресса.	Балы опыта – заработанные студентами в процессе выполнения задания. Кредиты академического пространства.

2.	Уровни / этапы	Ощущение прогресса в игре.	Начальные уровни – легкие, чтобы возник стимул. Последующие уровни требуют от студентов больше усилий и навыков.
		Форма вознаграждения	Переход на новый уровень – победа, прогресс.
3.	Значки	Знак благодарности; мотивация к последующим действиям.	Любая награда является стимулом к деятельности.
4.	Таблицы лидеров	Удерживание мотивации студентов и создание потребности продвигать себя (свое имя) соответственно достижениям. Создание конкурентной среды студентов. Отображение текущих уровней рекордов и общих баллов.	С целью избежания демотивации студентов, находящихся в конце списка рейтинга, исследователи рекомендуют указывать в таблице только пятерку-десятку лидеров. По нашему мнению, лучше указывать только первых трех студентов-лидеров.
5.	Призы, награды и вознаграждения	Мотивация студентов	На мотивацию студентов может влиять время и масштаб призов и вознаграждений. Поэтому лучше давать несколько незначительных наград, нежели долго ожидать одной значительной. Кроме того, важно, чтобы порядок присуждения призов и т. п. был равномерно распределен на протяжении всего учебного года. Например, таким вознаграждением в четко-ролевых ситуациях игры является смена роли (персонажа) с повышением его социально-игрового статуса. В виртуальных играх часто априори предусмотрена такая возможность смены персонажа благодаря использованию заработанных баллов.
6.	Ленты прогресса	Мотивация студентов	Вариация предыдущих элементов игрового дизайна, но визуально, наглядно (в диаграмме, прямой ленте растущих показателей, схеме и т. п.) демонстрирующей общий прогресс действий студентов.
7.	Сюжетная линия	Стимулирование интереса к действию	Рассказ или же история в игре. Ученые утверждают, что дидактически обоснованный и эмоционально предложенный сюжет удерживает мотивацию студентов на протяжении всего учебного года, иллюстрируя практические примеры использования приобретенной компетентности в жизни.
8.	Обратная связь	Определение продуктивности обучения и степени вовлеченности студентов в этот процесс.	Важна частота, интенсивность, объективность, четкость и срочность обратной связи.

*Таблица составлена авторами на основе анализа статьи А. Айяппы, Ф. На, В. Теларолу, Ц. Цзена, Б. Эшенбреннер (Nah et al, 2014, 403–408)

Как видим, ключевой учебной целью каждого элемента игрового компьютерного дизайна геймифицированных учебных курсов также является мотивация дальнейших действий студентов, как основная задача геймификации. На наш взгляд, основой такой мотивации студентов является ориентированность на соревновательность учебного процесса. Настолько такая соревно-

вательность продуктивна в высших учебных заведениях, очевидно, продемонстрирует образовательное время. По нашему мнению, аналогичная соревновательность (еще без внедрения технологий компьютерного обучения), с наградами и предусмотрением перехода на следующий, высший уровень, была характерна для воспитательного процесса в советской школе.

Соревнования между октябрятскими звездочками, пионерскими отрядами, комсомольскими организациями (группами, коллективами) и внутри отряда / звездочки / организации (индивидуально) с получением премий, грамот, медалей, переходящих флагов и т. п. составляли доминанту воспитательной работы учащихся и молодежи. О результативности такой работы, опуская политически-идеологическую составляющую, указано в системе педагогической деятельности А. Макаренка и В. Сухомлинского. С научной точки зрения, важно сопоставить результативность именно этой – соревновательно-мотивирующей – составляющей учебного процесса прошлого и настоящего, опять-таки, упреждая идеологическое содержание его организации. Но именно эта составляющая, считаем, указывает на классический способ возникновения педагогических инноваций – синергетическим путем – саморазвития существующих технологий обучения путем влияния на них внешних факторов развития общества.

Именно поэтому Н. Лобачева констатирует, что геймификация высшего образования возникла в результате не борьбы с явлением массовой культуры – повсеместного использования студентами гаджетов, а путем его использования с целью мотивированного создания конструктивных условий учебной деятельности в высших учебных заведениях. Исследовательница утверждает, что ключевым моментом геймификации является стимулирование учебного интереса студентов посредством специальных, запланированных наград с одновременной возможностью перехода на высшую ступень обучения. При этом надо придерживаться четкого графика награждений, выделяя такие виды наград: а) непрерывные (за каждое присутствие на занятии и т. п.); б) фиксированные (за несколько ответов на занятии, или за конкретную часть выполненного домашнего задания); в) нефиксированные – единичные (за целостное выполнение конкретного задания) (Lobacheva, 2019, 114). Как видим, акцент сделан на стимуле-награде за обучение, преобразованном в конкретные оценки за результат учебной работы.

В отечественной публикации А. Макаревич (Makarevych, 2015) также главными преимуществами геймификации учебного процесса называет ее мотивационный потенциал через: состязательный характер, что повышает уровень качества и скорости учебной работы; способность усвоить в игровой форме значительно больший объем материала, что также будет содержаться в памяти дольше; эффективность для применения с целью выработки и визуализации конкретных навыков, которые сложно продемонстрировать традиционным способом; для устройства учебной состязательности с целью самонаблюдения участников за своим прогрессом и т. п. Значимость этого исследования заключается в его ориентированности на дистанционное обучение (несмотря на публикацию статьи еще в 2015 г. – задолго до суперактуальности такой формы обучения): «В онлайн-образовании геймификацию можно применять, как для освоения пользователем системы управления обучением, так и для повышения вовлеченности в процесс обучения» (Makarevych, 2015, 275). В статье упоминается о важности системного подхода при внедрении геймификации в образовании. Однако, этот подход был лишь упомянут, но не проанализирован в контексте других методологических подходов к исследуемой проблеме.

Основываясь на результатах анализа научных источников (Belkyn, 2016; Buhaichuk, 2015; Deterding et al., 2011; Elyseeva, 2015; Makarevych, 2015; McGonigal,

2011; Nah et al., 2014; Nytsa, 2012; Tarnopol's'kyy et al., 2018 и др.) и собственном опыте работы в высших учебных заведениях с использованием геймификации учебного процесса, выделяем следующие методологические подходы к внедрению указанной инновации:

1. Глобальный информационно-компьютерный подход. Мы умышленно назвали этот подход триединым понятием. Во-первых, системы (платформы), используемые в основном виде геймификации, характеризуются глобальным внедрением и использованием: вне стран, политики образования, стиля образования. Во-вторых, их глобальное использование вынуждает / стимулирует необходимость знания английского языка, поскольку все компьютерные продукты именно на нем. Это ликвидирует языковой барьер передачи информации, образования и делает обучение за компьютером, опять-таки, общедоступным в мировом масштабе. В-третьих, в нынешнее время труднее представить человека любого возраста – от годовалого ребенка до старца – с книгой, нежели без смартфона или компьютера. Значительная часть пользования этими средствами уделяется именно компьютерным играм и развлечениям. Однозначный вывод о только вреде таких игр нельзя делать, поскольку, кроме прочего, автоматически, подсознательно пользователь компьютерной программой усваивает новые знания (значение терминов; слова для активного словарного запаса; сущность какой-либо технической процедуры и т. п.), умения и навыки (пользования новой программой; последовательность правил игры; использование новых приложений и т. п.). Таким образом, «планета» уже вовлечена в глобальную геймификацию образования, учитывая его тенденции к информальности и непрерывности, преобладание «клипового» мышления у подрастающего поколения.

2. Технологический подход, поскольку: а) дидактическая игра – процесс четкого придерживания правил и инструкций, то есть каждая игра – частная технология; б) обобщенная технология использования игр в обучении описана, как технология игрового обучения, а планомерное использование компьютерных средств в образовании – технология информационно-компьютерного обучения; в) технология от методики обучения отличается, прежде всего, алгоритмичностью, однозначной продуктивностью путем четкого планирования и достижения запланированных учебных результатов и т. д., то и геймификацию учебного процесса в высших учебных заведениях следует характеризовать как технологию обучения.

3. Системный подход – концептуальный подход внедрения и использования любой технологии обучения, поскольку предполагает логичное рассмотрение ее реализации путем целостной и продуктивной взаимосвязи всех ее компонентов. Главное правило придерживания этого подхода – отслеживание любого изменения как отдельного компонента технологии обучения, так и специфики прямой / обратной связи между компонентами, что предполагает однозначное изменение взаимодействующего компонента и технологии обучения в целом. Следственно, продуктивное внедрение геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях предполагает рассмотрение ее в виде четкой системы обучения в системе большего порядка – образовательного процесса вуза.

4. Синергетический подход, предусматривающий естественное самовозникновение новых компонентов геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях, вследствие процессуального взаимодействия ее предусмотренных компонентов как системы, учитывая то, что и сама геймификация возникла путем усовершенствования предыдущих технологий обучения. Такие возникновения путем саморазвития будут происходить не только в самой геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях, но и в структуре мышления и поведения субъектов, использующих геймифика-

цию.

5. Практико-ориентированный подход, поскольку цель использования геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях – мотивация студентов к приобретению наивысшего уровня профессиональной компетентности. Каждая разработка геймификации должна быть ориентирована на углубление приобретенных или на приобретение новых профессиональных компетентностей в условиях, реально отдаленных от практики, но виртуально – в игре – максимально способствующих достижению запланированного результата обучения (рисунок 2).

Рисунок 2 - Методологические подходы к геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях

*Рисунок разработан авторами

Считаем, что продуктивность геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях будет гарантирована только при условии реализации и взаимосвязи указанных и других методологических подходов.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. На основании анализа научных источников и эмпирического материала обоснованы теоретические и методологические особенности геймификации учебного процесса в высшем учебном заведении. Указано, что существенная разница между геймификацией и игровой технологией обучения заключается в том, что будущий специалист, вовлеченный в геймифицированный учебный процесс, не играет само собой, а обучается с определением правил обучения, как игры. Обобщено и уточнено критерии, соответствие которым определяет геймификацию учебного процесса в высшем учебном заведении, в отличие от классического варианта использования дидактических игр: четко определенные цели, обеспечивающие мотивацию участия студентов в игре (традиционное/ нетрадиционное оценивание учебных достижений); логические и последовательные правила, задающие студентам ограничения и рамки достижения поставленных учебных целей; создание истории, легенды с драматическими сюжетами, сопровождающими процесс обучения с целью создания у студентов чувства причастности, вклада в общее дело; эстетика игры, к которой прежде всего, относятся элементы игрового компьютерного дизайна учебного курса (балы, уровни / этапы; значки; таблицы лидеров; призы, награды и вознаграждения; ленты прогресса; сюжетная линия; обратная связь); стабильная система измеримой обратной связи, гарантирующей то, что поставленные студентам учебные цели достижимы, а обучающие следуют дидактическим правилам. Определены следующие методологические подходы к внедрению указанной инновации: глобальный информационно-компьютерный, технологический, системный и практико-ориентированный подходы.

Перспективы дальнейших исследований этого направления. Перспективным направлением исследовательской деятельности может быть определение дидактической характеристики геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях; описание геймификации в качестве технологии обучения; особенностей геймификации учебного процесса в высших учебных заведениях не только посредством информационно-компьютерного обеспечения; обоснование эффекта манипулирования сознанием обучаемых посредством геймифи-

кации и др.

REFERENCES:

1. Belkyn, F. A. (2016). *Heymyfykatsyya v obrazovanii. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. T. 5, 3, 28–34.
2. Buhaychuk, K. L. (2015). *Heymyfikatsiya u navchanni: sutnist', perevahy, nedoliki. Dystantsiyna osvita Ukrainy: proceedings of the Scientific and Practical Conference*. Kharkiv: KHADI, 39–43 [in Ukrainian].
3. Deterding, S., Dixon, D., Khaled, R., Nacke, E. (2011). *Gamification: toward a definition*. CHI. Vancouver: BC. URL: <http://gamification-research.org/wp-content/uploads/2011/04/02-Deterding-Khaled-Nacke-Dixon.pdf>
4. Elyseeva, E. V. (2015). *Heymyfykatsyya kak trend v razvytyiyye systemy professional'nogo obrazovaniya*. Nauchnyy al'manakh, 10–2 (12), 162–164 [in Russian].
5. Honcharenko, S. U. (2008). *Pedahohichni doslidzhennya: metodolohichni porady molodym naukovtsyam*. Vinnytsya : DOV «Vinnytsya», 278. [in Ukrainian].
6. Kudykina, N. V. (2010). *Hra: fenomenolohichna ta pedahohichna kharakterystyky. Osvitnyy dyskurs – Educational discourse*, 1, 20–31 [in Ukrainian].
7. Lobacheva, N. (2019). *Gamification of the Educational Process in Higher Education Institutions. International Scientific and Practical Conference on Education, Health and Human Wellbeing (ICEDER 2019)*. P. 112–116. URL: https://www.researchgate.net/publication/339347863_Gamification_of_the_Educational_Process_in_Higher_Education_Institutions.
8. Makarevych, O. O. (2015). *Heymyfikatsiya yak nevid'yemnyy chynnyk pidvyshchennya efektyvnosti elementiv dystantsiynoho navchannya. Molodyy vchenyy – A young scientist*, 2 (17), 275–278 [in Ukrainian].
9. McGonigal, J. (2011). *Reality is broken: why games make us better and how they can change the world*. URL: [http://hci.stanford.edu/courses/cs047n/readings/Reality is Broken.pdf](http://hci.stanford.edu/courses/cs047n/readings/Reality%20is%20Broken.pdf).
10. Moysyuk, N. Ye. (2009). *Pedahohika: navch. posibnyk*. Kyiv [in Ukrainian].
11. Nah, F. F., Zeng, Q., Telaprolu, V. R., Ayyappa, A. P., Eschenbrenner, B. (2014). *Gamification of Education: A Review of Literature. International Conference on HCI in Business*, 401–409. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-07293-7_39.
12. Nytsa, A. (2012). *Heymyfykatsyya v obrazovanii*. URL: <https://test.ru/2012/12/21/gamification-education/> [in Russian].
13. Polyakova, V. A., Kozlov, O. A. (2015). *Vozdeystviye heymyfykatsyy na ynforymatsyonno-obrazovatel'nyuyu sredyu shkoly. Sovremennyye problemy nauki y obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22236>.
14. Privalova, N. M., Dvadenko, M. V., Burlaka, S. D. (2018). *Igrovyye interaktivnyye metody obucheniya v vysshey shkole. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. № 4*. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27951> [in Russian].
15. Rahman R., Ahmad S., Hashim U. R. (2019). *A Study on Gamification for Higher Education Students' Engagement Towards Education 4.0. Intelligent and Interactive Computing*. January. pp.491–502. URL: https://www.researchgate.net/publication/333154177_A_Study_on_Gamification_for_Higher_Education_Students'_Engagement_Towards_Education_4_0
16. Salen, K., Zimmerman, E. (2003). *Rules of play: game design fundamentals*. Cambridge: MIT Press, 688.
17. Selevko, H. A. (2005). *Al'ternativnyye pedahohicheskiye tekhnologiy*. Moskva: NYY Shkol'nykh tekhnologiy [in Russian].
18. Tarnopol's'kyi, O. B., Kozhushko, S. P., Kabanova, M. R. (2018). *Heymyfikatsiya u navchanni inozemnykh mov u vyshchiiy shkoli. Inozemni movy – Foreign languages*, 3 (95), 15–22 [in Ukrainian].
19. Vasilenko, V. G. (2014). *Igrovyye metody provedeniya uchebnykh zanyatiy v vysshey shkole. Vesnik RMAG. № 1(10)*. 84–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovyye-metody-provedeniya-uchebnykh-zanyatiy-v-vysshey-shkole> [in Russian].
20. Verbakh, K. (2014). *Heymyfykatsyya: kratkyy kurs*. URL: <http://lrpg.ru/post/92714618092#.VVzPmjfWv14>.

Received date: 27.11.2020

Revised date: 13.12.2020

Accepted date: 27.02.2021

UDC 378
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0003

©2021 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

STUDY OF THE MOTIVATIVE COMPONENT OF TECHNOLOGICAL COMPETENCE OF THE TEACHER OF PROFESSIONAL TRAINING

© The Author(s) 2021
ORCID: 0000-0001-8347-484X
ScopusID: 57190967543
ResearcherID: J-3306-2017
SPIN: 1890-0952
AuthorID: 284243

VAGANOVA Olga Igorevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of «Professional Education and Management of Educational Systems»
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

(603004, Russia, Nizhny Novgorod, Chelyuskintsev street 9, e-mail: vaganova_o@rambler.ru)

ORCID: 0000-0002-7602-7758
ScopusID: 57209175728
ResearcherID: AAZ-8102-2020
SPIN-код: 2796-5077
AuthorID: 352094

KOROSTELEV Aleksandr Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Informatics, Applied Mathematics and Methods of Their Teaching
Samara State Social and Pedagogical University

(443099, Russia, Samara, M. Gorky st., 65/67, e-mail: v11e11g12a12@yandex.ru)

Abstract. The growth in demand for blue-collar professions justified the need to improve the quality of personnel training. The state, focusing on the demand of society in the training of competitive specialists capable of carrying out professional activities in the new conditions, has subjected the system of professional education to significant changes. Institutions of secondary vocational education strive to meet the world educational standards of WorldSkills. First of all, the need for competent teachers of vocational training who owns educational technologies at a high level for the implementation of the training of workers, employees and mid-level specialists is actualized. In the formation of the technological competence of students of higher educational institutions, the motivational component is of particular importance. The article is aimed at analyzing the experience of the formation of the motivational component of the technological competence of vocational training bachelors. The technological competence of teachers of vocational training is a necessary element for the implementation of future professional activities and presupposes the bachelor's possession of innovative educational technologies, the ability to realize their capabilities in specific conditions. The study, aimed at studying the motivational component of technological competence, uses a methodology for diagnosing educational motivation of students. The results allow us to record the growth of professional and educational and cognitive motivation.

Keywords: technological competence, professional competence, higher education institution, bachelor of vocational training, higher vocational education, student, educational technologies, motivational component, motivation, secondary vocational education.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

© Автор(ы) 2021

ВАГАНОВА Ольга Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Профессионального образования и управления образовательными системами»

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(603004, Россия, Нижний Новгород, ул. Челюскинцев 9, e-mail: vaganova_o@rambler.ru)

КОРОСТЕЛЕВ Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Информатика, прикладная математика и методики их преподавания»

Самарский государственный социально-педагогический университет
(443099, Россия, Самара, ул. М.Горького, 65/67, e-mail: v11e11g12a12@yandex.ru)

Аннотация. Рост спроса на рабочие профессии обосновал потребность в повышении качества подготовки кадров. Государство, ориентируясь на запрос общества в подготовке конкурентоспособных специалистов, способных к осуществлению профессиональной деятельности в новых условиях, подвергло систему профессионального образования значительным изменениям. Учреждения среднего профессионального образования стремятся соответствовать мировым образовательным стандартам WorldSkills. Прежде всего, актуализируется необходимость в компетентных педагогах профессионального обучения, владеющих образовательными технологиями на высоком уровне для реализации ими подготовки рабочих, служащих и специалистов среднего звена. В формировании технологической компетентности студентов высших учебных заведений особую значимость имеет мотивационный компонент. Статья нацелена на анализ опыта формирования мотивационного компонента технологической компетентности бакалавров профессионального обучения. Технологическая компетентность педагогов профессионального обучения является необходимым элементом для осуществления будущей профессиональной деятельности и предполагает владение бакалавром инновационными образовательными технологиями, способностью реализовывать их возможности в конкретных условиях. В исследовании, направленном на изучение мотивационного компонента технологической компетентности, задействуется методика диагностики учебной мотивации студентов. Результаты позволяют зафиксировать рост профессиональной и учебно-познавательной мотивации.

Ключевые слова: технологическая компетентность, профессиональная компетентность, высшее учебное заведение, бакалавр профессионального обучения, высшее профессиональное образование, студент, образовательные технологии, мотивационный компонент, мотивация, среднее профессиональное образование.

INTRODUCTION

General formulation of the problem and its connection with important scientific and practical problems. Technological competence of a teacher of vocational training is

part of professional competence, the formation of which is one of the most important processes implemented by higher educational institutions. The use of innovative educational technologies by a teacher of vocational training is an

integral part of his professional activity. In the formation of technological competence, motivation is a tool that encourages the implementation of professional activities, ensuring a steady desire of the student to use educational technologies and improve the process of their application.

Analysis of recent studies and publications, which considered aspects of this problem and on which the author justifies; highlighting previously unresolved parts of a common problem. The competency-based approach, which is the basis of students' education, actualizes the practice-oriented orientation and orientation to the formation of professional and personal qualities. The formation of professional and technological teachers of vocational training's competence is directly related to each other. Technological competence is considered by the authors from two sides, first from the point of view of the technological skills of the teacher, contributing to the achievement of a guaranteed result, and secondly as the ability to realize the possibilities of educational technologies. Parshina notes among the teacher's technological skills:

- implementation of goal setting;
- selection and structuring of the content of educational materials;
- design projects;
- organization of interaction of subjects of the educational process;
- implementation of the selection and implementation of educational technologies;
- implementation of control and evaluation activities [1].

It should be noted that the idea of technological competence as a way to guarantee the achievement of results implies the implementation of educational technologies, among other things.

N. A. Parshina focuses on the motivational component of technological competence, speaking of it as a tool that allows the student to realize the value and form an understanding of technological competence in teaching activities, to form a motivational readiness for the implementation of educational technologies. «The author presents the component as determining since the quality of the future professional activity of teachers of vocational training depends on motivation as a set of factors and processes that encourage them to master professional competencies» [2]. In the content of the motivational component, a significant place is occupied by the ability to self-realization and self-development in the implementation of educational technologies. Motivation acts as an attitude to the use of technologies in professional and pedagogical activities.

The process of forming technological competence includes:

- the motives that determine the mastery of information about the implementation of educational technologies in professional activities, the recognition of the achievements of a particular student by classmates;
- cognitive motives.

Motivational readiness allows future teachers of professional training to achieve high results in the implementation of professional activities. As a result of the development of the motivational component of technological competence, the student strives to enrich his creative potential, to the effectiveness of educational and professional activities. The authors distinguish several indicators of the formation of the motivational component of technological competence.

To study the motivational component, the author suggests using the methodology of studying the motivation of studying at the University of T. I. Ilyina, which includes 50 positions with which students should agree or refute. Statements assume both free and closed responses. The degree of agreement or disagreement reflects the presence of a particular motive in the students.

Future teachers of professional training with technological competence show a conscious understanding of the importance of educational technologies, strive for their use

and creative application in specific educational situations.

Table 1 - Table 1 shows some of the indicators highlighted by many authors.

№	Index
1	The presence of positive motivation and the manifestation of an student's active work position in the process of carrying out professional activities and realizing the possibilities of educational technologies in the specific situations
2	A holistic view of the future professional and pedagogical activity, awareness of the essence and the role of educational technologies in achievement of guaranteed results of professional and pedagogical activity
3	The students' desire to self-actualize in the preparation process, to increase the level of use of educational technologies in the learning process, to creative select the appropriate technology for a specific situation

** based on the analysis of scientific literature*

The formation of technological competence is considered in the works of A.V. Koklevsky, who means that technological competence is the ability to successfully carry out professional activities on a technological basis, considers it as an integrative personal quality and as a level of technological culture [3].

In the work of A.V. Koklevsky, the motivational component is presented as a tool for the development of value orientations – complex socio-psychological phenomena that determines the orientation, activity of the individual, and his attitude to the chosen field of activity. Value orientations show the degree of expression of motives. The successful formation of competence is carried out when students accept and realize their responsibility and readiness for creativity. According to O. I. Suslova, the motivational component includes:

- personal motives;
- cognitive motives;
- professional motives.

Personal motives include the student's intentions, inclinations, and aspirations for self-development, self-education, and self-improvement. Cognitive motives reflect the mastery of new ways of activity, interest in different areas of knowledge, participation in the research process. Professional motives reflect professional interests and attitudes to the tasks of the chosen field of activity [4]. The author also determines that the formation of the motivational component of technological competence includes:

- awareness of the goals of professional training, its essence and role for the formation of a professional and personal position;
- conducting diagnostics of personal and professional development of students throughout the training period;
- organization of practice-oriented training that allows you to create conditions close to professional for the reconstruction of the system of professional relations;
- development of students' professional interests and their self-realization in specific practical conditions [5].

M.V. Samoilova [6], I.M. Sinagatullin and G.F. Akhmetzhanova [7] consider the preparation of a professional competent bachelor. The article highlights the motivational component of competence. The motivational component is considered by L.V. Munavirova [8]. The author speaks of motivation as a core characteristic of a personality.

The relevance of the study is substantiated. The active development of the system of secondary vocational education by the new international standards necessitates the training of competent teachers of vocational training, who own educational technologies [9]. The relevance of the study is due to:

- the need to improve the competitiveness of modern teachers of vocational training;
- the need to train qualified workers, employees, and middle-level specialists;
- increasing the requirements for the quality of vocational education [10].

The technological competence of a teacher of vocational

training includes several components: motivational, cognitive, activity [11]. The article focuses on the motivational component [12]. The motivational component of technological competence reveals the desire of students to improve their skills in the implementation of educational technologies, thus being responsible for the competitiveness of the bachelor in the labor market, reveals the desire of the future teacher of vocational training to creatively apply educational technologies in specific situations [13].

METHODOLOGY

Formation of the goals of the article. The purpose of the article is to analyze the experience of forming the motivational component of the technological competence of vocational training bachelors.

Statement of the task. To achieve this goal, you must:

- determine the role of motivation in the preparation of vocational bachelors;
- to define the essence of technological competence;
- to reveal the motivational component of technological competence;
- to determine the functional purpose of the motivational component in the training of future teachers of vocational training.

Methods, techniques and technologies used. To conduct a study of the formation of the motivational component of technological competence, the methodology for diagnosing educational motivation of students A.A. Rean, V.A. Yakunin, modified by N. Ts. Badmaeva, which helps to identify the level of motivation of future teachers of vocational training. The technique allows you to determine the motives of students [14]. Several scales stand out: communicative motives; avoidance of failure; prestige; professional motives; motives of creative self-realization; educational and cognitive; social.

To diagnose learning motivation, students were provided with a list of statements with which they need to agree or refute them. The table reflects a fragment of the questionnaire with the statements that are provided to the student.

Table 2 - Fragment of the questionnaire for diagnostics of educational motivation of students

Statement	Answer (in points)
I study because I like my chosen profession	1 - 5
I study to ensure the success of my future professional career	1 - 5
I want to be a specialist	1 - 5
For me to be able to answer significant questions that relate to the field of my future professional activity	1 - 5
I want to fully realize my inclinations, abilities and inclinations for my chosen professional activity	1 - 5
To keep up with friends	1 - 5
To carry out professional activities and work with people, you must have deep all-round knowledge	1 - 5
I want to become one of the best students	1 - 5
I want our study group to achieve great success and become the best at the university	1 - 5
To meet and communicate with interesting people	1 - 5

* A.A. Rean , V.A. Yakunin, modified by N.Ts. Badmaeva

The test was assessed according to a five-point system. 1 point - the minimum significance of the motive, 5 - the maximum significance. To process the results, the average indicator is calculated for each scale presented in the questionnaire. The standard deviation from the mean was calculated using the formula:

$$D(X) = M(X - M(X))^2$$

Where:

- X is a random variable that is defined on a certain probability space;
- M is the expected value.

The mean values before and after the experiment, the difference between the mean values and the statistical deviation were revealed.

RESULTS

Presentation of the main research material with full justification of the scientific results obtained. The formation of technological competence is carried out directly in the classroom under the teacher’s guidance. Classroom training includes a research component. Students perform various types of activities.

Among them are the selection and analysis of relevant literary sources, taking notes, and reproducing educational material. The formation of positive motivation of students to master educational technologies is carried out with their active inclusion in the educational process. Motivation makes it possible to form the need of future bachelors of vocational training in constant self-improvement, creative application of educational technologies [15].

The motivational component of technological competence consists of the motives of students, their needs, incentives and interests, which, in turn, are associated with the self-development and professional self-improvement of future teachers of vocational training for the implementation of an effective search for methods of implementing educational technologies [16]. The study identified three levels of formation of the motivational component of technological competence: high, medium, low.

The table shows the characteristics of the levels of formation of the motivational component.

Table 2 - Levels of formation of the motivational component of technological competence

Level	Characteristic
Tall	The student has a holistic view of the future professional and pedagogical activity, needs for constant professional self-improvement, strives for a deeper mastering of the material, strives to increase the level of knowledge of educational technologies, increase the level of technological mastery
Average	The student has an idea is, the future professional and educational activities, shows the desire for professional self-improvement, if necessary, develops additional material, exploring ways of implementing educational technologies , the desire to improve the technological level of skill is weak
Low	The student has an idea of the future professional and pedagogical activity, shows a weak desire for professional self-improvement, as a rule, is not interested in studying additional material and educational technologies

* compiled by the author

The experiment made it possible to establish the growth of professional and educational-cognitive motivation of students over a three-year period. 2015 is the starting point. The diagram shows the average value of professional motives.

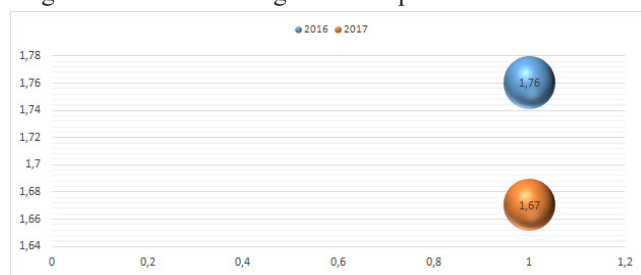

Figure 1 - Average value of professional motives

Compared to 2015, the average value of professional motives in 2016 increased to 1.76. In 2017, the average increased by 1.67.

Comparison of the obtained results with the results of other studies. Today, there is a wide range of researchers who turn to the formation of technological competence. This article focuses on the formation of the motivational component of the considered competence in vocational training bachelors.

FINDINGS

Research findings. The study makes it possible to es-

tablish that the formation of the motivational component of technological competence grows. Future teachers of vocational training have a strong interest in self-development and self-education, strive to improve the level of technological skill and creative implementation of educational technologies.

Prospects for further research in this direction. The formation of technological competence is a promising area, the study of which is carried out as professional education develops.

REFERENCES:

1. Parshina N.A. (2020). *Structural-functional model of the formation of technological competence of students of a pedagogical university. PhD thesis.* Saransk.
2. Koklevsky, A.V. *Model of the formation of technological competence of future specialists in the process of military training in a classical university / A.V. Koklevsky // Safety of the world. World of Security: Scientific. Art. / Military. acad. Rep. Belarus; under total. ed. V.A.Ksenofontova. - Minsk, 2016. - Issue. 1. - S. 87-101.*
3. Tikhomirov V.G. (2004). *The mechanism of selection and design of applied services of mathematics in the professional training of a specialist. PhD thesis.* Tambov.
4. Suslova OI (2007). *Formation of the motivational component of the professional development of future educational psychologists. PhD thesis.* Saratov.
5. Samoilova M. V. *Diagnostics of formation of value and motivation component of the research competence of future teachers of professional training // Kant. 2019. No. 4 (33).*
6. Sinagatullin I. M., Akhmedzyanova G. F. *On the content and structure of professional competence of future bachelors of pedagogical education (primary education) // Humanization of education. 2017. No. 3.*
7. Munavirova L. R. *Research of the level of formation of the motivational component of a student's professional competence as a factor of successful adaptation to the conditions of training and the implementation of the future profession // Izvestia VSPU. 2016. No. 8 (112).*
8. Felipe Arabelaez-Campillo D., Rojas-Bahamon M. J. *Pandemics in globalization times // Amazonia Investiga. 2020. m. 9. № 27, Pp. 3-4.*
9. Alsraisy, N., Albakheet, H., Alsajjan, N., Aldaajani, N. *Blended Learning Approach for Deaf or Hard of Hearing Students: Investigating university teachers' views // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9. № 2. Pp. 36-44.*
10. Dobudko, T.V., Korostelev, A.A., Gorbatov, S.V., Kurochkin, A.V., Akhmetov, L.G. *The organization of the university educational process in terms of digitalization of education // Humanities and Social Sciences Reviews, 2019, 7(4), Pp. 1148–1154.*
11. Kryukov M.P. (2011). *Formation of technological competencies of future technicians based on the specified training. PhD thesis.* Astrakhan.
12. Dobudko, T.V., Korostelev, A.A., Pugach, O.I., Ippolitova N. V., Khayrullina, R.G., Sitdikov, F.F. *Training of pedagogical education masters: Practice-oriented model // Humanities and Social Sciences Reviews, 2019, 7(4), Pp. 1155–1159.*
13. Badmaeva N.Ts. *The influence of the motivational factor on the development of mental abilities: Monograph. - Ulan-Ude, 2004. S. 151-154.*
14. Mushtaq, M., Ch., A., Parveen, S., Hussain, S., & Iqbal, S. *Leadership Characteristics and Quality Prevalence in Higher Education // Amazonia Investiga, 2020, 9(31), 82-95.*
15. Celik, S. *Association between Influential Factors and Teaching Profession as Career Choice among Undergraduate Student Teachers: A Structural Equation Study // Amazonia Investiga, 2020, 9(31), 166-177.*
16. Kidina L. M. *Management of the pedagogical collective in the conditions of implementing distance learning // Baltic Humanitarian Journal. (Baltic Humanitarian Journal), 2020. Vol. 9 No 4 (33), Pp. 93-96.*

Received date: 16.12.2020

Revised date: 19.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

UDC 371.13:37.014.53+316.752:17.022.1
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0004

©2021 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

VALUE DETERMINANTS IN THE TRAINING OF FUTURE TEACHERS

© The Author(s) 2021
ORCID: 0000-0002-8714-8512
ResearcherID: AAF-7038-2021
Scopus ID: 57201066099

VASKIVSKA Halyna Oleksiivna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and History of Pedagogy

*Kyiv University Borys Grinchenko Kyiv University, Pedagogical Institute
(Ukraine, Kyiv, I. Shamo Blvd 18/2, cab. 318, e-mail: h.vaskivska@kubg.edu.ua)*

ORCID: 0000-0001-6123-241X
ResearcherID: AAD-6275-2019
Scopus ID: 57201058070

PALAMAR Svitlana Pavlivna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Deputy Director for Research

*Kyiv University Borys Grinchenko Kyiv University, Pedagogical Institute
(Ukraine, Kyiv, I. Shamo Blvd 18/2, cab. 318, e-mail: s.palamar@kubg.edu.ua)*

ORCID: 0000-0003-3748-753X

GOLOTA Nataliya Mikolaivna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology

*Kyiv University Borys Grinchenko Kyiv University, Pedagogical Institute
(Ukraine, Kyiv, I. Shamo Blvd 18/2, cab. 318, e-mail: n.holota@kubg.edu.ua)*

Abstract. The article, based on the analysis of scientific sources and empirical material, identifies the value orientations of student youth who have chosen the profession of a teacher; the factors influencing the formation of life values of future teachers are singled out. The problem of the formation of value orientations of student's youth in interrelation with the socialization of the person in the course of training in the pedagogical institution of higher education is considered. The process of formation of value orientations depends on both external social and internal personal factors. The factors influencing the formation of value orientations of future teachers are analyzed. The peculiarities of the value-orientation planes of modern Ukrainian society and their influence on the formation of the value system of students are highlighted. The main value orientations of students in the conditions of personality formation are determined. It is substantiated that the time of study in a higher education institution is a period of personal development of a young person, the accumulation of not only professional but also vital knowledge and skills, the formation of its interests and values, relevant norms and patterns of behavior. The process of formation of spiritual and moral values of future teachers is characterized as a promising direction, as modern society needs a comprehensively developed, highly moral personality, a specialist, whose professional activity will allow to lay values in the younger generations.

Keywords: future teachers; values; value orientations; priorities; professional training; students.

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

© Автор(ы) 2021

ВАСЬКОВСКАЯ Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и истории педагогики

*Киевский университет имени Бориса Гринченко, Педагогический институт
(Украина, Киев, бульвар И. Шамо, 18/2, каб. 318, e-mail: h.vaskivska@kubg.edu.ua)*

ПАЛАМАР Светлана Павловна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора по науке

*Киевского университета имени Бориса Гринченко, Педагогический институт
(Украина, Киев, бульвар И. Шамо, 18/2, каб. 318, e-mail: s.palamar@kubg.edu.ua)*

ГОЛОТА Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры педагогики и психологии

*Киевский университет имени Бориса Гринченко, Педагогический институт
(Украина, Киев, бульвар И. Шамо, 18/2, каб. 318, e-mail: n.holota@kubg.edu.ua)*

Аннотация. В статье на основе анализа научных источников и эмпирического материала определены ценностные ориентации студенческой молодежи, выбравшей профессию педагога; выделены факторы, влияющие на формирование жизненных ценностей будущих педагогов. Рассмотрена проблема формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи во взаимосвязи с социализацией личности в процессе обучения в педагогическом заведении высшего образования. Процесс формирования ценностных ориентаций зависит как от внешних социальных, так и внутренних личностных факторов. Проанализированы факторы, влияющие на формирование ценностных ориентаций будущих педагогов. Освещены особенности ценностно-ориентационных особенностей современного украинского общества и их влияние на формирование системы ценностей студентов. Определены главные ценностные ориентации студентов в условиях формирования личности. Обосновано, что время обучения в заведении высшего образования является периодом личностного становления молодого человека, накопления не только профессиональных, но и жизненных знаний и умений, формирования его интересов и ценностных ориентаций, соответствующих норм и образцов поведения. Охарактеризован как перспективное направление процесс формирования духовно-нравственных ценностей будущих педагогов, поскольку современное общество требует всесторонне развитую, высоко нравственную личность, специалиста, профессиональная деятельность которого позволит закладывать ценностные ориентации в подрастающие поколения.

Ключевые слова: будущие педагоги; ценности; ценностные ориентации; приоритеты; профессиональная подготовка; студенты.

INTRODUCTION

General formulation of the problem and its connection with important scientific or practical tasks.

An important driving force in society is the youth, whose

energy, desire for changes determines the vectors of its development. The study of world outlook, life benchmarks, factors that influence the formation of a young person, is an important task of teachers and an actual problem in the sys-

tem of higher education in general. Studies show that there is a separate category is composed of young people who have chosen a teacher's profession. And this is understandable, because it is necessary to know clearly and to be sure that future teachers will not only skillfully extrapolate to their students not only their knowledge, their outlook, experience, their own values, but also the cultural heritage of their society and of all mankind.

Analysis of recent studies and publications, which considered aspects of this problem and on which the author is based; highlighting previously unexplored parts of a common problem. The problem of interpretation and formation of value orientations in higher education institutions has been studied by such scientists as V. Ogneviuk [1], G. Vaskivska [2], S. Kosianchuk [3], Vitvitska [4], S. Palamar [5], and others. According to well-known researchers of cultures and intercultural differences, values are the expression of the very core of mankind and human cultures (Musek [6]). "Methodologically designed educational process provides a harmonious combination of both general and specialized knowledge. It is obvious that such a combination would be the most efficient if the subject-subject interaction of spiritual and moral, aesthetic and social values prevails" (Vaskivska [7]).

A person must constantly be aware of the existence of values, must understand how they affect his/her perception (Maslow [8]), since different people form different values; some people may choose a desire for the truth, and others – social well-being (Hjelle, & Ziegler [9]), everything depends on the emotional-volitional sphere, and when we say that something is of value, then we express our emotions, and not the fact (Russell [10]). So, without understanding what actual students of higher educational institutions really are, it's impossible to predict how they will form values in their students in the future during their pedagogical activities.

Justification of the relevance of the study. At the current stage of development of Ukrainian education, the problem of forming values, meanings, ideals of the younger generation becomes especially relevant, which significantly depends on those who should take care of the formation of personality, i.e. teachers. Therefore, determining the value priorities of future teachers is an important aspect in modern education. The quality of education should contribute to the development of the personality of future teachers for the further progress of society, state building, its integration into the world community.

Forming goals of the article. The purpose of the article is to determine the variability of life values and values of modern student youth.

Setting objectives. In accordance with the purpose of the article to determine the value orientations of student youth who have chosen the profession of teacher; identify the factors influencing the formation of life values of future teachers.

METHODOLOGY

To perform these tasks and achieve the stated goal, universal methods of scientific knowledge were used: analysis, elementary-theoretical synthesis, comparison; empirical methods: questionnaires, pedagogical diagnostics, (Goncharenko [11]; Vazhynsky, & Shcherbak [12]).

The method of analysis was used to distinguish significant from insignificant in determining the variability of traditional values and life priorities of students. Each value was analyzed separately within the life values as a system. The analytical method helped to determine the priorities of future teachers to identify the complex phenomenon of such elements that have a decisive impact on all other aspects of the object.

Elementary-theoretical synthesis allowed to single out and combine the factors influencing the formation of life values of future teachers. And consider the causal relationship between them.

The method of comparison is used to compare the life priorities of future teachers to determine the variability of

value orientations.

Empirical methods: questionnaires, pedagogical diagnostics allowed to identify and summarize the priority factors of the variability of life values and values of modern student youth, which are important for the teaching profession.

RESULTS

Presentation of the main material of the study with a full justification of the obtained scientific results. Human being is essentially continually valuable, and the values of a person closely associated with life's realities are determined by discrete spatial-temporal determinants. So, they depend on the stages of civilization development and social affiliates. Therefore, any value (and the value of a person as well) is actualized on the basis of the emerged human needs. Values can be both the semantic life guides of man, and the real factors that determine and organize the processes of human life.

Value orientations of the person, on the one hand, is a system of control of any human activity, and on the other, it is an internal source of human life goals, and is the determinant of self-determination and self-identification (Vaskivska [2]). And values are "a peculiar summary of internal norms and goals of society and culture ... If value orientations change significantly, the culture changes accordingly and vice versa" (Mihajlovič [13]). According to many people, especially post-Soviet society, moral standards are an expression of ideology. In general, it is quite difficult to outline their clear list: for some, family values are priorities, for others career growth; something that is vital to one person for the other will have a minor significance.

Formation of personality values cannot be separated from education. If values are not formed, education loses its sense. The notion of education without creating values is controversial. Each society aspires to teach people how to live independently, to meet their needs by themselves, to achieve their goals independently, so that it does not interfere with other people, but contributed to coexistence in society. Therefore, in the process of education, a person should develop the qualities that are in line with the basic principles and values of the society in which he lives (Musek [6]). Modern researchers are concerned about the low level of spirituality that prevails among young people, the lack of development of critical thinking, the prevalence of consumer interests, low intellectual level. Spirituality is related to the motivation, goals, attitudes of the person, and morality – with upbringing, behavior, emotional balance, self-improvement and self-education (Palamar [5]).

Values, taking a central position in the structure of the individual, significantly affect the direction of man and the content of its social activity, behavior and actions, its social position and its universal attitude to the world, to themselves and other people. In a word, "the change of the system of values of youth today can be clearly traced in everything" (Prodovich, & Miladinovich [14]) and change the system of values of society itself.

The loss of human sense of life is always a consequence of the destruction and rethinking of the old system of values. To get that sense again, a person needs to create a new system based on universal human experience and using the forms of behavior and activities adopted in society.

Human life has always been and is oriented towards those values that act as a kind of model, which requires concrete actions in a particular situation. In addition, values are the system-forming core of the program of human activity and its internal spiritual life, because the spiritual principles, intentions and moral norms the society traditionally refers not so much to activity, but to values and values orientations. Values are the characteristics of the phenomena of reality (Gusinsky, & Turgannikova [15]).

Today's stage of development of Ukrainian society is characterized by the transformation of socio-political processes and the change of values determined by the search for their own path. These processes, undoubtedly, have made significant adjustments to the formation of value orientations of modern youth, its behavior, and life aspirations. The time

of study at a higher education institution is the period of the personal formation of a young person, the accumulation of not only professional but also life knowledge and skills, the formation of its interests and values orientations, relevant norms and patterns of behavior.

The determining factors of social adaptation of young people are the prevailing social values, the moral and psychological climate in society and the value orientations of the person who adapts. In the process of adaptation, values and value orientations act as the basis of the mechanisms of regulation of social behavior of a person, his self-regulation. It should also be borne in mind that the value structure of the consciousness of young people is in the stage of formation; the variety of processes taking place in society makes a significant impact on it (Ognevyuk [1]).

A separate category is the young people who have chosen the profession of a teacher, because the future of society will depend on the values that these teachers will put in growing younger generations. Modern educator is called not only to transfer specific knowledge to children, but also to introduce them into the socio-cultural space, to draw on the values of culture, to help to know the environment, to comprehend the realities of being. It is known that the system of education as a socio-cultural institute of society contributes to the implementation of any changes in value orientations in it. Thus, the modernization of pedagogical education, in particular the orientation of teachers for the realization of the needs of a society, which is developing dynamically, becomes of special significance. It should be noted that today the educational space is considered as a spatial-temporal field of functioning and development of the education system as an open and active social sphere, in which the ideology of the formation of personality takes into account the conditions of the environment.

The values that a future educator guides in the process of training related to his outlook, with his personal priorities, and reflects the recognition of mastering the profound concepts of time and space as values of vital necessity and the importance of timely formation of them in preschoolers minds. On the way of mastering values there is a holistic spiritual development of personality.

In order to find out the value orientations of students at the Pedagogical Institute of the Borys Grinchenko University of Kyiv in 2017–2018, a study was conducted whose empirical data made it possible to identify the priorities that future educators are guided in during the design process of their own life and proximity path.

Surveys and questionnaires were conducted among students in such areas of training as “Preschool Education”, “Primary Education”.

89% of respondents, answering the questions about the value of life, indicated the need of good health. This is a positive factor in the young people’s awareness of the value of their own health, without which it will be difficult or impossible to build a career, it will be complicated to be useful to society and even create a family.

In general, during the student period, the formation of responsible self-preserving and health-preserving behavior takes place.

Very important in the context of the needs of society in the spiritual and moral growth of its citizens is the fact that 84% of students recognized it important for themselves to “develop spiritually, to enrich their worldview.” Only 37% of respondents said that the values of life for them are also “to become a decent and honest person,” and 42% – to “be useful to society”.

Among the traditional values and life priorities (Fig. 1): love (56%), family creation (96%), gaining an interesting profession (47%).

88% of the respondents are concerned about the material situation, but 24% of the students do not associate the professional perspective with material support.

76% of students seek to realize themselves in working with children.

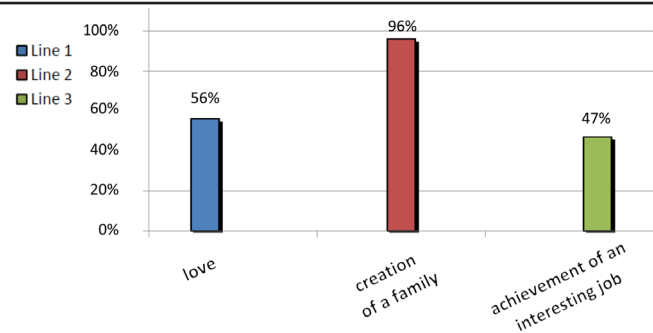

Figure 1 - The traditional values and life priorities of the respondents

* Figure developed by the authors

The distribution of answers to the question about the feature of character most appreciated by respondents is given in Fig. 2.

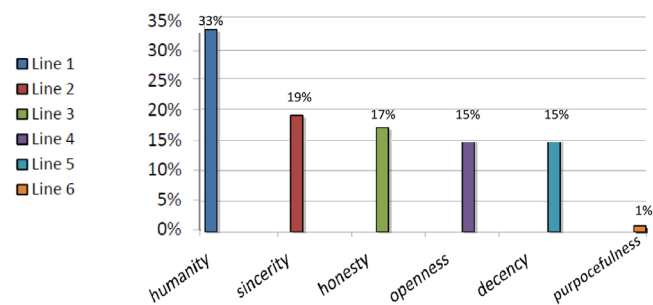

Figure 2 - Distribution of answers to a question about the feature of character most appreciated by respondents is given

* Figure developed by the authors

76% of respondents do not have a model for imitation either among real people or from literary characters and film heroes, only 5% of students call the model father, 7% – mother, and 4% – both parents.

Only 8% of students indicated that they considered the attractive qualities of different people: both parents and those who succeeded in business. Consequently, a modern student independently builds his own life strategy without relying on the quality of other people.

Fig. 3 shows respondents’ answers to questions about what their parents are today for them.

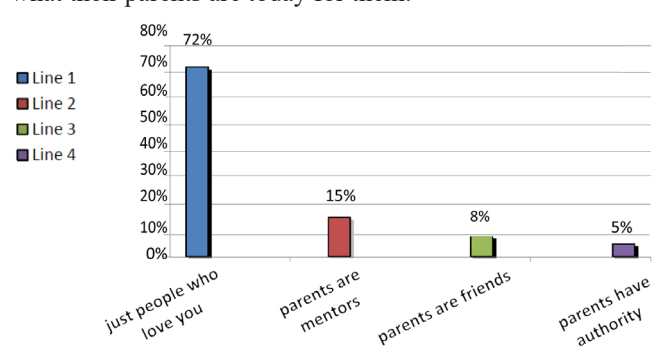

Figure 3 - Distribution of respondents’ answers to the question of who their parents are today for them

* Figure developed by the authors

The answers of future teachers to the question “With what purpose should we develop the value attitude to work, to the state and to ourselves?” (Fig. 4) are extremely important.

Family life is the leading life value for many generations of Ukrainians. It is the upbringing of a child in the family that has a significant impact on the formation of value orientations. 67% of respondents consider the family as a place to help solve problems, and 33% of the students in the family are the place where they live and where they perform certain duties. That is, the absence of an emotional

component can be traced.

With regard to their own future family life, 71% of students believe that it is necessary to marry a loved one and live separately from their parents, with 92% saying that they do not need parental consent. It also confirms the independence of the younger generation in the construction of their own lives.

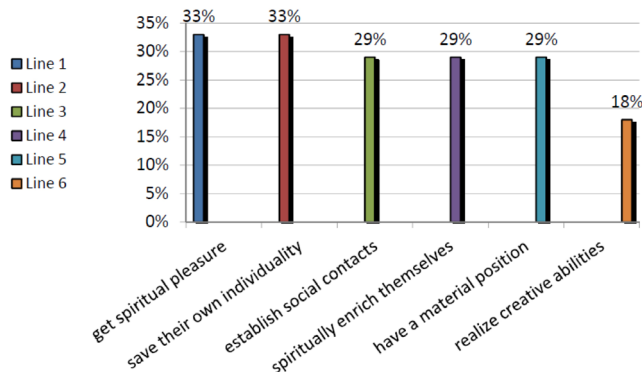

Figure 4 - Distribution of answers of future teachers to the question "For what purpose should we develop a value attitude to work, to the state and to ourselves?"

* Figure developed by the authors

78% of respondents appreciate friends, first of all, those features that are in line with their ideas and requirements, while they consider it desirable to be interested in problems of a partner, a friend, but this is not obligatory.

The fact that 42% of future teachers recognized the military profession as prestigious is socially important and personally valuable. This is due, first of all, to the fact that in eastern Ukraine there continues an armed aggression unleashed by a neighboring state, and the profession of the defender of the Motherland is very respectable in society.

The profession of a teacher is not on the list of prestigious ones. This can be explained by the fact that in society the prestige of this profession is declarative, and in practice it is completely unprofitable. However, 98% consider the profession of a teacher as the most creative, where it is possible to realize yourself the most.

48% of respondents believe that in order to achieve material well-being in their lives, they should get a good education and become a specialist in their field. 29% of young people say that they need to have a well-paid job, 15% are related to welfare by opening their own business. 8% of respondents said that to achieve the material wealth one should be familiar with influential people.

37% of future teacher noticed that the most suitable strategy for behavior in their real professional activities, they see a job search that will enable the disclosure and implementation of knowledge and skills, and 35% of respondents tend to seek for a job that is both interesting and high-paid, even if for this one have to live some time without work and means of existence.

For the 18%, only the amount of wages is important, and they do not care about the content of the work. 10% are ready to work on any job in order to earn money to open their own business.

Migration settings: explore the world and return – 30%; increase their professional qualification – 45%, quickly accumulate capital and return – 27%, leave forever – 25%.

There are 65% of believers among the respondents.

Future teachers are most related to the Ukrainian nation: history, traditions, customs, culture – 45%, territory of residence – 20%, religion – 17%, language – 15%, the way of living and lifestyle – 3%.

Only 50% admitted that they have deep knowledge of the traditions and customs of their nation, and almost 36% adhere to Ukrainian national customs and traditions only in the case of major religious holidays or significant events.

In general, 41% of respondents are able to organize their own activities to achieve their goals. In particular, for 27% of

future teachers ("Preschool education"), the ability to value time means – to remember the past, to live now, but to be future oriented. Students of this group separately noted that for them the plans for the future are very important: creation of own family, realization in a profession, achievement of certain material abundance, possibility to travel, etc. We can notice that the views of students in this aspect are echoed with the position of modern philosophers and psychologists who believe that the main value of life – only here and now.

The youth notes that in the future, all that is not enough now may appear: money, recognition, useful relations, stability, but then it may not be possible to try yourself in different activities, in a hobby, there will not be so many ideas and aspirations, and especially the inner "light" that inspires to the new achievements and dreams. Students noticed that thoughts about the future are very important for every person, but if you focus only on it, there is a danger of putting off life "for later", and dipping into the past, where sometimes people were better than, perhaps, now, it is some kind the attempts to escape from yourself. At the same time, students emphasized the value of knowledge about the past and about the peculiarities of our society's development, as well as the methods of education and training of children, arguing that one should be proud of the achievements of the past, inspired by the values created by the ancestors, and also the contemporaries need to know about the mistakes and understand them if they do not want to repeat them. Young people appreciate the time, trying to live here and now, build up the space of their lives and protect it, but they are also oriented towards the future.

System of value orientations is the regulator of human activity; it allows correlating individual needs and motives with the conscious and accepted values of the social system, part of which is the person himself. Valuable orientations as the reflection of the priorities of the social environment can affect group norms and values. The problem of values and value orientations is considered in connection with the socialization of the individual, the process of which depends on both external social and internal personal factors. In the process of socialization, a person actively learns the social experience and transforms it into their own values, settings and landmarks.

On the basis of the analysis of empirical data and students' self-assessment, some of the apricots were drawn to their combined portrait. So, the future teacher of a preschool educational institution and teacher of elementary school is:

- an exemplary and faithful family man with a strong health who respects and values his parents as people who love him, but he is worried about his financial situation and believes that in order to achieve prosperity in his life he should get a good education and have an interesting profession, being an expert in his field of knowledge;
- the spiritual development and enrichment of his outlook combines with the feelings of friendship and trust in friends, but only considers the family a place where he will be able to solve difficult life problems;
- as a future teacher, he aspires to creatively realize himself in working with children and does not rely on ready-made patterns of behavior and stereotypes in professional activity;
- having knowledge of the traditions and customs of his nation, identifies himself with it, respects history, culture, place of residence, language and religion;
- worries about the country's future, its independence and peaceful coexistence, he wants to be useful to society, values humanity, sincerity, honesty, openness and decency.

CONCLUSIONS

Research findings.

The educational process in pedagogical institutes and universities should be aimed at creating a stable value system for students. To do this, at least, it is necessary to study their value priorities and orientations. Strengthening the attention to the formation of students' spiritual and moral values is primarily due to the fact that modern society needs such a

specialist who organically binds his professional activity to spirituality, which manifests itself in love not only for his work, but also in love to a person, to nature, with tolerance to the thoughts of other people, willing to subject interaction.

The obtained results indicate the priority of determining the variability of life values and values of modern student youth, which are important for the teaching profession. They cover social development, relationships between people, professional and family spheres, orderliness of life, health, realization of creative ideas. It is determined that the factors influencing the formation of life values of future teachers and educators are moral and psychological climate, social well-being, civic activity, self-determination, spiritual principles, intentions and moral norms, level of education, etc. The obtained results indicate the need for systematic purposeful work on the development of value orientations of future teachers.

Prospects for further research in this area. A promising area of research is the process of formation of the spiritual and moral values of future teachers, as modern society requires a fully developed, highly moral personality, a professional whose professional activity will enable them to establish value orientations in younger generations.

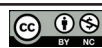
REFERENCES:

1. Ogneviuk, V. O. (2003). *Education in the system of values of sustainable human development*. Kyiv: Knowledge of Ukraine, 450 p.
2. Vaskivska, G. O. (2011). *Formation of value-semantic orientations of high school students by means of content of the modern manual. Problems of the modern manual*. Kyiv: Pedagogical Thought, Issue. 11, p. 107–120.
3. Kosyanchuk, S. V. (2014). *Formation of value-semantic orientations of senior pupils in the conditions of person-oriented learning. Updating content, forms and methods of teaching and education in educational institutions / Scientific notes of Rivne State Humanitarian University*. Rivne: RSHU, pub. 8 (51), p. 132–136.
4. Vitvitska, S. S. (2015). *Axiological approach to the education of the personality of the future teacher. Creative pedagogy. Academy of International Cooperation in Creative Pedagogy*. Vinnitsa, pub. 10, p. 63–67.
5. Palamar, S. P. (2017). *The problem of formation of spiritual and moral values of students in the educational environment. Educational Discourse*, no. 3-4 (18-19), p. 221–233.
6. Musek, J. (2008). *Values, culture and education. Culture and Art in Education – 21st Century Traveler: Presentation of Different Views on Artistic and Cultural Education in Education / [Authors of Staša Tome ... [et al.]; edited by Nada Požar Matijašič and Natasa Bucik]*. Ljubljana: Pedagogical Institute, 2008, p. 77–88.
7. Vaskivska, H. (2017). *Didactic aspects of upper secondary and university education fundamentalization. Science and Education, Issue 5*, p. 46–50 (DOI: <https://doi.org/10.24195/2414-4665-2017-5-9>).
8. Maslow, A. H. (1970, 1999). *Motivation and Personality*, 2nd ed. N.Y.: Harper & Row, 1970 ; Sankt-Petersburg: Yevrazia, 1999. URL: http://www.koob.ru/maslow/motivation_and_personalit
9. Hjelle, L.; Ziegler, D. (1992). *Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications*, 3rd ed. URL: http://www.koob.ru/hjelle_ziegler/teorii_lichnost
10. Russell, B. (1996). *Philosophical dictionary of reason, matter, morals / common. Ed. and the afterword by A. Vasilchenko*. Kiev: Port-Royal, p. 368.
11. Goncharenko, S. (2008) *Pedagogical research: methodological advice to young scientists*. Vinnytsia: DÖV "Vinnytsia", 278 p.
12. Vazhynsky, S., Shcherbak, T. (2016) *Methodology and organization of scientific research. Teaching manual*. Sumy: A.S. Makarenko Sumy State Pedagogical University, 260 p.
13. Mihajlovič, S. (2009). *Relationship to management and selected social value orientations in different cultures in Slovenia*. Received on July 11, 2018 from the World Wide Web: <https://philologicalstudies.org/dokumenti/2009/vol2/2/34.pdf>
14. Prodovich Miloikovich, B.; Miladinovich, S. (2015). *The influence of mass media on the value orientation of youth in the Balkans. Statehood, Democratization and Peace Culture, Faculty of Philosophy*, p. 213–227. URL: https://izdanja.filfak.ni.ac.rs/component/k2/download/1376_09dfc49d5a3b0a7e132e4edba0ea2689
15. Gusinsky, E. N.; Turgannikova, Yu. I. (2000). *Introduction to the philosophy of education*. Moscow, 28 p.

Received date: 26.12.2020

Revised date: 20.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ, ВЫЗВАННЫЕ ПРОЧТЕНИЕМ РАССКАЗА КОМАЦУ САКЕ «БУМАГА ИЛИ ВОЛОСЫ»

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 623628
SPIN: 3784-8642
ORCID: 0000-0003-1799-0883

ЯКОВЛЕВА Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
(420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42, e-mail: mifoigra@mail.ru)

Аннотация. В оптике внимания оказался рассказ японского писателя Комацу Саке «Бумага или волосы», написанный в 1963 году. Согласно содержанию, пропажа бумаги изменила привычный уклад жизни людей, став источником экзистенциальных страхов. Как мы считаем, в художественном повествовании предвосхищены события современности, связанные с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Художественное описание ситуации японским писателем, феноменологическое погружение в реальность и теоретические размышления М. Хайдеггера об экзистенциале страха помогли осуществить реконструкцию психологических состояний людей в условиях пандемии и выявить структуру страха. В современной жизни страх проявляется в трех аспектах: *пред-чем страх, устрашенность и о-чем страх*. В результате всеохватности страха рождается страховенность бытия, нарушающая стабильность существования личности, ее *бытие в, обитание при и освоенность с*. Перечисленное приводит к осознанию индивидом направленности жизни к смерти, что заставляет адаптироваться к новым условиям. В качестве поддержания личности в ее противостоянии страху можно назвать надежду и действенные проявления, выполняющие роль заботы.

Ключевые слова: интуиция, интерпретация, Комацу Саке, «Бумага и волосы», ядро, облако, бумага, вирус, коронавирусная инфекция COVID-19, пандемия, страховенность, страх.

MODERN PARALLELS CAUSED BY READING THE STORY KOMATSU SAKE "PAPER OR HAIR"

© The Author(s) 2021

IAKOVLEVA Elena Ludvigovna, doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology, professor of the chair Philosophy and Socio-Political Disciplines
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
(420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42, e-mail: mifoigra@mail.ru)

Abstract. In the optics of attention was the story of the Japanese writer Komatsu Sake "Paper or hair", written in 1963. According to the content, the loss of paper changed the usual way of life of people, becoming a source of existential fears. As we believe, the artistic narrative anticipates the events of our time associated with the spread of the coronavirus infection COVID-19. An artistic description of the situation by a Japanese writer, a phenomenological immersion in reality and theoretical reflections by M. Heidegger's work on the existential of fear helped to reconstruct the psychological States of people in the context of a pandemic and to identify the structure of fear. In modern life, fear manifests itself in three aspects: before-than fear, fearfulness and about-than fear. As a result of the all-embracing nature of fear, the fearogenicity of being is born, which violates the stability of the individual's existence, its being in, dwelling in, and mastering with. The above leads to the individual's awareness of the direction of life towards death, which forces him to adapt to new conditions. As a support of the personality in its opposition to fear, we can call hope and effective manifestations that perform the role of care.

Keywords: intuition, interpretation, Komatsu Sake, "Paper and hair", core, cloud, paper, virus, coronavirus infection COVID-19, pandemic, fearogenicity, fear.

ВВЕДЕНИЕ.

Некоторые писатели обладают уникальным даром *предвидения будущего*. В своих художественных произведениях, описывая вне времени и пространства ситуацию, они доходят до уровня такого абстрактного предположения, которое через определенный временной промежуток оказывается реальным и даже получает множество интерпретаций в зависимости от контекста. Как правило, в подобном произведении содержание *невероятно*. Оно дистанцирует «от точного воспроизведения внешней реальности», а безумная фантазия автора «выскакивает до какой-то странной власти» [1, с. 22, 45]. Парадокс заключается в том, что художественное событие *никогда-не-бывшее* неожиданно приобретает реальные очертания, становясь *действительно-случившимся*, что вызывает изумление у читателя-интерпретатора. Это свидетельствует об *интуиции* автора, неосознанно следующего в творческом вдохновении за художественной идеей и странным образом воплощающего ее.

Известно, творческие задачи не имеют готовых логических программ. Для воплощения необычного содержания автор нередко интуитивно ищет способы его реализации, выходя «за рамки прошлого опыта, накопленного эксплицитного и имплицитного знания, подсознательного использования ранее испробованных операционных схем» [2, с. 469-470]. Такая творческая/креативная интуиция характерна для гениальных и та-

лантливых людей. У них «в ходе деятельности, направляемой вначале исходным логическим замыслом, формируется интуитивная модель ситуации» [3, с. 192], которая приводит к необычным результатам. Значимость текста, созданного в порыве интуитивного озарения, может быть оценена только через временно-ый промежуток, когда черты *никогда-не-бывшего* проступают в действительности. Сами творцы в силу увлеченной погруженности в процесс создания нового не способны описать механизм действия интуитивных энергий, являющихся источником идей и их развертывания.

Воображаемые ситуации и образы *никогда-не-бывшего* рождаются на основе не только интуиции, но и «взаимодействия образного и логического мышления, при котором осуществляются переходы мысли от образов к понятиям и от понятий к образам» [2, с. 593]. Опираясь на интуитивное знание и существующие прототипы, автор создает обобщенные образы и ситуации, связанные с ними. Выстраивая произведение, художник в процессе воображения подключает собственный когнитивный потенциал, связанный с воплощением идеи. Последняя выступает в качестве направляющей силы, придающей смысл задуманному. «В творческой интуиции мысль, перескакивая с плоскости чувственно-наглядного в плоскость абстрактно-понятийного или обратно,.. выходит в «третье измерение», что бы преодолеть барьеры, преграждающие ей дорогу к ново-

му знанию при движениях в одной и той же плоскости» [2, с. 609]. Интуитивная связь образа и понятия создает когнитивный комплекс, «состоящий из «ядра» – понятия и окружающего его «облака» – сопрягаемых с ним чувственных образов» [2, с. 606]. Данный комплекс рождает расплывчатый ситуативный ореол, способный при интерпретации неожиданно проявиться в реальности будущего.

Подобное неслучайно. Художественный текст играет роль *генератора интерпретаций* (У. Эко). Ситуация *никогда-не-бывшего* «в живом, в более или менее сложном процессе мышления всегда выполняет ту или иную функцию сообщения, осмысливания, понимания, решения какой-нибудь задачи» [4, с. 154]. Текст по-разному воспринимается индивидами, каждый из которых выступает в роли сотворца в «социальном конструировании реальности» [5]. Субъективная обработка информации «совершается как путем «ядерного взаимодействия» – в форме логического оперирования их ядрами понятиями, так и посредством «витания в облаках» – в форме комбинирования наглядных образов» [2, с. 608]. *Ядро* и *облако* чувственных образов произведения, задевая при прочтении личность в ее бытийственности, способствуют в процессе интерпретации посредством комбинирования наглядных образов высвечиванию индивидуального мировидения и разнообразного (эмоционального, интеллектуального, теоретического и практического) опыта. Абстрактность текста дает возможность свободному «движению мысли от понятий к образам и обратно» [2, с. 607]. Чем абстрактнее содержание, тем больше интерпретаций текста появляется. В итоге художественный текст, допуская множество видений содержания [6, 7], играет роль *открытой карты*, которая «объединяет все свои измерения, она подвижна, перевертываема, восприимчива к изменениям», что позволяет «разорвать ее, перевернуть, собрать любым образом» [8, с. 657]. Вникая в содержательный аспект текста-карты, неожиданно можно «перестроиться на другую линию» ввиду того, что в ней «линии постоянно переходят друг в друга» [8, с. 657]. Сам автор с удивлением принимает «новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя» [9, с. 10-11].

К числу текстов, предвосхитивших в своем содержании будущее, можно отнести сюрреалистично-фантастический рассказ Комацу Саке «Бумага или волос», написанный в 1963 году [10]. В своем тексте японский писатель соединил «беспроигрышную сюжетность с проблемностью и социальной заостренностью» [11]. Благодаря этому текст приобрел многозначность, что позволяет трактовать его с разных позиций. Так, в XXI веке он получил необычное звучание, утратив свою сюрреалистичность. Несколько лет назад автор этих строк интерпретировал рассказ с позиций гламурного общества [12]. Сегодня, в условиях пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19, «Бумага или волос» Комацу Саке получает новое прочтение.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Объектом исследования выступает рассказ Комацу Саке «Бумага или волос». Анализ текста позволяет говорить о созвучности его содержания современной ситуации в социальном, связанной с распространением вируса CoronaVirus Disease/COVID-19. Методологической основой исследования выступают герменевтический и феноменологический методы [13]. Герменевтический метод, соединяющий в себе логическое оперирование ядром-понятием и комбинирование наглядных образов (облако), позволяет выявить взаимосвязь между текстом и реальностью. Благодаря этому оказывается возможной современная трактовка смысла текста Комацу Саке, что позволяет осуществить феноменологический анализ экзистенциально-онтологической конструкции страха, проявившего себя в условиях пандемии.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Повествование Комацу Саке сразу погружает в на-

пряженную среду чувственных образов (облако), долгое время укрывающих понятийное ядро текста. Сюжетная линия рассказа японского писателя выстраивается вокруг события, связанного с пропажей *бумаги*. Она неожиданно и бесследно исчезает в течение полутора часов. Все бумажное (документы, рукописи, исследования, книги) буквально растворяется в воздухе, превращаясь «в сероватый порошок, похожий на пепел», а размах бедствия с каждым мгновением приобретает «все более грандиозные размеры»: «вся наука, вся культура безвозвратно исчезают» [10]. Бумага оказалась своеобразным (неосознаваемым) символом устойчивости и стабильности. Именно на этом «хрупком материале основана человеческая культура! Больше четырех тысяч лет люди доверяют свои знания, свои духовные достижения этим ничтожным листочкам, которые разрушаются с поразительной легкостью» [10]. Внезапное и непредвиденное исчезновение бумаги стало поворотным событием, вследствие которого индивид понял, что ему «не на что опереться, нечем подтвердить, что он человек. Он снова превратился в первобытного пещерного жителя, бесильного против устрашающих сил природы» [10].

Исчезновение бумаги нарушает привычный уклад жизни людей. Происходящее повергает их в панику, способствуя хаосу в социальном. Везде «творится нечто невозможное», а общественные структуры буквально цепенеют: «на заседании кабинета министров было устно объявлено чрезвычайное положение. Государственные учреждения были парализованы» [10]. Жизнь людей после исчезновения бумаги приобретает новый модус, протекая практически иррационально, *по-ту-сторону-действительности*. Многие аспекты бытия перестали поддаваться пониманию, ускользая от рационализации: никто «никак не мог понять, в чем дело, но что-то было не так» [10]. В жизни людей начинают главенствовать негативные эмоции, связанные с проявлением страха.

Художественный сюжет Комацу Саке и описанная им атмосфера страха приобретают реальные очертания в современности. В 2020 году в обществе возникла ситуация катастрофы и ее постепенного осознания: по всему миру распространился вирус COVID-19. Новый вид инфекции оказался незнакомым для научно-медицинского сообщества, что привело к сбоям в профилактике, диагностике и лечении заболевания. Вирус спротоцировал довольно опасную форму острой респираторной инфекции, приводящей к тяжелым осложнениям (в виде вирусной пневмонии) и огромному количеству летальных исходов. Первоначальное легкомысленное восприятие людьми информации о новом виде вируса сменилось пониманием его опасности. Вирус стал реальной угрозой, связанной с нанесением вреда здоровью и жизни. Это нарушило размеренность и комфортность пространств личности.

Как известно, индивидуальное бытие-в-мире всегда разнокнуто, сочетая в себе счастливые обстоятельства и жест(о)кость катастроф. В современности стабильное существование как *бытие в* с его *обитанием при* и *освоенностью* с было разрушено: «повседневная свойскость подорвалась» [14, с. 176]. Ситуация пандемии, коснувшись судьбы каждого, стала точкой невозврата. Осознание защищенности бытия сменилось тревогой за собственную жизнь, раскрыв возможности для выхода из глубин подсознательного первородного страха, всеобъемлющего и неотступного, заполняющего собой все пространство и время. Его дремлющее состояние перешло в активно-действенное. Вследствие этого личное бытие-в-мире наполнилось *страховенностью*. Она пронизывает *бытие в* и *обитание при*, заставляя в силу своей неотступности незаметно формировать *освоенность* с.

Из-за ворвавшегося в бытие нового вируса, с которым человечество пока не справилось, каждый индивид столкнулся с тремя аспектами страха: *пред-чем страх*, *устрашенность* и *о-чем страх*. Так, появившийся вирус

(«угроза, единственно могущая быть «страшной»») сыграл роль *пред-чем* страха, который «есть всякий раз нечто внутримирно встречающееся в бытийном образе под-ручного, наличного или соприсутствия» [14, с. 172, 168]. Рост во всем мире количества заболевших и умирающих людей от коронавирусной инфекции COVID-19 постепенно открыл в этом вирусе *страшное в его устрашенности* (М. Хайдеггер), свершившееся вблизи и внутри мира, что привело людей к осознанию характера угрозы и вредоносности *пред-чем* страха. Вирус проявляет себя «внутри определенной взаимосвязи имени-дела» [14, с. 168], а его вредоносность задевает личность в ее бытии, заставляя постоянно думать об этом – *о-чем страх*.

Сам вирус коварно непредсказуем: он может неожиданно задеть личность в ее бытии или пройти (до поры до времени) мимо, быть активным или пассивным/явным или скрытым. Коронавирусная инфекция COVID-19 играет роль угрожающего события, а заболевание для каждого индивида, возможное в любой момент, оказывается «ближайшим приближением угрожающего и родом встречи самого приближения» [14, с. 171]. Со стороны медицинских работников/ученых COVID-19 пока не поддается овладению и полному изучению, что «не уменьшает и не угашает страха, но формирует его» [14, с. 169] и поддерживает. Личное теоретическое знание о вирусе демонстрирует его дистанционность и положение «в дали», где вирус «в своей страшности прикрит» [14, с. 169]. Но приблизившийся к бытию-в-мире вирус способен задеть личность, показав ей существование с ним (*обитание при*) в бессимптомной/легкой/средней (умеренной)/тяжелой/критической степени протекания заболевания (практическое знание). Личность, давшая себя задеть вирусом, погружается в пучину страха, открывая для себя его страшность. Вирус, вызывающий боязнь индивида (*о-чем страх*), обнажает свое присутствие (*устрашенность*) и действенность (*пред-чем страх*). В своей грандиозной всеохватности он демонстрирует личности ничтожность ее жизни, открывая лики смерти.

Наличие вируса в социальном и неспособность людей овладеть им буквально принуждает признать его «присутствие как бытие-в-мире», замыкая «угрожаемое бытие-в» и «давая его видеть», что заставляет каждого *озаботиться* бытием-при-нем (*обитанием при* и *освоенностью с*) [14, с. 170]. Страх, задетый «в задетости того соприсутствия, за которое он страшится», начинает свободно располагаться в бытии личности, являя «способ быть-в-расположении вместе с другими» [14, с. 170]. В таком состоянии индивид чутко ощущает состояние, каково ему *страшится самому*. Он осознает собственную брошенность в мир (*бытие в*). «Страх размыкает по способу повседневного усмотрения нечто грозящее», что приводит индивида в состояние *ожидания наступающего зла* и его *допущения-настать-для-себя* [14, с. 178]. Личность одновременно готова и не готова принять зло в свою озаботившуюся способность-быть. При этом она мучится в догадках о силе зла, которая будет воздействовать на нее, нередко допуская (виртуально) возможную *финализацию вдруг*. Как справедливо подчеркнул М. Хайдеггер, «страшащееся ожидание страшит-«ся»», поэтому «страх перед... всегда есть страх о...», в чем заключается «настроенческая и аффективная черта страха» [14, с. 179]. Бытие-в-мире приобретает негативный порядок, а привычный уклад уходит на второй план. Страх «отбрасывает присутствие назад к тому, за что берет ужас», а именно – к индивидуальной «способности-быть-в-мире» [14, с. 174]. Вследствие этого обнаруживает себя экзистенциальность страха, заданная событийностью жизни и подтверждающее тезис о том, что *бытие-в-мире, когда в него врывается несвойскость, подвержено страху* (М. Хайдеггер). Более того, «не-по-себе-экзистенциально-онтологически следует принимать за более исходный феномен», определяющий бытие-в-мире [14, с. 177]. Непредсказуемость за-

болевания раскрывает для проявлений страха градицию его оттенков от боязливости, тревоги, смятения, ступора до жуты, угнетенности, ужаса. Сам страх и его интенсивность обнажают боязнь большего – бытие-не-по-себе как жуть перед бытием-в-мире и его конечностью. В обществе происходит «усиление страха смерти», ставшего «негативным эффектом пандемии COVID-19, проявляющимся на уровнях индивидуального и массового сознания» [15].

Возвращаясь к Комацу Саке, отметим, что страховенность бытия в его рассказе передается публицистичным стилем. Текст написан короткими, нередко обрывочными предложениями, имеющими экспрессивно-эмоциональную окраску. Уже начальные строчки его произведения вносят панические нотки страха и ужаса: «предупреждаю вас – читайте как можно быстрее! Иначе я не могу поручиться, что вам удастся дочитать эту историю до конца».

Только ничего не пропускайте! Ведь я умею рассказывать только по порядку, и от вас может ускользнуть самое главное. Ах, как было бы хорошо, если бы вы знали, чем кончается эта история! Во всяком случае, я очень, очень надеюсь...» [10]. Автор, уподобляясь своему герою-репортеру, от лица которого разворачивается повествование, транслирует постоянно меняющуюся информацию о катастрофичности ситуации.

В современных условиях пандемии особую роль сыграли СМИ, преподносящие сведения о картине заболевания по всему миру. Новости об эпидемии передаются эмоционально, визуализируясь диаграммами и кадрами с места событий. Накал страстей со страниц СМИ не внушает спокойствия. Призывы обозревателей и дикторов новостей («Дорогие зрители, просим вас сохранять спокойствие! Причины этого необычного явления еще не установлены. Однако правительство срочно принимает все необходимые меры» [10]) способствуют еще большему накалу страха. Манипулирование информацией усугубляет напряженность и страховенность бытия современной личности. СМИ постоянно характеризуют ситуацию, связанную с коронавирусной инфекцией COVID-19, в мрачных/пессимистических тонах: «эта жуть постоянно настагает присутствие и грозит» [14, с. 176]. Подобная информация, (вопреки/насилу) внедряемая в сознание человека, делает его растерянным, потерявшим жизненные основания и смыслы. Катастрофичность бытия и обнажение его движения к смерти рождает психологический дискомфорт и желание избавиться от него. На смену страху приходит ужас, поднимаемый «из-бытия-в-мире, как брошенного бытия к смерти» [14, с. 183]. В этой брошенности длящегося наступление заболевания/смерти оказывается довольно тягостным, усиливая подавляющую энергию страха. Настоящее и будущее растягиваются во временной координате, превращаясь в мучительно-томительное *теперь*, что изматывает личность. Каждый день начинается с *возвращения к возобновимости* (М. Хайдеггер), показывая ужас одинокого существования индивида, брошенного в мир.

Временным Ответом на биологический Вызов современности стали карантинные меры: «постепенно проявились огромные масштабы бедствия» и было «объявлено осадное положение» [10]. Людей ограничили в передвижении, в следствие чего «улицы выглядели чистенько и приятно»: не было ни машин, ни людей, «ни бумажного мусора» [10]. Временный перевод многих организаций и учреждений на удаленный режим работы, с одной стороны, облегчил жизнь (не нужно ежедневно ездить на работу, непосредственно взаимодействовать с людьми), но, с другой стороны, привел к нарушению баланса между работой/деятельностью и личной жизнью/досугом. Нахождение в течение длительного времени за компьютером, симулятивность общения в социальных сетях, карантинная жизнь в замкнутом пространстве вместе с членами семьи привели к накоплению негатив-

ных эмоций, усталости, неуверенности в завтрашнем дне, депрессивным и стрессовым состоянием [16, 17, 18, 19, 20].

Восприятие катастрофы происходит у людей по-разному, открывая «ужасающее зрелище. Одни метались по комнате, как звери, попавшие в клетку, издавая нечленораздельные звуки, другие толпились по углам, размахивали руками и ожесточенно спорили... Кое-кто всхлипывал. Некоторые сидели на стульях, бессмысленно уставившись в пространство» [10]. Подобное обнаруживается и в современности. Появившийся вирус и его непредсказуемость проявлений в организме человека ставит присутствие последнего в экстремальные условия, связанные с предстоящим в страхе перед новым видом заболевания. Страшнейшим индивидом «забывает себя и потому не *выбирает* ни одну из *определенных* возможностей, скачет от ближайшего к ближайшему» [14, с. 179]. При этом в подручном подвертывается возможные и невозможные шансы, а страшнейшим, не разбираясь, возбужденно/безразлично актуализирует все, что попадает. Личность в условиях пандемии пытается забыть о происходящем вокруг, мысленно отталкивая от себя возможность страшного, что играет роль своеобразной психологическо-экзистенциальной заботы. Подобное забывание отодвигает от событий, развертывающихся в реальности: «способность-быть цепляется за возможность спасения и избегания» [14, с. 179]. Но панический ужас заставляет метаться индивида между *невыбранными возможностями*, вводя в «настроение *возможного* решения» в состоянии *на взводе* [14, с. 183]. Кто-то растворяется в страхе, кто-то замыкается в себе и своих ощущениях, устраивая истерики, связанные с изменением самочувствия (страх «уделяет присутствие в его наиболее своем бытии-в-мире»), кто-то погружается в работу/творчество/ведение хозяйства/воспитание детей (страх «бросает себя на свои возможности»), а кто-то осуществляет «падение присутствия в люди и озабочившийся «мир»» как ««бегство» от самого себя» [14, с. 174, 172]. Перечисленное демонстрирует различные виды *отшатывания* личности от страха и осознания ужаса от происходящего. Страх раскрывает перед индивидом «собственность и несобственность как возможности его бытия» [14, с. 178] и попытки ухватиться за бытие-в-мире. Состояние субъективного *не-по-себе* становится повседневным и навязчиво-неотступным.

В рассказе Комацу Саке ответственность за сохранение культуры возлагает на людей. Дикторы настоятельно обращаются к населению: «Необходимо восстановить утерянную культуру. Напрягите свою память. Ваша память – последняя надежда. Все, что вспомните, запишите на чем угодно – на стене, на столе, на вашей рубашке, на спине соседа» [10].

Благодаря мужеству и рационализму главного героя, который решил в окружающем хаосе, найти источник бедствия, сюжетная линия рассказа динамично приводит к разрешению ситуации. Причиной случившегося бедствия оказался приятель героя – Номура, молодой и очень способный биохимик, «не от мира сего... С сумасшедшиной человек» [10]. Как выяснил герой, «он заключил контракт с одной крупной фирмой и теперь работает для нее над какой-то проблемой. Разумеется, за солидное вознаграждение» [10]. При этом конечной цели проекта и назначения своего изобретения Номура не знал. Его попросили «вывести такую бактерию, которая бы только чуть-чуть портила бумагу. И чтобы на нее не действовали обычные антибактериальные средства» [10]. Ученый думал, что выведенная им искусственная бактерия *сильцис майорис* (ядро рассказа) предназначена для уничтожения макулатуры. Но заказчики использовали элитную бактерию, которая «размножается в двести раз быстрее, чем исходная» [10], для коварных целей. Спорами этой бактерии заразили всю бумагу земного шара. Ее «размножение происходит на поверхности бумаги, и как только бактерия делится, она тут же бумагу

поедает» [10]. Осознав катастрофичность последствий своего изобретения и признав, что бактерия неунитожима, Номура создал пропитку для бумаги, способную защитить ее от бактерии. Его средство «видоизменило «сильцис майорис». Эта бактерия стала безвредной для бумаги, но... передаваясь через прикосновение, поражает волосы» [10]. Взаимодействие с обработанной бумагой требует осторожности: после того, как человек держал ее в руках, необходимо мыть руки. Но «если во время чтения вы почесывали голову, тогда уже поздно», вы облысеете [10]. Автор, решая дилемму «бумага или волосы», делает свой выбор в пользу первого: «что значат волосы по сравнению с культурой человечества?!» [10].

В современном социокультурном пространстве до сих пор остается открытым вопрос о (естественной/искусственной) природе вируса и пока не найдены эффективные средства противостояния коронавирусной инфекции COVID-19. Длительное ожидание угрозы как *допущения-настать-для-себя* либо встреча с ней (заболевание) ослабевают силу страха (*освоенность с*), что свидетельствует о его временной интенсивности. Особую роль в обуздании силы страха и его облегчении играет *надежда* и связанное с ней *действие*: «надеющийся как бы включает себя... в надежду и ведет себя навстречу обнадеживающему», что предполагает *вперед-себя-в-уже-бытии-в* и связанные с этим некие достижения [14, с. 184]. Надежда, в противовес ненастроенному на бытие-в-мире безразличию, создает приподнятое настроение, возникающее из решимости заботы о собственном бытии и актуализации себя в нем. «Решимость конституирует верность экзистенции своей самости» [14, с. 196]. Осознание финализации индивидуального бытия становится источником волевой решимости присутствия в событийности жизни и более рациональному выбору возможностей, помогая осуществить рефлексивный возврат к себе в условиях пандемии. Подобная встряска заставляет ощутить значимость жизни, провести ревизию ценностей и переосмыслить собственное бытие. Таким образом, ««теория» и «практика» суть бытийные возможности сущего, чье бытие надо определять как заботу» [14, с. 202]. Она способствует гармонизации *бытия в с его обитанием при и освоенностью с*, что позитивно влияет на индивида и его жизненные проявления.

ВЫВОДЫ.

Страх оказывается одним из любимых объектов описания в художественной литературе и экзистенциальной аналитике. Содержание сюрреально-фантастического рассказа Комацу Саке «Бумага или волосы» позволяет провести параллель с современной ситуацией, связанной с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. В художественном тексте и в реальности, наглядно демонстрирующей развертывание сюжета *никогда-не-бывшего*, в качестве ядра выступает вирус, спровоцировавший ситуацию катастрофы (облако).

Жизнь в условиях пандемии обнажает страховенность бытия, что способствует изучению страха как феномена. В ситуации, связанной со страхом, можно выделить *страшащегося*/индивида с его аффектами, приводящими к бытию-не-по-себе, и приходящего внутримирно *страшного*/вируса. Страх связан с бытием личности в мире, пронизывая собой разные аспекты – *бытие в, обитание при и освоенность с*. Структура страха включает в себя три модуса: пред-чем страх, устрашенность и о-чем страх. Интенсивность страха зависит от индивидуальных качеств личности, нагнетающей или ослабляющей его давление на собственную жизнь. Поддерживают страховенность бытия внешние силы (наличие вируса, манипуляция информацией СМИ), продолжительность воздействия страшного (временная координата), состояние ожидания вхождения в зону страшного либо само вступление и пребывание в зоне зла. При этом индивид осуществляет попытки вырваться-

ся из бытия в страхе и обитания при нем, чтобы забыть-ся. Но жизнь вновь возвращает его в страховенность. Неожиданно ворвавшийся в жизнь индивида страх, вызванный коронавирусной инфекцией COVID-19, приводит к потере (на определенный промежуток времени) жизненных целей, опор и ориентиров. Страх выступает в качестве деструктивной силы, противостоять которой может только рационализм, оптимизм надежда, умение концентрироваться и действовать в сложных условиях, что играет роль заботы.

REFERENCES:

1. Grojs B. *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury*. M.: Ad Marginem Press, 2015. 240 s.
2. Karmin A.S. *Intuiciya. Filosofskie koncepcii i nauchnoe issledovanie*. SPb.: Nauka, 2011. 901 s.
3. Ponomarev YA.A. *Psihologiya tvorchestva*. M.: Nauka, 1976. 302 s.
4. Vygotskij L.S. *Myshlenie i rech'*. M.: Labirint, 1999. 352 s.
5. Stozhko D.K. *Kak rozhdaetsya cennost': konstruirovaniye social'noj real'nosti // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*. 2018. T. 18. № 3 (43). S. 303-315.
6. Bylkova S.V., Kudryashov I.A. *Fenomen ekstensional'nyh i intensional'nyh obraznyh sravnenij v yazyke prozy B. Poplavskogo // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2017. T. 6. № 4 (21). S. 51-55.
7. Asratyan Z.D., Shajhutdinova A.M. *Konceptual'naya informaciya hudozhestvennogo teksta // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2018. T. 7. № 1 (22). S. 18-21.
8. Mozhejko M.A. *Rizoma // Postmodernizm. Enciklopediya / Sost. i nauch. red. A.A. Gricanov, M.A. Mozhejko*. Mn.: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. S. 657.
9. Eko U. *Zametki na polyah «Imeni rozy»*. M.: Astrel', 2011. 160 s.
10. Sake Komacu. *Bumaga ili volosy*. URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/28724/Komacu_-_Bumaga_ili_volosy.html (data obrashcheniya 25.12.2020).
11. Haritonov E. *Zametki o kitajskoj i yaponskoj fantastike*. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_09.htm (data obrashcheniya 25.12.2020).
12. Yakovleva E.L. *Syurrealisticheskaya fantasmagoriya: interpretaciya rasskaza Komacu Sake «Bumaga ili volosy» v kontekste glamura // Filosofiya i kul'tura*. 2017. № 2. S. 107-119.
13. Timoshchuk E.A. *Fenomenologicheskaya model' poznaniya // Gumanitarnyj vektor*. 2019. T. 14. № 4. S. 115-124.
14. Hajdegger M. *Ekzistenciya straha i bytie k smerti // ZH. Delyumo, ZH. Bataj. Pustota straha*. M.: Algoritm, 2019. S. 168-229.
15. Gavrilova Y.V. *Filosofskij i social'no-psihologicheskij aspekty straha smerti v kontekste pandemii COVID-19 // Nauchnoe mnenie*. 2020. № 11. S. 33-40.
16. Zotova O.Y. *Psihologicheskaya bezopasnost' obshchestva v usloviyah pandemii COVID-19 // Bezopasnost' lichnosti i obshchestva v usloviyah novogo krizisa: materialy XI Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Ekaterinburg: ANO VO «Gumanitarnyj un-t», 2020. S. 34-38.
17. Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Bojko O.M., Voroncova O.Y. *COVID-19. Analiz rosta depressivnoj simptomatiki i suicidal'nyh idej // Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri*. 2020. T. 16. № 3 (86). S. 6-8.
18. Nestik T.A. *Vliyanie pandemii COVID-19 na obshchestvo: social'no-psihologicheskij analiz // Institut psihologii Rossijskoj Akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*. 2020. T. 5. № 2 (18). S. 47-83.
19. Cvetkova N.A., Pokrovskaya S.V. *Osobennosti zaprosa na psihologicheskuyu pomoshch' v emerzhentnoj situacii pandemii COVID-19 // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 2020. T. 9. № 4-1. S. 159-164.
20. Shakirova A.T., Kojbagarova A.A., Osmonaliev M.K., Ahmedov M.T., Ibragimova A.Dzh. *Vliyanie COVID-19 na psihologicheskoe sostoyanie lyudej // Evrazijskij soyz uchennyh*. 2020. № 10-3 (79). S. 50-53.

Received date: 19.11.2020

Revised date: 24.12.2020

Accepted date: 27.02.2021

UDC 81'34

DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0006

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

РЕГИСТРОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ОСНОВНОГО ТОНА КИТАЙСКИХ СЛОГОВ В КОММЕРЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 862373

SPIN: 1613-8141

ResearcherID: AAF-2347-2020

ORCID: 0000-0003-2608-7362

ScopusID: 57191892926

КАРАВАЕВА Вероника Георгиевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет

(675027, Российская Федерация, Благовещенск, Игнат'евское шоссе, 21, e-mail: Berenices1988@gmail.com)

AuthorID:1077940

SPIN: 1720-3616

ORCID: 0000-0001-9867-0245

ЧЖАН Цзяньвэнь, старший преподаватель кафедры Национальных условий и культуры
Хэйхэский университет

(Китайская Народная Республика, Хэйхэ, ул. Институтская, 1, e-mail: 5644060@qq.com)

AuthorID:671968

SPIN: 5826-0656

ResearcherID: AAF-7228-2019

ORCID: 0000-0001-6714-9684

ScopusID: 57191887844

АНДРОSOVA Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет

(675027, Российская Федерация, Благовещенск, Игнат'евское шоссе, 21, e-mail: Berenices1988@gmail.com)

Аннотация. В статье поднимается проблема взаимодействия лексического тона и мелодики в китайском радио-рекламном дискурсе. Важность изучения модификаций основного тона в связной речи, обусловленная потребностями синтеза и анализа речи, а также широкая распространенность данного типа дискурса и его высокий манипуляционный потенциал обуславливают актуальность исследования. Привлекая внимание слушающего и удерживая информацию в его памяти продолжительное время, реклама становится одним из источников эталонов речевого поведения, оказывая влияние на речевое оформление высказывания, в том числе на реализацию регистровых значений тона. В статье приводятся новые данные о регистровых значениях 4 тонов китайского языка в рекламном дискурсе с учетом гендерного фактора и позиции в слове. Анализ проводился по 3 дифференторам: мелодический уровень, мелодический интервал, уровень начала и уровень конца мелодического движения. Корпус исследования составили 59 коммерческих и 72 социальные радиорекламы. Результаты проведенного эксперимента показывают, что помимо общеизвестных гендерных различий, существует высокая зависимость реализации регистровых значений основного тона от стиля высказывания, а также определенное влияние позиции слога в слове. Перспективу исследования может составить изучение данного вопроса через призму информативной нагруженности высказывания, а также учет просодической структуры высказывания, например особенностей тема речи диктора и интонации.

Ключевые слова: китайский язык, речевое поведение, гендер, коммерческая реклама, социальная реклама, позиция в слове, лексический тон, основной тон, дифференторы.

PITCH VALUES IN CHINESE SOCIAL AND COMMERCIAL ADVERTISEMENT DISCOURSE

© The Author(s) 2021

KARAVAeva Veronika Georgievna, PhD in Philology, associate professor of the department
of Foreign languages
Amur State University

(675027, Russian Federation, Blagoveshchensk, Ignat'evskoye Shosse, 21, e-mail: Berenices1988@gmail.com)

ZHANG Jianwen, senior lecturer of the department of National conditions and culture
Heihe University

(People's Republic of China, Heihe, Xueyan Road, 1, e-mail: 5644060@qq.com)

ANDROSOVA Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, professor of the department
of Foreign languages
Amur State University

(675027, Russian Federation, Blagoveshchensk, Ignat'evskoye Shosse, 21, e-mail: androsova_s@mail.ru)

Abstract. The paper raises an issue of the lexical tone and pitch interaction in Chinese radio advertisement discourse. Vast expansion of advertisement and its high manipulative potential put it in the center of researchers' attention. The importance of fundamental frequency variation study in connected speech is determined by the needs of automatic speech production and perception. Attracting listener's attention and keeping information in their memory for a considerable time period, advertising becomes one of the sources of standard speech behavior patterns and determines prosodic arrangement of the utterance including pitch level. The paper presents new data on the level values of the 4 lexical tones in Chinese manifested in advertisement taking into account gender and position in a word. The acoustic cues of 3 relevant prosodic features were analyzed: pitch level, pitch range, initial pitch level and terminal pitch level. The material for the research was comprised of 59 commercials and 72 social radio ads. Besides the well-known gender variance, high dependency of range values on the utterance style and position in the word was found. Considering the issue from the angle of the utterance informative structure might be the focus of further studies.

Keywords: Mandarin Chinese, speech behavior patterns, gender, commercial advertisement, social advertisement, position in a word, lexical tone, pitch, prosodic relevant features.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Как и всякий компонент языка, в связной речи тон подвергается изменениям, и его реализации могут значительно отличаться от классических описаний, доступных в учебных пособиях по китайскому языку, берущих за основу в основном изолированно произнесенные слоги. Актуальность исследования тона в период активного развития компьютерного анализа и синтеза речи трудно переоценить, поскольку одним из проблемных вопросов является генерация изменений частоты основного тона [1, С. 22], трудность состоит не только в том, как реализовать это технически, но и в том, чтобы понять, как должен выглядеть основной тон, который в живой, спонтанной речи может подвергаться значительным модификациям [2, С. 33]. Этот компонент требует особенно тщательного исследования, поскольку несет на себе двойную нагрузку: выполняет смысловозначительную функцию на уровне слова [3, С. 167] и является важным мелодическим компонентом интонации. Знания о законах изменения и особенностях поведения тона в связной женской и мужской речи позволят сделать синтезированную китайскую речь более живой и приближенной к человеческой, а анализ – более успешным. Потребность в новых данных о модификациях сегментных и просодических единиц лишь возрастает [4, С. 271, 5, С. 3].

Особый интерес для исследователя фонетиста представляет рекламный дискурс. Одной из его особенностей является возможность воздействовать на потребителя, помочь ему сделать «правильный» выбор продукта, если речь идет о коммерческой рекламе или принять «верное» решение, если речь идет о социальной рекламе [6, С. 109]. Понимание того какие сегментные и супraseгментные единицы играют наибольшую роль при воздействии на слушающего, особенно важно при создании радиорекламы, где при отсутствии изображения основным инструментом диктора становится голос [7, С. 115]. Также, реклама, за счет своей структуры, имеет свойство оставаться в памяти достаточно длительное время [8, С. 22], а значит и особенности произнесения ее компонентов обязательно будут откладываться в сознании людей. Являясь важным компонентом социальной среды, воздействующим мировоззрение людей, реклама может оказывать влияние на речевое поведение индивидуума [9, С. 141], в частности на особенности фонетического оформления высказывания. Звучащая реклама, не имеющая визуального сопровождения, имеет наиболее широкий охват аудитории [10, С. 120], именно поэтому она послужила материалом для данного исследования.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Существуют многочисленные работы отечественных и зарубежных авторов, касающиеся контура и высоты тона в китайском языке [11; 12; 13; 14, С. 365; 15, С. 207; 16, С. 50]. Ученые сходятся на том, что в китайском языке существует 4 тона со следующими характеристиками: 1) первый тон (имеет ровный контур и высокий регистр); 2) второй тон (имеет восходящий контур и также относится к тонам высокого регистра); 3) третий тон может быть полным (традиционно считается, что он имеет нисходяще – восходящий контур и низкий регистр, более современные исследования не отрицают этого, однако следует учитывать, что движение вниз в начале тона довольно слабое и на слух едва ощущается), и неполным (имеет слабый нисходящий контур и низкий регистр); 4) четвертый тон (имеет крутой нисходящий контур и высокий регистр, что существенно отличает его от третьего неполного тона). Специалисты в области китайского языка также отмечают существование «мягкого» или нулевого тона [17, С. 227], который, нельзя называть пятым тоном китайского языка [18, Р. 9–10], поскольку

он не обладает собственной высотой тона, он подстраивается под ближайшее окружение [19, Р. 211]. Он может встречаться в нетонированных слогах китайского языка (как, например, 2 слог в слове мама) или же является результатом редукции и проявляется при произнесении слогов, которые являются полнотонированными, но в связной речи в связи с процессами коартикуляции утрачивает сильную позицию, в этой ситуации нулевой тон неявно повторяет контур предыдущего слога, является его своеобразным отголоском и переходным участком к последующему слогу. Нулевой тон имеет свои особенности: гораздо меньшую длительность по сравнению с остальными тонами (на 60,97% короче); 2) более низкий уровень интенсивности (на 77,5% ниже, чем у полных тонов); 3) более низкий мелодический уровень основного тона (на 75,17% ниже, чем у полных тонов), среднее значение высоты нулевого тона составляет 50,23 Hz [19, Р. VIII]. Т. П. Задоев использует методику расчета высоты нейтрального тона относительно среднedicторского уровня тона предыдущего слога и имеет несколько иные значения: после 3-го тона 128 Гц, после 2-го тона 162 Гц, после 4-го тона – 178 гц, после 1-го тона – 208 Гц (о методике расчета см. [20, С. 40–52]).

В работах указанных авторов имеются данные о регистровых значениях китайских тонов в изолированно произнесенных словах или слогах в период 1980–1997гг., однако новейших данных о регистровых значениях 4 тонов китайского языка в речи мужчин и женщин не так много. Можно лишь отметить работу Бао Хуайцяо, Линь Маоцан [21] где проанализирована взаимосвязь контурного рисунка и регистра первого слога в двух и трех сложных словах с начальным согласным второго слога. Данные о регистровых значениях тонов в рекламном дискурсе отсутствуют, как отсутствует и сравнительный анализ регистровых значений тона в коммерческом и социальном рекламном дискурсе, чем и определяются новизна и актуальность настоящего исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Целью экспериментального исследования является получение современных данных о регистровых значениях тона в китайском языке на материале коммерческого и социального рекламного дискурса в речи дикторов мужчин и женщин.

Постановка задания. В задачи исследования входит: 1) выполнение замеров регистровых значений основного тона китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе; 2) сопоставление полученных данных в двух типах рекламного дискурса, выявление схожих и отличных черт; 3) анализ полученных регистровых значений с учетом позиции в слове; 4) сопоставление полученных данных с уже имеющимися в литературе, полученными на материале других типов дискурса

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Для формирования корпуса исследования был применен метод сплошной выборки из общего массива данных, замеры и акустический анализ производились в специализированной программе PRAAT, для обработки количественных данных был применен метод расчета среднего арифметического в табличном процессоре MS Excel. При анализе контура основного тона вслед за К. Херосе и Дж. С. Джанг [22] учитывались особенности реализации тонов в связной речи, когда контур F0 может отличаться от классического изображения и может быть поделен на три части: начало тона, ядро и окончание тона, при этом наиболее значимой для акустического и перцептивного анализа является именно ядро, которое приходится на участок с гласным, где нами и были произведены замеры, а начало и конец могут быть отнесены к переходным участкам. Применен метод дифференциального анализа акустических коррелятов. В качестве дифференциаторов для анализа вслед за И. Г. Торсуевой [23] были выбраны следующие:

1. *Мелодический уровень* (среднее регистровое значение тона было подсчитано автоматически при помощи

программы акустического анализа речи PRAAT);

2. *Уровень начала и уровень конца мелодического движения* (для каждого образца было проведено измерение начальной точки тонального рисунка и его конец, а для третьего полного тона было произведено дополнительное измерение точки, где происходит изменение контура мелодического рисунка);

3. *Мелодический интервал* (интервал между двумя точками началом и концом движения основного тона был определен путем нахождения разницы между начальной и конечной точкой тонального рисунка для 1, 2, 3 (неполного), 4 тонов, для 3 полного тона было подсчитано два мелодических интервала: 1) от начальной точки, до точки, где направление контура мелодического рисунка изменяется; 2) от точки изменения контура мелодического рисунка до конечной точки).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Материалом послужили звучащие тексты коммерческой и социальной рекламы, записанные шестью профессиональными дикторами (3 мужчины и 3 женщины) носителями стандартного китайского произношения – путунхуа. В ходе эксперимента было проанализировано 59 коммерческих и 72 социальные радиорекламы. Общее количество речи дикторов составило 1 час.

Ранее в ходе исследования был сформирован корпус радиореклам и определена информационная нагруженность слогов в обоих типах дискурса посредством перцептивного эксперимента с участием носителей языка [Подробнее см. 24], затем был осуществлен отбор слогов для детального акустического анализа. Общее количество слогов составило 11290: в социальной рекламе – 4617, в коммерческой – 6673. Для детального анализа акустических коррелятов были сформированы группы слогов, в одну группу входили слоги с одинаковым фонемным составом, этимологическим тоном и значением, реализованные в речи каждого диктора. Количество таких групп в коммерческой рекламе – 152 (у мужчин – 80 групп с 375 слогами, у женщин – 72 группы с 263 слогами). Количество групп в социальной рекламе – 147 (у мужчин – 71 группа с 305 слогами, у женщин 76 групп с 306 слогами). Всего было проанализировано 1249 слогов.

3.1. Сопоставительный анализ полученных значений дифференторов основного тона с ранее проводимыми исследованиями.

Для сравнения в таблице 1 приведем регистровые значения основного тона из работ следующих исследователей: китайского исследователя Ву (на материале односложных слов в речи мужчин и женщин [25]) Т. П. Задоевко [20, С. 40] (на материале двух текстов публицистического стиля, общий объем слогов 1336 речь двух мужчин и одной женщины). В учебном пособии Н. А. Спешнева [11, С. 17] частотные характеристики тонов приведены условно, для сопоставления тонов по высоте, но приведем и их для полноты картины и данные. Имеются данные о высоте основного тона полученные на материале изолированно произнесенных слогов в речи женщин [26]. Полученные нами данные на материале коммерческого и социального рекламного дискурса (записи 2015–2019 гг., мужская и женская речь) также добавлены в таблицу (см. таблицу 1).

Данные, приведенные в таблице, едва ли можно назвать однородными, однако можно проследить общую тенденцию. Общеизвестно, что частота основного тона у женщин выше, чем у мужчин [27, С. 16; 28, С. 75], что подтверждается и на нашем материале (см. таблицу 1). Интересно, что в односложных словах (данные Ву) регистровые значения выше, чем в изолированно произнесенных слогах. Данные по двум видам рекламного дискурса указывают на значительные различия в реализации основного тона – в коммерческой рекламе показатели в речи дикторов выше, чем в речи тех же дикто-

ров в социальной рекламе. Оба эти факта указывают на тесную взаимосвязь коммуникативной направленности высказывания и особенностей реализации сегментных единиц.

Таблица 1- Регистровые значения тонов Путунхуа в работах разных авторов (в Гц)

Тон	Задоевко 1980 Публицистический стиль (средние значения)	Спешнева 1980 Условные значения (начало – конец)	Ву 1986, односложные, (начало – конец, интервал)	Moore and Jongman, 1997 (молитвенный слог), (начало – конец, интервал)	Рекламный дискурс 2015–2019 Среднее (начало – конец) интервал	Социальная реклама 2015–2019 Среднее (начало – конец) интервал	Коммерческая реклама 2015–2019 Среднее (начало – конец) интервал
1 тон	Ж 275 М1 208 М2 221	200	Ж 307–305 (2) М 190– 177(13)	Ж 240–250 (10)	Ж 299 (291– 309) 18 М 174 (165– 182) 17	Ж 260 (259– 266) 7 М 151 (146– 156) 10	Ж 338 (323–350) 32 М 197 (184–209) 25
2 тон	Ж 200 М1 162 М2 181	140–200	Ж 222–318 (96) М 124–178 (54)	Ж 210–260 (50)	Ж 202 (195– 219) 24 М 138 (137– 152) 15	Ж 185 (186– 192) 6 М 109 (107– 123) 16	Ж 218 (204–245) 41 М 166 (167–182) 15
3 полный	Ж 186 М1 128 М2 134	120–100– 180	Ж 221–165– 242 (56, 77) М 124–68– 141 (56, 73)	Ж 200–180–200	Ж 242 (267– 228–283) 39– 55 М 99 (113– 83–115) 30– 32	Ж 178 (213– 169–211) 38– 42 М 103 (111– 95–143) 16–48	Ж 306 (321–287– 353) 34–66 М 101 (120–78– 103) 42–25
3 неполный					Ж 204 (250– 159) 91 М 229 (130– 108) 22	Ж 180 (210– 158) 53 М 96 (110–91) 19	Ж 218 (290–160) 130 М 133 (149–125) 24
4 тон	Ж 244 М1 178 М2 191	200–100	Ж 352–166 (186) М 223–80 (143)	Ж 270–180	Ж 265 (296– 231) 65 М 165 (165– 141) 44	Ж 250 (282– 219) 63 М 137 (157– 112) 45	Ж 280 (310–242) 69 М 194 (212–170) 42

Первый и четвертый тон на разном материале проявляют себя как слоги высокого регистра. Данные полученные Т. П. Задоевко на основе определения среднедикторской частоты основного тона свидетельствуют о более высоком регистре первого тона несмотря на то, что начальное значение четвертого тона может быть выше, чем первого. Значения первого тона в женской речи могут колебаться в пределах 240–309 Гц, в мужской речи – 165–221 Гц. Мелодический интервал у первого тона сравнительно небольшой (в среднем составляет 17–18 Гц), что указывает на относительно ровный характер контурного рисунка. Разница в ширине реализации диапазона основного тона имеется, и составляет 1–11 Гц (по рекламному дискурсу в целом и по данным, полученным на односложных словах, однако данная разница не может быть названа статистически значимой. Значения четвертого тона в речи женщин колеблются в пределах 352–296 Гц для уровня начала мелодического движения и 231–166 Гц для его конца. Мелодический интервал в речи женщин может составлять 65–186 Гц, что указывает на резкий нисходящий контур тона. Средние показатели в мужской речи составляют 223–185 Гц (для начала) и 141–80 Гц (для конца мелодического движения) с мелодическим интервалом 44–143 Гц, что свидетельствует о менее широком диапазоне реализации четвертого тона в речи мужчин. Второй и третий тон традиционно относят к тонам низкого регистра. Согласно среднедикторским значениям Т. П. Задоевко второй тон реализуется чуть выше третьего 200 Гц и 186 Гц в речи женщин по отношению к 162 Гц / 181 Гц и 128 Гц / 134 Гц в речи мужчин. Во втором тоне на начало мелодического движения в женской речи приходятся значения 210–222 Гц, а в мужской – 124–137 Гц, что указывает на незначительную разницу в пределах женской и мужской речи (12 Гц и 13 Гц соответственно). Конечные значения в речи женщин могут достигать 219–318 Гц (разница 99 Гц), в речи мужчин – 152–178 Гц (разница 28 Гц). Указанные разницы говорят о том, что конечные значения второго тона имеют более широкий диапазон варьирования, чем начальные; в речи женщин данный показатель значительно выше, чем в речи мужчин, равно как и более широкий диапазон реализации тона снова является характеристикой женской речи: 96 Гц к 54 Гц на материале односложных слов и 24 Гц к 15 Гц на материале рекламного дискурса (в целом). Снова прослеживается стилистическая разница, о которой было упомянуто ранее.

3.2. Реализация указанных дифференторов с учетом типа рекламного дискурса и позиции в слове.

К современным исследованиям, касающимся основ-

ного тона, можно отнести работу Бао Хуайцяо, Линь Маоцан [21, С. 170–213]. Их исследование интересно тем, что на материале двух и трехсложных слов рассматриваются особенности реализации основного тона с учетом позиции в слове и с учетом начального согласного второго слога. Приводятся средние значения основного тона в первом и втором слогах двусложных слов, при этом отдельно рассматриваются двусложные слова, в которых второй слог начинается с сонорных m, n, l, r, и отдельно такие двуслоги, где второй слог начинается с любого другого согласного, кроме сонорных. Выявленная закономерность может быть сформулирована следующим образом: если второй слог двуслога начинается с сонорного, то уровень начала 1, 2, 3, 4 тона будет примерно одинаков и равен 190–200 Гц (после 1 и 2 тона в первом слоге), 100–130 Гц (если в первом слоге двуслога реализован 3 или 4 тон), при этом в дальнейшем значение основного тона во втором слоге будет стремиться к более полной реализации своих «акустических» (по терминологии Румянцева [29, С. 43]) свойств. Так, приводится пример реализации четвертого тона в двусложных словах, второй слог которого начинается с сонорного согласного со средними значениями 120 Гц (начало) – 175 Гц (середина) – 85 Гц (конец). Достаточная длительность звучания позволяет несмотря на влияние контекста реализоваться акустическим свойствам.

Вопрос о выраженности тональных характеристик рассматривается некоторыми специалистами в связи с ударением. Так Е. Д. Поливанов пишет: «в двусложном или многосложном слове с ясностью тона произносится и слышится, в виде общей нормы, только один – и именно ударенный слог» [30, С. 147]. О различии китайских тонов лишь в ударных слогах говорит Л. Р. Зиндер [31, С. 304]. При этом вопрос о существовании ударения в китайском языке вызывает сомнение у большинства исследователей [13, С. 88; 29, С. 150; 12, С. 352–373]. Развивая данную мысль и связывая ее с позиционной выделенностью определенного слога в китайском языке, было принято решение провести подсчеты средних значений основного тона для коммерческой и социальной рекламы в речи мужчин и женщин отдельно для первых слогов двусложных слов и для вторых слогов двусложных слов. Комбинаторные условия (начальный сонорный согласный второго слога) не были приняты во внимание. Результаты произведенных замеров приведены в таблице 2.

Таблица 2 - Регистровые значения основного тона в речи мужчин и женщин в коммерческой и социальной рекламе.

1 слог	1 тон	2 тон	3 полный тон	3 неполный тон	4 тон
ЖК	324 (327-328) 58	221 (200-258)	222(230-210-240)20-30	206 (247-176) 71	309 (337-256) 81
МК	210 (194-221) 27	166(173-176)1	109(114-103-115)11-12	126(178-157)21	211(219-192)27
ЖС	260(203-218)15	183(179-193)14	192(204-168-223)36-55	168(191-153)38	281(303-253)50
МС	148(145-155)10	111(103-129)26	103(111-95-143)16-48	97(107-95)12	149 (173-118) 55
2 слог	1 тон	2 тон	3 полный тон	3 неполный тон	4 тон
ЖК	354 (330-376) 46	189 (192-194) 2	265 (281-254-316) 27-62	208 (272-160) 113	241 (277-215) 63
МК	176 (170-185) 15	107 (111-117) 6	123 (141-99-127) 42-28	137 (156-129) 27	208 (232-184) 48
ЖС	261 (265-264) 1	209 (211-248) 37	172 (223-180-172) 43-8	180 (224-147) 77	261 (268-282) 14
МС	149 (144-153) 9	165 (168-185) 17	-	95 (113-85) 28	149 (157-150) 7

Проанализированный материал не позволяет выявить какую-либо надежную закономерность о выделенности того или иного слога двусложного слова за счет повышения ЧОТ или увеличения мелодического интервала. Полученные данные подтверждают тенденции, обозначенные ранее: более высокая ЧОТ женского голоса по сравнению с мужским и более высокая ЧОТ в коммерческой рекламе по сравнению с социальной рекламой как в мужской, так и женской речи. Это свидетельствует о высокой надежности полученных ранее новых данных об особенностях реализации основного тона в разных

видах дискурса, но не может дать окончательного ответа на вопрос о позиционной выделенности китайского слога. В тоже время была обнаружена еще одна интересная тенденция, касающаяся реализации третьего тона, которая является устойчивой. Мелодический уровень и мелодический интервал третьего неполного тона всегда выше во втором слоге двусложного слова независимо от гендера или типа рекламного дискурса. Эту тенденцию отмечают исследователи Бао Хуайцяо, Линь Маоцан [21, С. 180–181]. В коммерческой рекламе в речи мужчин и женщин во втором слоге третий полный тон имеет более высокие значения ЧОТ и мелодического интервала (ср. ЖК среднее значение ЧОТ в 1 слоге 222 Гц, во 2 слоге – 265 Гц. Мелодический интервал между начальным, промежуточным и конечным значениями составляет 20 Гц и 30 Гц для 1 слога и 27 Гц и 62 Гц для 2 слога (аналогичную картину видим у мужчин). Что касается социальной рекламы, то в речи мужчин на нашем материале не оказалось ни одной реализации третьего полного тона, возможно в связи с ограниченностью выборки (изначально не было такой цели), поэтому сопоставление в данной ситуации провести невозможно. В речи женщин среднее значение ЧОТ выше для первого слога, однако нельзя утверждать, что это основательно противоречит приведенной гипотезе. Наоборот, это то исключение, которое как нельзя лучше отражает правило о том, что невозможно оценивать один параметр в отрыве от других. Если взглянуть на начальное, промежуточное и конечное значения основного тона, то можно увидеть соотношение 204 Гц – 168 Гц – 223 Гц (для 1 слога) и 223 Гц – 180 Гц – 172 Гц (для 2 слога). Получается, что значение от начальной точки до промежуточной выше во втором слоге, тогда как мелодический интервал между промежуточной и конечной точкой выше в 1 слоге. Возможно, картину можно будет прояснить посредством сопоставительного анализа с другими акустическими коррелятами, такими как интенсивность и длительность, что составит перспективу исследования.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Исследование рекламного дискурса сегодня интересно поскольку это важный механизм, способный формировать определенные социальные установки индивидуумов, в том числе и определять дальнейшее речевое поведение, в частности выбор способа оформления речевого высказывания. Интерес к тональности в китайском языке может быть определен несколькими факторами, однако наиболее значимыми являются синтез и анализ речевого сигнала, проблема которых в китайской прикладной лингвистике стоит особенно остро и связана не только с технической сложностью генерации ЧОТ, но и с недостаточной исследованностью вопроса с точки зрения акустических параметров, особенностей позиционных и стилистических модификаций, взаимосвязи с другими акустическими коррелятами и просодикой высказывания. По итогам экспериментального исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, реализация основного тона, помимо гендера, зависит от типа высказывания. В коммерческой рекламе как у дикторов мужчин, так и у дикторов женщин основной тон реализуется на более высокой частоте, чем в социальной рекламе, а в изолированно произнесенных односложных словах уровень основного тона выше, чем в рекламном и публицистическом дискурсе. Это в очередной раз свидетельствует о связи стиля высказывания и его акцентно-ритмической структуры.

Во-вторых, имеет место позиционная и комбинаторная зависимость ЧОТ. В двусложных словах, где второй слог начинается с сонорного, начало любого тона второго слога после первого и второго тона будет приближено к отметке 190–200 Гц, а после третьего и четвертого – к отметке 100–130 Гц. Обнаружена зависимость реализации третьего тона от позиции в слове: во втором слоге средние значения ЧОТ и мелодического интервала

выше, чем в первом.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Перспективу исследования может составить 1) более детальное изучение взаимодействия акустических коррелятов, таких как длительности слога, интенсивности и основного тона с учетом информационной нагрузки; 2) выявление связи с просодической структурой высказывания, например, с темпоральными особенностями.

REFERENCES:

1. Chistikov P. G., Rybin S. V. Problemy estestvennosti rechevogo signala v sistemah sinteza // *Informacionnye sistemy*. 2011. № 11. S. 22–30.
2. Androsova S. V., Lobacheva M. V. Modifikacija segmentnyh edinic spontannoj kitajskoj rechi: akusticheskij i perceptivnyj aspekty // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 11 (41). Ch. 2. S. 31–36.
3. 陈清. 尼泊尔汉语学习者单字调偏误实验研究 / 陈清 // *语言文化*, 2020 – № 32. – 第 167–169 页. Chen Qing. Ni bo er han yu xue xi zhe dan zi diao pian wu shi yan yan jiu // *Yu yan wen hua*. Chen Qin. Jeksperimental'noe issledovanie tonal'nyh oshibok u kitajskih uchashhihsja v Nepale / Chen Qin // *Jazyk i kul'tura*, 2020 – № 32. – S. 167–169. *An Experimental Study on Tone Errors of Chinese Learners in Nepal // Language and Culture*.
4. Li Jfan Teoreticheskie osnovy var'irovanija kitajskogo sloga // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. T. 13 (41). V. 1. S. 271–275.
5. Tjen Haj Osobennosti otrazhenija fonologicheskogo sistema jazyka v javlenijah hezitacii (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale russkoj i kitajskoj spontannoj rechi) / Tjen Haj / avtoref. diss. kand. filol. nauk. 10.02.19. Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. 2018. 17 s.
6. Zhang Xiaoyan. Yong sheng yin cu jin she hui he xie — Lun guang bo gong yi guang gao de sheng jing yin cu jin she hui he xie — 用声音促进社会和谐——论广播公益广告的社会功能 / 张晓燕 // *科技传播*, 2021 – № 1. – 第 108–110 页. Chzhan Sjaojan'. Sodejstvie social'noj garmonii s pomoshh'ju zvuka - o social'noj funkcii transljacii reklamy obshhestvennyh uslug / Chzhan Sjaojan' // *Nauka i tehnologii kommunikacii*, 2021 – № 1. – S. 108–110. Zhang Xiaoyan Promoting Social Harmony with Sound—On the Social Function of Broadcasting Public Service Advertisements / *Science and Technology Communication*.
7. 刘洪涛. 未来的广播与广告 / 刘洪涛 // *声屏世界*, 2018 – № 2. – 第 115–116 页. Liu Hongtao. Wei lai de guang bo yu guang bo guang gao // *Sheng ping shi jie*. Lju Huntao. Radio budushhego i reklama na radio / Lju Huntao // *Mir zvuka*, 2018 – № 2. – S. 115–116. Liu Hongtao. Future Radio and Radio Advertising / *The World of Sound Screen*.
8. Guo Tianxin. Shang ye guang gao ji yi xiao guo de yan jiu // *Ke xue zi xun - Jiao yu ke yan* 郭天忻. 商业广告记忆效果的研究 / 郭天忻 // *科学咨询-教育科研*, 2020 – № 2. – 第 22–23 页. Guo Tian'xin'. Issledovanie jefekta pamjati kommercheskoj reklamy / Go Tjan'sin' // *Nauchnye konsul'tacii - Obrazovanie i issledovanija*, 2020 – № 2. – S. 22–23. Guo Tianxin. Research on the Memory Effect of Commercial Advertising / *Science Consulting - Education and Research*.
9. Chebotnikova T. A. Rechevoe povedenie kak odin iz sposobov aktualizacii lichnosti // *Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. Filologija. Iskusstvovedenie*. 2011. № 28 (243). Vyp. 59. S. 138–143.
10. Chu Guangzhi, He Jingwen. Shu zi yin pin ping tai shang de gong yi guang gao chuan bo yan jiu // *Xian dai chuan bo*. 初广志, 何婧文. 数字音频平台上的公益广告传播研究 / 初广志, 何婧文 // *现代传播*, 2019 – № 6. – 第 119–123 页. Chu Guangzhi, He Jingwen. Shu zi yin pin ping tai shang de gong yi guang gao chuan bo yan jiu // *Xian dai chuan bo*. Chu Guangzhi, Hje Czinyen'. Issledovanie obshhestvennoj reklamy na cifrovoj audioplatforme / Chu Guangzhi, Hje Czinyen' // *Sovremennye kommunikacii*, 2019 – № 6. – S. 119–123. Research on Public Service Advertisement Communication on Digital Audio Platform / *Modern Communication*.
11. Speshnev N. A. Fonetika kitajskogo jazyka. L. : Izd-vo Leningradskogo gos. un-ta, 1980. 142 s.
12. Kasevich V. B. Fonologicheskie problemy obshhego i vostochnogo jazykoznanija. M. : Nauka, 1983. 479 s.
13. Zadoenko T. P., Huan Shuin Uchebnik kitajskogo jazyka. M. : Vostochnaja kniga. 2008. 96 s.
14. 陈宏. 基于认知规律的汉语声调教学新认识 / 陈宏 // *天津大学学报(社会科学版)*, 2020 – № 4. – 第 361–367 页. Chen hong. Ji yu ren zhi gui lv de han yu sheng diao jiao xue xin ren shi / Tian jin da xue xue bao (she hui ke xue ban) Chen Hun. Novoe ponimanie prepodavanija kitajskogo tona na osnovue kognitivnyh zakonov / Chen Hun // *Zhurnal Tjan'czin'skogo universiteta (izdanie po obshhestvennym naukam)*, 2020 – № 4. – C. tranicy 361–367. *New Understanding of Chinese Tone Teaching Based on Cognitive Theory / JOURNAL OF TIANJIN UNIVERSITY (SOCIAL SCIENCES)*.
15. Qin Peng. Zhao yuan ren "xiang pi dai xiao ying" de shi yan kao cha // *Zhong guo yu wen*. 秦鹏. 赵元任“橡皮带效应”的实验考察 / 秦鹏 // *中国语文*, 2019 – № 2. – 第 205–214 页. Qin Pjen. Jeksperimental'noe issledovanie "jefekta rezinovoj lenty" Chzhao Juan'zhjen' / Cin' Pjen // *Kitajskij jazyk*, 2019 – № 2. – S. 205–214. An Experimental Investigation of Zhao Yuanren's "Rubber Band Effect" // *Chinese Language*.
16. 赵凯, 费良华. 基于五度标记法 精确描述汉语声调 / 赵凯, 费良华. // *广州广播电视大学学报*, 2017 – № 1. – 第 49–54 页. Zhao Kai, Fei Lianghua. Ji yu wu du biao ji fa jing que miao shu han yu sheng diao // *Guangzhou guang bo dian shi da xue xue bao Chzhao Kaj, Fjej Ljanhua. Pjatisupenchataja notacija dlja tochnoj markirovki*

kitajskih tonov / Chzhao Kaj, Fjej Ljanhua. // *Zhurnal Guanchzhouskogo universiteta radio i televidenija*, 2017 – № 1. – S. 49–54. *Introducing Five-Degree Notation to Accurately Mark Chinese Tones / JOURNAL OF GUANGZHOU OPEN UNIVERSITY*

17. 王嘉龄. 实验语音学、生成音系学与汉语轻声音高的研究 / 王嘉龄 // *当代语言学*, 2000. – № 4. – 第 227–230 页. Van Czjalin. Jeksperimental'naja fonetika, generativnaja fonologija i izuchenie mjagkih tonov kitajskogo jazyka / Van Czjalin. // *Sovremennaja lingvistika*, 2000. – № 4. – S. 227–230. Wang Jialing. Shi yan yu yin xue, sheng cheng yin xi xue yu han yu qing sheng yin gao de yan jiu // *Dang dai yu yan xue*. *Experimental phonetics, generative phonology and the study of Chinese soft tones / Contemporary Linguistics. Wang Jialing. The neutral tone in trisyllabic sequences in Chinese dialects // International symposium on tonal aspects of languages: with emphasis on Tone Languages*. Beijing : China, 2004. Retrieved 13.01.2021 from https://www.isca-speech.org/archive/tal2004/papers/tal4_201.pdf
18. Guo Lulu. Comparative study on the acoustic characteristics of weak English and Chinese soft voice / Master's thesis of Jiangsu University of Science and Technology, Zhenjiang : Jiangsu University of Science and Technology / *Foreign Linguistics and Applied Linguistics*. Go Lulu. Sravnitel'noe issledovanie akusticheskikh harakteristik slabogo chtenija na anglijskom i mjagkogo golosa na kitajskom / Go Lulu // *Magisterskaja dissertacija Universiteta nauki i tehnologii Czjansu, Chzhjen'czjan: Universitet nauki i tehnologii Czjansu / Zarubezhnaja lingvistika i prikladnaja lingvistika*, 2017. – 83 s.
19. Qian Li, Yiya Chen. Prosodically conditioned neutral-tone realization in Tianjin Mandarin // *Journal of East Asian Linguistics*, 2019, № 28, P. 211–242.
20. Zadoenko T. P. Ritmicheskaja organizacija potoka kitajskoj rechi. M. : Nauka, 1980. 268 s.
21. 鲍怀翘, 林茂灿. 实验语音学概要 / 鲍怀翘, 林茂灿. 北京: 北京大学出版社, 2014. – 564 页. Bao Huaiqiao, Lin Maoacan. Shi yan yu yan xue gai yao / Bei Jing : Bei jing da xue chu ban she Bao Huajiao, Lin' Maoacan. Osnovnye principy jeksperimental'noj fonetiki / Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2014. – 564 s. *Experimental Phonetics Summary / Beijing : Beijing University Press*.
22. Zhang Jianwen, Karavaeva V. G. Temporal'nye harakteristiki kitajskoj kommercheskoj radioreklamy // *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika*. 2019. № 5 (3). S. 248–272.
23. Torsueva I. G. Intonacija i smysl vyskazyvanija / I. G. Torsueva / pod. red. V. N. Jarcevoj. – M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM». – 2009. – 112 s.
24. Hirose K., Zhang J. Tone recognition of Chinese continuous speech using tone critical segments // *Sixth European conference on speech communication and technology (EUROSPEECH'99)*. Budapest, Hungary, September 5–9, 1999. Retrieved August 15, 2020 from https://www.isca-speech.org/archive/archives/eurospeech_1999/e99_0879.pdf
25. Wu Z. J. The spectrographic album of mono-syllables of Standard Chinese. Beijing : Social Science Press, 1986.
26. Moore C. B., Jongman A. Speaker normalization in the perception of Mandarin Chinese tones // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1997. 102. 1864–1877.
27. 杨剑桥. 汉语音韵学讲义 / 杨剑桥. 上海: 复旦大学出版社, 2005. – 229 页. (Jan' Czjan'chao. Konspekt lekcij po kitajskoj fonologii / Jan' Czjan'chao. – Shanhaj : izdatel'stvo Universiteta Fudan', 2005. – 229 c.) Yang Jianqiao. Han yu yin yun xue jiang yi / Fu dan da xue chu ban she. *Lecture Notes on Chinese Phonology / Fu dan University press*.
29. 李乐. 俄语背景留学生汉语单字调习得偏误的声学研究及教学策略 / 李乐 // *西北成人教育学院学报*, 2019 – № 3. – 第 74–80 页. Li Le. E yu bei jing liu xue sheng han yu dan zi diao xi de pian wu de sheng xue yan jiu ji jiao xue ce lue // Xi bei cheng ren jiao yu xue yuan xue bao. Li Le. Akusticheskie issledovanija i strategii prepodavanija oshibok usvoenija kitajskih slov inostrannymi studentami s russkim proshlym / Li Le // *Zhurnal Severo-Zapadnogo instituta obrazovanija vroslyh*, 2019 № 3. – S. 74–80. *Acoustic Research and Teaching Strategies on the Acquisition Errors of Chinese Words by Foreign Students with Russian Background // Journal of the College of Northwest Adult Education*.
30. Rumjancev M. K. Fonetika i fonologija sovremennogo kitajskogo jazyka. – M. : AST : Vostok–Zapad, 2007. 303 s.
31. Ivanov A. I., Polivanov E. D. Grammatika sovremennogo kitajskogo jazyka. M : URSS, 2003. 303 s.
32. Zinder L. R. Obshhaja fonetika. M. : Vysshaja shkola, 1979. 312 s

Received date: 11.12.2020

Revised date: 18.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

UDC 821.411
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0007

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ƏBDÜRRƏHİM BƏY HAQVERDİYEVİN BƏDİİ YARADICILIQ DÜNYASI

© Müəllif (lər) 2021

ORCID: 0000-0003-2966-230X

MUSTAFAYEV Zaur Telman oğlu, Azərbaycan Miqrasiya Ədəbiyyatı və Bədii Tərcümə
Laboratoriyasının elmi işçisi
Bakı Dövlət Universiteti

(1148, Azərbaycan, Bakı, Z. Həlilov küç., 23, e-mail: z.baksovetli@mail.ru)

Xülasə. Məqalədə XX əsrin görkəmli Azərbaycan dramaturqu və yazıçısı Əbdürrəm bəy Haqverdiyevin bədii yaradıcılığı təhlil obyektinə çevrilmişdir. Burada onun “Dağılan tifaq”, “Bəxtsiz cavan”, “Pəri cadu” və digər əsərləri çağdaş milli-nəzəri təfəkkür işığında araşdırılmışdır. Təhlil prosesində ədəbin yaradıcılığı ayrıca, təcrid olunmuş şəkildə deyil, Azərbaycan ədəbiyyatı kontekstində tədqiqatə çəkilmişdir. XIX əsrin 90-cı illərində qələmə alınmış ilk faciələrinin – “Dağılan tifaq” və “Bəxtsiz cavan” əsərlərinin (birinin Peterqburqda digərinin isə müəllifin təhsildən qayıtdıqdan sonra doğma vətəndə yazılmasına baxmayaraq) mövzusu eyni həyatdan – dramaturqun dərinədən bələd olduğu Azərbaycan bəylərinin, mülkədarlarının həyat və məişətindən götürülmüşdür. “Dağılan tifaq”da təsvir olunan həyat həqiqətləri ilə “Bəxtsiz cavan”dakı hadisələr arasında təxminən on-on iki illik bir dövr keçmişdir. Əbdürrəhim bəy Haqverdiyevin “Dağılan tifaq” faciəsi ilə müqayisədə “Bəxtsiz cavan” əsərində nəzərə çarpan ideya-məfkurəvi inkişaf məhz bununla izah olunmalıdır. Bu inkişaf həm qələmə alınan hadisələrin mahiyyətində, həm də dramaturqun öz qəhrəmanlarına münasibətində qabarıq şəkildə görünür. Məqalədə Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev həyat və yaradıcılığı haqqında yazılmış tədqiqatlara istinad olunmuş, yeri gəldikcə onlardan uyğun şəkildə bəhrələnilmişdir.

Açar sözlər: Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev, Azərbaycan ədəbiyyatı, nəsr, dram, faciə

ABDURAGIM BEK KHAKVERDIEV'S WORLD OF ART

© The Author(s) 2021

MUSTAFAYEV Zaur Telman, Researcher, Laboratory of Azerbaijani Migration Literature
and Literary Translation
Baku State University

(1148, Azerbaijan, Baku, Z. Halilov str., 23, e-mail: z.baksovetli@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the work of the outstanding Azerbaijani playwright and writer of the twentieth century Abdurrahim bey Hagverdiyev. His works “The Broken Union”, “The Unhappy Young Man”, “Magic of the Fairies” and others are studied here in the light of modern national theoretical thinking. During the analysis, literary creativity was studied not in isolation, but in the context of Azerbaijani literature. The theme of the first tragedies of the 19th century - “The Broken Union” and “The Unhappy Young Man” (although one was written in St. Petersburg, and the other - in the author’s homeland) are based on plots from the life and everyday life of Azerbaijani beks and landowners, with whom the playwright was deeply familiar. Between the realities of life described in The Broken Union and the events in The Unhappy Young Man, a period of about ten to twelve years elapsed. The spiritual and moral maturation of the author is the reason for the ideological development of Abdurrahim bey Khagverdiyev’s “Unhappy Young Man” in comparison with the tragedy “The Ruined Union”. This development manifests itself both in the nature of the events and in the attitude of the playwright to his characters. The article refers to studies written about the life and work of Abdurrahim bey Khagverdiyev, and uses them accordingly.

Keywords: Abdurrahim bey Khagverdiyev, Azerbaijani literature, prose, drama, tragedy.

МИР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА АБДУРАГИМ БЕКА ХАКВЕРДИЕВА

© Автор(ы) 2021

МУСТАФАЕВ Заур Телман оғлу, научный сотрудник лаборатории азербайджанской
миграционной литературы и литературного перевода
Бакинский государственный университет

(1148, Азербайджан, Баку, ул. З.Халилова, 23, e-mail: z.baksovetli@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируется творчество выдающегося азербайджанского драматурга и писателя XX века Абдурагим бека Хагвердиева. Его произведения «Разрушенный союз», «Несчастный молодой человек», «Магия фей» и другие изучаются здесь в свете современного национально-теоретического мышления. В процессе анализа литературное творчество изучалось не изолированно, а в контексте азербайджанской литературы. В основе темы первых трагедий XIX века - «Разрушенного союза» и «Несчастливого юноши» (правда, одна написана в Петербурге, а другая - на родине автора) лежат сюжеты из жизни и быта азербайджанских беков и помещиков, с которыми драматург был глубоко знаком. Между реалиями жизни, описанными в «Разрушенном союзе», и событиями в «Несчастном молодом человеке» прошел период примерно от десяти до двенадцати лет. В духовно-нравственном созревании автора и лежит причина идеологического развития «Несчастливого молодого человека» Абдурагим бека Хагвердиева по сравнению с трагедией «Разрушенный союз». Это развитие проявляется как в характере событий, так и в отношении драматурга к своим героям. Статья ссылается на исследования, написанные о жизни и творчестве Абдурагим бека Хагвердиева, и соответственно использует их.

Ключевые слова: Абдурагим бек Хагвердиев, азербайджанская литература, проза, драма, трагедия.

Giriş. Azərbaycanın görkəmli dramaturqu və yazıçısı Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev Zaqafqaziya Demokratik Federativ Respublikası, Gürcüstanın və Azərbaycanın dövlət və ictimai-siyasi xadimi, I Rus Dumasının Azərbaycanı seçilmiş deputatı, Teatr Şurasının təsisçisi və ilk rəhbəri, Cəlil Məmmədquluzadənin redaktorluğu ilə çıxan məşhur «Molla Nəsrəddin» jurnalının əsas müəlliflərindən biri olmuşdur.

Əbdürrəhim bəy Haqverdiyevin həyatı və yaradıcılığı.
Qeyd edək ki, yazıçının əsərləri latın qrafikası ilə iki cilddə nəşr olunmuşdur [2; 3]. Azərbaycan Respublikası Nazirlər

Kabinetinin 7 may 2019-cu il tarixli, 211 nömrəli Qərarı ilə Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev Azərbaycan Respublikasında əsərləri dövlət varidatı elan edilən müəlliflərin siyahısına daxil edilmişdir.

Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev 1870-ci il mayın 17-də Azərbaycanın Şuşa şəhəri yaxınlığında olan Ağbulaq kəndində anadan olmuşdur. İbtidai təhsilini 1880-ci ildə Şuşada Yusif bəyin müvəqqəti yay məktəbində, sonra Şuşa real məktəbində almışdır (1881-1890). Tiflis real məktəbini bitirəndən sonra Peterburq Yol Mühəndisləri İnstitutunda təhsil almışdır (1891-1899). Tələbəlik dövrü azad müdavim

sifət ilə universitetin şərq fakültəsinin dinləyicisi olmuşdur. Onda ədəbiyyata güclü meyl oyanmışdır. «Yeyərsən qaz ətini, görərsən ləzzətini» (1892) və «Dağılan ittifaq» (1896) əsərlərini yazmışdır. «Dağılan ittifaq» (1899) Peterburqda nəşr edilmişdir [1].

Ali təhsil alıb Şuşaya qayıtmış, burada tamaşalar təşkil etmişdir. Bakıda onun rəhbərliyi ilə Şərq konsertləri verilmişdir (1902-1903), Burada ilk hekayələrini («Ata və oğul», «Aydın şahidliyi») yazıb «İki hekayət» adı ilə çap etdirmişdir.

1905-ci il inqilabından sonra Rusiya Dövlət Dumasına Gəncə quberniyasından nümayəndə seçilmiş, Peterburqa getmişdir (Azərbaycanın birinci diplomatlarından hesab olunur), burada dövlət kitabxanasında yeni əsərinə (Ağa Məhəmməd şah Qacar) materiallar toplamış, İrana - Mazandaran vilayətinə səyahət etmişdir (1907). «Leyli və Məcnun» operası 1908-ci il yanvarın 12-də tamaşaya qoyulduğu zaman ilk Azərbaycan dirijoru kimi xor və orkestri, tamaşanı idarə etmişdir. «Nicat» cəmiyyətində və Kür-Xəzər gəmiçiliyi idarəsində işlədiyi dövrdə Zaqafqaziyanı, Dağıstanı, Orta Asiyanı və Volqaboyunu səyahət etmiş, «Ceyranəli», «Xortdan». «Həkim-i-nuni-səqir», «Lağlağ», «Mozalan», «Süpürgəsaqqal» və s. imzalarla «Molla Nəsrəddin» jurnalında hekayə, felyeton çap etdirmişdir.

Həştərxanda yaşadığı müddətdə şəhərin mədəni-ictimai həyatında ciddi çalışmışdır (1910). Sonra Ağdama köçüb orada yaşamışdır. Tiflisdə «Şəhərlər İttifaqının Qafqaz şöbəsi xəbərləri» adlı aylıq məcmuənin redaktoru olmuş (1916-1917), fevral-burjua inqilabından sonra Tiflis İcraiyyə Komitəsinə və onun mərkəzi şurasına üzv seçilmişdir. Həmin ilin martında Borçalı qəzasına müvəkkil təyin olunmuşdur.

Azərbaycanda sovet hakimiyyəti qurulduqdan sonra dövlət teatrlarına müfəttiş təyin olunmuşdur. Azərbaycan milli teatrının yaranmasının 50 illiyi münasibəti ilə keçirilən yubileyə başçılıq etmişdir. Azərbaycan Dövlət Universitetində ədəbiyyatdan mühazirələr oxumuş, elmi kadrların hazırlanmasında iştirak etmişdir. Burada yerli komitənin sədri (1922), Azərbaycanı tədqiq və təbliğ cəmiyyətinin sədr müavini və sonra sədri (1923-1925) olmuşdur. Bu, ilk elmi-tədqiqat müəssisəsi idi. Bakıda 1924-cü ildə çağırılan birinci Azərbaycan ölkəşünaslıq qurultayının nümayəndəsi kimi fəal çalışmışdır [4].

Bunlardan başqa Ədib Şekspirin «Hamlet», Şillerin «Qaçqlar», Volterin «Soltan Osman», Zolyanın «Qazmaçılar», Andersenin «Bülbül», «Şahın təzə libası», Lanskoyun «Qəzəvat», Çirikovun «Yəhudilər», Korolenkonun «Qoca zəng çalan» əsərlərini də tərcümə etmişdir.

Rusiya Elmlər Akademiyasının nəzdində olan ölkəşünaslıq bürosunun beşinci elmi sessiyasında yekdilliklə akademiyanın ölkəşünaslıq bürosuna müxbir üzv seçilmişdir (1924). Şərq fakültəsinin katibi (1922-1925), Azərbaycan Yazıçılar İttifaqının məsul katibi (1931-1932) olmuşdur. Azərbaycan Mərkəzi İcraiyyə Komitəsinin Fəxri Fərmanına layiq görülmüşdür (1933). Onun əsərləri SSRİ və xarici ölkə xalqlarının dillərinə tərcümə olunmuşdur.

Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev ədəbi fəaliyyətə Şuşa real məktəbində oxuduğu zaman başlamış, M.F. Axundzadənin təsiri ilə «Hacı Daşdəmir» (1884) adlı kiçik bir pyes yazmışdı. Peterburqda təhsil alarkən onun bədii yaradıcılığa meyl və həvəsi daha da çoxalır. O, burada olarkən «Yeyərsən qaz ətini, görərsən ləzzətini» (1892) dramını və «Dağılan tifaq» (1896) faciəsini yazmışdır [4].

1899-cü ildə Azərbaycana qayıdan Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev bir müddət Bakıda yaşayıb. O, bir tərəfdən müəllimliklə məşğul olub, digər tərəfdən teatrlarda verilən tamaşalara rejissorluq edib. Eyni zamanda bədii yaradıcılığını da davam etdirib: «Bəxtsiz cavan» (1900) və «Pəri-cadu» (1901) faciələrini yazmaqla milli dramaturgiyanı ideya və poetik-sənətkarlıq baxımından daha da zənginləşdirmişdir. 1906-cı ildə «Həyat» qəzetində hekayələr və «Molla Nəsrəddin» jurnalında gizli imzalarla felyetonlar, məzhəkələr çap etdirib. «Marallarım», «Xortdanın cəhənnəm məktubları», «Şeyx Şaban», «Xəyalət», «Ac həriflər» və sair əsərlərin müəllifidir.

Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev «Pəri cadu» pyesində, bir çox tədqiqatçıların fikrinə görə, «Bəxtsiz cavan» pyesində olduğu kimi sadə insanlara sevgisini və səmimiyyətini ifadə etmişdir [1]. Ədəbiyyatşünas Əziz Şərifin sözlərinə görə, «Pəri cadu» simvolik dramasında Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev insanın şəxsi xoşbəxtliyini sorğulamışdır [7].

Ədəbiyyatşünas Əziz Şərif qeyd edirdi ki: Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev, böyük sənətkarlıqla, pisliyi qüdrətli olduğu heç bir şəxsi azadlıq olmadığı pulun gücündən üstün olduğu yerdəki xoşbəxtliyin mümkünsüz olduğunu göstərir. Yalnız təkzib edən kəndli Qurban, üsyançı intellekt Fərhad vəfat etdiyinə görə öldü, kütlələrin dəstəyi olmadan tək mübarizə aparmağa çalışdı.

Görkəmli teatr tənqidçisi Cəfər Cəfərov yazır ki, «Pəri cadu» pyesi onun canlılığı və doğruluğu üçün dəyərlidir. Cəfərovun sözlərinə görə N.Nərimanovun «Şamdanbəy», Nəcəf bəy Vəzirovun «Yağışdan çıxıb yağmura düşdü», «Hacı Qara» əsərləri kimi Haqverdiyev, pul mübadiləsi, mülkiyyət ideyalarını ortaya qoyur və onların bu faciəli nəticələrini aydın şəkildə nümayiş etdirir əlaqələr və fikirlər irəli sürür. Cəfərovun sözlərinə görə, «Pəri cadu» pyesin tərz və forması Azərbaycan sənəsinin tarixində tamamilə yeni bir fenomen idi [6].

Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev yeniyetmə ikən mülkədarlığın iflasını görürdü. Peterburqa gəldikdən sonra rus ədəbiyyatının və mədəniyyətinin qabaqcıl ideyaları ilə tanışlıq onun dünyagörüşünün genişlənməsinə kömək etmişdi. 1880-90-cı illərdə Azərbaycanda mülkədarlıq tənəzzülə uğrayır, patriarxalfeodal münasibətləri burjua münasibətlərlə əvəz olunmağa başlayırdı. Bütün bu tarixi həqiqətlər eyni ildə yaradılmış «Müsibəti-Fəxrəddin» (N.Vəzirov) və «Dağılan tifaq» faciələrində əks olunmuşdur [2].

Tifaqların, ocaqların dağılması ictimai-əxlaqi tənəzzülə, böhtana məruz qalmış mülkədarlığın öz təbiiyyətindən doğurdu. Pyesdə müəllif, Nəcəf bəy və onun «yemək və içmək» dostu olan bəylərin nüfuzlarının azaldığını, fəaliyyətlərinin get-gedə zəiflədiyini, mübarizə meydanından sıxışdırılıb çıxarıldıklarını göstərmişdir.

Əsərdə eyni zamanda, yaranmaqda olan yeni ictimai qüvvələri təmsil edən Məşədi Cəfər və Cavad kimi, həyatda fəal olmağa çalışan tacirlərin, sələmçilərin surətləri yaradılmışdır. Artıq elə bir dövr gəlmişdi ki, mülkədarlıq cəmiyyətinin təzə meylləri, inkişafı qarşısında duruş gətirə bilmir, dağılırdı. «Dünya beş gündür, beşi də qara» fəlsəfiylə ömür sürən Nəcəf bəyin tərcümeyi-halı Azərbaycan mülkədarlığının keçirdiyi yola uyğundur. Varlı mülkədar olan o, burnundan uzağı görmədiyi üçündür ki, «varlığa nə darlıq» deyər israfçılığa başlayır və bunu özü üçün şan-şöhrət bilir. Kəndlilərin alın təri ilə qazandıqları sərvəti, adı çıxır deyər, sağa-sola paylayır. Zəhmətsiz, əziyyətsiz yaşadığına görə də zəhmət adamlarını bəyənir, onları «it-qurd» sayır. Onun ailəyə, qadına, oğluna münasibəti dözülməzdir. Oğlu Süleymanın tərbiyəsiz böyüməsi, atasının yolu ilə gətməsi onun məhvinə səbəb olur. Eys-ışrət, qumar Nəcəf bəyin ailəsini, var-dövlətini ac bir canavar kimi dağıtmış, özünü də başqalarına əl açmağa məcbur etmişdir. azıçı, realizminin gücü ilə, öz oxucusunu inandırır ki, mülkədarlığın keçdiyi yolun nəticəsi budur.

Əsərin əsas qəhrəmanlarında olan Nəcəf bəyin əksinə olaraq, sövdəgər və müamiləçi Məşədi Cəfərin fəaliyyət dairəsi gün-gündən genişlənir. O, yenicə kapital yığmağa başlayan burjua nümayəndəsi kimi sələmçilik yolu ilə pul, var-dövlət, qızıl toplayır. O, yaşadığı mühitə Nəcəf bəy kimi deyil, gözü açıq baxır, kiminlə nə cür davranmağı bacarır. Məşədi Cəfər və Nəcəf bəyin nökrəri Cavad borc vermək yolu ilə varlanırlar. Onlar öz mövqelərindən və düşüklərindən şərəitdən, «yaman zamandan» ustalıqla istifadə edirlər.

Hər ikisi Nəcəf bəyin və onun bəy dostlarının pis əməllərindən özləri üçün nəticə çıxarıb, qumar oynamır, sərxoşluq etmir, avaraçılığa qurşanmır və s. Nəticədə Nəcəf bəylər maddi cəhətdən yeni burjua sinfinin ilk nümayəndələrinə möhtək vəziyyətə düşürlər. Əsərin sonunda nökrər Cavad «on min manata yaxın əhval» olan «sahibi-etibar» Ağa Cavada

çevrilir. Bütün bunlar XIX əsrin sonlarında Azərbaycan mülkədar həyatı üçün səciyyəvi bir hal idi və Haqverdiyev də gördüyü həqiqətləri qələmə almışdır. “Dağılan tifaq” faciəsinin əsas surətlərindən olan Sona xanımın simasında müəllif, təkcə bəy arvadlarının deyil, feodal-patriarxal cəmiyyətdə yaşayan hüquqsuz qadınların ümumiləşmiş surətini yaratmışdır. Sona xanım “Dağılan tifaq” pyesinin ən yetkin müsəbət surətini yaratmışdır.

Ədib onun dililə öz humanist arzularını, qüvvətli insanpərvər meyllərini ifadə etmişdir. Sona xanım elə günləri arzu edir ki, ürəyindəkiləri açıq deyə bilsin. Başqa sözlə, o, arzu edir ki, ona cəmiyyətdə öz haqqını müdafiə üçün hüquq verilsin. Sona xanım öz düşüncə və arzuları ilə Nəcəf bəylərdən çox üstündür. Əsərdə yazıcının xalqa münasibəti də öz əksini tapmışdır. O, Nəcəf bəyin və onun bəy dostlarının xanımalarının dağılmasının bir səbəbini də onların xalqa mənfi münasibət bəsləmələrində görür, kənd əhli ilə bəylər ova çıxarkən qızıl quşuna toxunanın “atasını yandırırıdılarsa”, indi artıq vəziyyət dəyişmişdir. Bəy ehtiyatlı olmalıdır ki, kənddə “toyuq yiyəsinin odunu” onun qızıl quşuna dəyməsin, yoxsa “canı elə orada ağzından çıxar”. Nəcəf bəylərə elə gəlir ki, namus, qeyrət kimi gözəl sifətlər kasıblarda ola bilməz.

Müəllif bu fikrin puçluğunu göstərmək üçün əsərdə “kasıb-kusubun da özünə görə namusu var” – deyən və bəylərdən intiqam alan İmamverdi, Kərim kimi obrazları yaratması təsadüfi deyildir. Dramaturq bir tərəfdən mülkədarlığı tənqid edirsə, ikinci tərəfdən, əsərin sonunda onların fəlakətli həyatına oxucuda təəssüf hissi oyadır. Beləliklə, Nəcəf bəy və onun dostlarının mənasız, laqeyd həyatının tənqid edən dramaturqun dünyagörüşü ilə realist təsviri arasında ziddiyyət meydana çıxır.

Bütövlükdə Əbdürrəhim bəy Haqverdiyevin “Dağılan tifaq” əsəri kəskin dramatik konfliktə malik faciədir və sənət əsəri kimi ustalıqla yazılmışdır. Konflikt elə məharətlə qurulmuşdur ki, əsas surətlər pərdədən-pərdəyə keçdikcə dolğunlaşır, öz səciyyəvi xüsusiyyətlərini aşkara çıxarırlar. Əsas qəhrəman və onun ailəsi get-gedə fəlakətə yaxınlaşır və nəhayət, pyes faciəli, acınacaqlı bir sonluqla bitir. Dramaturq əsərdə əsas surətlərlə yanaşı yardımçı surətlərin də xaraktercə tam olmalarına diqqət yetirmişdir. Pyesin dili təbii, səlis və aydındır. Dil məsələsində dramaturq realizmə sadıq qalmışdır. Bədii təsiri artırmaq üçün ədib simvolik ünsürlərdən: kölgə, qayıbanə səs, şimşək çaxması, bayquş kimi yardımçı vasitələrdən də istifadə etmişdir.

“Dağılan tifaq” Azərbaycan səhnəsində müvəffəqiyyətlə tamaşaya qoyulan pyeslərdən biridir. Bunun başlıca səbəblərindən biri, onun geniş bir dövrü əhatə edən məzmunu ilə yanaşı, həm də sənətkarlıq cəhətdən mükəmməl olması ilə izah olunmalıdır.

Bu dövr ərzində ictimai münasibətlərdə, Azərbaycan bəy, xan və mülkədarlarının həyatında ciddi təbəddülat yarandığı kimi, Peterburqdakı təhsil illəri də Əbdürrəhim bəy Haqverdiyevin dünyagörüşünə, ədəbi görüşlərinə qüvvətli təkan və istiqamət vermiş, onun bir xalqçı, ziyalı kimi yetişməsində mühüm rol oynamışdır.

“Dağılan tifaq”da müəllif Azərbaycan bəylərinin faciəsinə eys-ışrət düşkünlüyündə, bədxərlik, əyyaşlıq və qumarbazlıqda görüb-göstərməyə çalışmışdırsa, “Bəxtsiz cavan”da irəli gedərək zülmkarlıq və ədalətsizlikdə, rəiyyətin insan yerinə qoyulmamasında axtarır [5, s.92].

Ədib qismən öz həyatını təsvir etdiyi “Bəxtsiz cavan” pyesində gənc Fərhadı özünə oxşatmağa çalışmışdır. Bu, təbii bir haldır. Yazıcının öz təcrübəsi o zaman demokratik ruhlu Fərhad kimi cavanlar üçün tipik hal idi. Faciədəki gənc maarifçi Fərhad surətilə əlaqədar olan və həll edilən məsələlər öz dövrü üçün səciyyəvidir. Burada mübarizə “atalar” və “oğullar” arasında gedir. “Atalar” – Hacı Səməd ağalar köhnə mülkədar həyatının, dar dünyagörüşün, kütləşmiş şüur və hissin müdafiəçiləridirlərsə, “oğullar” – Fərhadlar orta əsr ənənələrinə dözə bilməyən, mürtəcə və mühafizəkar “atalara” qarşı mütərəqqi fikirlər irəli sürən, elm və maarifi təbliğ edən, xalq kütlələrinə yaxınlaşan və onların dərdinə şərik olan gözüaçıq gənclərdir. Hacı Səməd

ağa tək Fərhadın odlu sözlərindən qorxmur, o yeni zamanda rəiyyətin onunla üz-üzə gələcəyindən və beləliklə də bütün varyoxunun məhv olacağından qorxur. O, ac bir qurd kimi əməkçi kəndliləri parçalamağa hazırdır. Fərhad isə böyük qəlbə malik bir insanpərvər kimi əməkçi kəndliləri “əsil insan” sayır. İnsan gənc Fərhad üçün hər şeydən qiymətlidir. O deyir: “Bir dananın burnu ağrıyanda böyükdən neçə həkim çıxır, ancaq insana qulaq asan yoxdur” [2, s.99].

Nəticə. Bu sözlər istismarçı cəmiyyətin hakim təbəqələrini damğalayan çox qüvvətli həqiqətdir. Fərhad bir maarifçi kimi “torpaq kəndlinin olmalıdır!” məsələsini qaldırır. O, istəyir ki, qansoran mülkədarların ağılığına son qoyulsun və öz alınmış təri ilə çörək qazananların hüquqları özlərinə qaytarılsın Fərhadın yeganə ideali xalqa – “qara camaata” xidmət etmək və insan hüququnun tapdalanmasına yol verməməkdir. Fərhad mülkədarları da kəndlilər kimi zəhmət çəkməyə çağırır. Ədibin özü də gənc qəhrəmanı Fərhad kimi kəndlilərin hüquqsuzluğuna acıyır, qurtuluş yolu tapmağa çalışırdı. Ə.Haqverdiyev bir demokrat yazıçı kimi artıq Azərbaycan kəndli sinfinə, bu ictimai qüvvəyə istinad edirdi. Dövrün əsas ictimai ziddiyyəti, konflikt “Bəxtsiz cavan” da ilk dəfə olaraq açıq şəkildə qoyulurdu. XIX əsrin ikinci yarısı və XX əsrin əvvəllərində yaranan bədii əsərlərimizdə müsəbət qəhrəmana xüsusi fikir verilir.

Ümumiyyətlə, köhnə zehniyyətlə, istismar və ictimai ədalətsizliklə mübarizə, köhnə ilə yeninin, “ata” ilə “oğul” un çarpışması, Rusiyadakı və Azərbaycanın özündəki qabaqcıl, demokratik fikirlərin təbliği, intibahla əmələ gələn təzə fikirlərin inkişafı Əbdürrəhim bəy Haqverdiyevin bu dövrdəki yaradıcılığında mühüm yer tutur. Milli ədəbiyyat tarixini demokratik ideyalarla zənginləşdirən, yüksək zövqlə qələmə alınan “Bəxtsiz cavan” həmişə cavandır. O, Azərbaycanda, Qafqazda, Volqaboyunda, Orta Asiyada olduğu kimi, İranda da böyük müvəffəqiyyətlə tamaşaya qoyulmuşdur.

REFERENCE:

1. *A broken union*. [Electronic resource]. <https://en.wikipedia.org/>
2. *Haqverdiyev Abdurrahim bey. Selected works. In two volumes, Volume I*, Baku: Leader. 2005. - 504 p.
3. *Haqverdiyev Abdurrahim bey. Selected works. In two volumes, Volume II*, Baku: Leader. 2005. - 504 p.
4. *Haqverdiyev Abdurrahim bey*. [Electronic resource] <https://az.wikipedia.org/>
5. *Mutallimov Tahsin. Poetics of Abdurrahim bey Haqverdiyev*. Baku: Yazıçı, 1988, 323 p.
6. *Fairy Magic*. [Electronic resource]. <https://en.wikipedia.org/>
7. Sharif Aziz. *Outstanding Azerbaijani writer, "Litera-turnaya Gazeta"*, May 26, 1945.

Received date: 22.12.2020

Revised date: 18.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

UDC 81'33
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0008

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ОСОБЕННОСТИ ПАУЗАЦИИ РЕЧИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

© Авторы 2021
AuthorID: 682796
SPIN-код: 8496-0368
ORCID: 0000-0003-2522-7757

ИВАНАШКО Юлия Петровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет

(675027, Россия, Благовещенск, ул. Игнатъевское шоссе, 21, e-mail: polia-80@mail.ru)

AuthorID: 683631
SPIN-код: 3126-1955
ORCID: 0000-0001-5851-9962

ПРОЦУКОВИЧ Елена Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет

(675027, Россия, Благовещенск, ул. Игнатъевское шоссе, 21, e-mail: amursea@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-7640-0997

НИКОЛАЕВА Ирина Вадимовна, учитель английского и китайского языков
Центр лингвистического развития «Магнолия»

(675000, Россия, Благовещенск, ул. Кузнечная, 1, e-mail: amur-2011@inbox.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты слухового и инструментального видов анализа, направленных на изучение качественных и количественных характеристик пауз в спонтанной речи жителей Дальнего Востока различных возрастных групп. Материалом исследования послужили аудиозаписи спонтанной речи жителей г. Благовещенска женского пола трёх возрастных групп: подростки 11-13 лет, молодые люди 20-25 лет, люди старшего возраста (60-65 лет). Аудиоматериалы были получены при помощи записи голоса в приложении WhatsApp. На первом этапе работы был проведён подсчёт всех пауз, реализованных в речи дикторов. Анализ пауз позволил сгруппировать их в соответствии с существующими классификациями. Из общего количества полученных данных были отобраны паузы хезитации, которые, в свою очередь, были разделены на заполненные и незаполненные. Заполненные паузы подверглись инструментальному анализу для определения способов их заполнения. В результате было установлено, что всеми дикторами использовались следующие виды заполнения: вокализация, затяжка звуков, паузы вербального поиска и невербального колебания, паузы самокоррекции. Вокализация в большинстве случаев была выражена использованием дикторами [a]- и [ε]-образных звуков, сонорного [m]. При этом, самым частотным вокализованным заполнителем в группе подростков оказалось «аканье», а у более старших групп – «эканье». Затяжки звуков были представлены, в основном, удлинением союза «и». Паузы вербального поиска, в большей степени, были заполнены словами-паразитами, такими как «вот», «ну», «как бы», «так», «типа», «это». Максимальное количество таких заполнителей было отмечено в речи молодых людей. Было установлено, что заполнение пауз более свойственно молодым людям – они реализовали 66% от общего числа таких пауз. Измерение средней длительности пауз позволило прийти к выводу о том, что данный параметр возрастает с увеличением возраста дикторов – чем моложе информант, тем короче в его речи паузы и наоборот.

Ключевые слова: спонтанная речь, дальневосточный диалект, возрастная группа, паузация, пауза хезитации, заполненная пауза, незаполненная пауза, вокализация, затяжка звуков, паузы вербального поиска и невербального колебания, паузы самокоррекции, слуховой анализ речи, инструментальный анализ речи, качественные характеристики, количественные характеристики.

SPECIFIC FEATURES OF SPEECH PAUSING FOR DIFFERENT AGE GROUPS IN THE FAR EAST

© The Authors 2021

IVANASHKO Yulia Petrovna, Candidate of Philology, Associate Professor
of Foreign Languages Department
Amur State University

(675027, Russia, Blagoveshchensk, 21, Ignatievskoe shosse st., e-mail: polia-80@mail.ru)

PROTSUKOVICH Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor
of Foreign Languages Department
Amur State University

(675027, Russia, Blagoveshchensk, 21, Ignatievskoe shosse st., e-mail: amursea@mail.ru)

NIKOLAEVA Irina Vadimovna, teacher of English and Chinese
«Magnolia» Linguistic Development Center

(675000, Russia, Blagoveshchensk, 1, Kuznechnaya st., e-mail: amur-2011@inbox.ru)

Abstract. The article presents the results of auditory and instrumental types of analysis aimed at studying the qualitative and quantitative characteristics of pauses in spontaneous speech of Far Eastern residents of various age groups. The data are audio recordings of the spontaneous speech of Blagoveshchensk female residents of three age groups: adolescents 11-13 years old, young people 20-25 years old, elderly people (60-65 years old). The audio was recorded on WhatsApp application. The first stage included the calculation of all the speakers' pauses. Analysis of the pauses made it possible to group them in accordance with the existing classifications. From the total amount of data received, hesitation pauses were selected and divided into filled and unfilled ones. Instrumental analysis found out the types of filled pauses: vocalization, sound elongation, pauses of verbal search and non-verbal hesitation, self-correction pauses. In most cases vocalization is presented by the use of [a], [ε] and [m] sounds. The most frequent vocalized filler used by adolescents is [a] sound, by elderly people is [ε] sound. Sound elongation is mainly represented by the lengthening of [i] in conjunctions. The pauses of the verbal search are filled with junk words – young people tend to use them more often than other groups of speakers. Moreover, young people tend to use more filled pauses than adolescents and elderly people – the number of such pauses in their speech is 66%. Measurement of the average duration of pauses made it possible to conclude that this parameter increases with the age of the speakers – the

younger the speaker, the shorter the pauses in his speech and vice versa.

Keywords: spontaneous speech, Far Eastern regiolect, age group, pausation, hesitation pause, filled pause, unfilled pause, vocalization, sound elongation, pauses of verbal search and non-verbal hesitation, self-correction pauses, auditory speech analysis, acoustic speech analysis, quantitative features, qualitative features.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. В последнее время в отечественной лингвистике большое внимание уделяется региональным вариантам русского языка или «региолектам» [1-7]. Повышенный интерес к данной теме обусловлен несколькими факторами. Во-первых, необходимость накопления эмпирической базы аудиозаписей речи представителей разных регионов вызвана увеличением потребности в проведении лингвистических экспертиз по идентификации дикторов по голосу. Для успешного осуществления подобного рода анализа исследуются не только психофизиологические особенности дикторов, влияющие на речепроизводство, но и их региональная принадлежность, социальный статус, возраст, гендер и др. [8-10]. Все указанные элементы в совокупности составляют речевой портрет человека, успешное описание которого возможно лишь при наличии полноценных корпусов звучащей речи, в том числе регионально окрашенной. Вторым фактором, способствующим активному развитию понятия «региолект» является иное видение исследователями территориально окрашенной речи, которая уже не может быть описана традиционным термином «диалект», так как по тем или иным причинам не отражает в полной мере его свойств, а является особой формой устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, но развились новые особенности [11, с. 231; 12, с. 48-50; 13, с. 157]. Необходимость подробного и комплексного изучения региональной речи на различных языковых уровнях: фонетическом (сегментном и супraseгментном), лексическом и грамматическом, а также потребность в создании её баз данных составляют актуальность принятого авторами исследования.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Обзор научной литературы, посвященной региолектам, показал отсутствие комплексных исследований речи дальневосточников – фрагментарные изыскания направлены, в основном, на изучение проблем употребления тех или иных лексических единиц в спонтанной речи и письменных текстах, проблемам семантики [6; 14; 15].

Однако фонетическая сторона связной речи представителей дальневосточного региона практически не исследована.

Кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета начато экспериментальное исследование звучащей речи жителей разных возрастных, гендерных и социальных групп г. Благовещенска. На данный момент проведён ряд исследований спонтанной связной речи на просодическом и сегментном уровнях [16-19].

Настоящая статья является продолжением работы в данном научном направлении и посвящена особенностям паузации в спонтанной речи жителей г. Благовещенска разных возрастных групп.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Целью настоящего исследования является изучение паузальных характеристик спонтанной монологической речи дальневосточников различных возрастных групп.

Постановка задания. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- осуществлён критический анализ научной литературы, посвящённой особенностям паузации в современном русском языке;
- исследованы типы пауз, реализованных в речи дик-

торов, рассмотрены варианты их заполнения;

- проведён сравнительный анализ реализации пауз в речи дикторов разных возрастных групп.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Теоретико-методологической основой исследования являются положения Щербовской фонологической школы (Л. В. Бондарко, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, Н. Д. Светозарова, Л. В. Щерба) [20-27].

В представленной работе использовались следующие методы:

1) общенаучные методы: системный подход, методы анализа, обобщения, сравнения;

2) методы эмпирического исследования: наблюдение, описание, слуховой и акустический (инструментальный) анализ аудиозаписей, количественный метод обработки данных.

Метод теоретического анализа применен для обсуждения имеющихся точек зрения на рассматриваемую проблему, для интерпретации полученных экспериментальных данных. Метод акустического анализа использован для выявления просодических характеристик русской речи жителей Дальнего Востока: замеров длительности пауз и их качественных характеристик. Метод количественных подсчетов задействован для обработки экспериментальных данных и вычисления средних значений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Пауза – это важнейший компонент интонации, играющий значительную роль в производстве высказывания и восприятии информации [28]. Пауза представляет собой временную остановку звучания, в течение которой речевые органы воспринимаемо не артикулируют, и которая разрывает поток речи [29].

Традиционно паузы разделяются на несколько типов.

1. «Пустые» паузы часто встречаются в обыденной речи. Такие паузы только затягивают разговор и не создают комфорта при общении.

2. Паузы хезитации являются паузами размышления и, соответственно, свойственны спонтанной разговорной речи и является неотъемлемой её частью.

3. Интонационно-логические паузы отделяют один речевой такт от другого. Для того, чтобы речь была понятной, перед произнесением текста вслух нужно навести порядок в словах, правильно соединить их в речевые такты. Таким образом, будет ясно, какое слово к какому относится, как они объединяются, и из каких отрезков складывается фраза. Изменение места интонационно-логической паузы в одном и том же предложении может значительно изменить его смысл.

4. Психологические паузы выделяют слова, которые несут дополнительную нагрузку и усиливают значение отдельных слов. Иными словами, это эмоциональная интерпретация текста.

5. Интонационно-синтаксические паузы соответствуют знакам препинания в письменной речи и отличаются длительностью. Такой паузой в звучащей речи отделяются однородные члены предложения, вставные конструкции, обращения.

6. Ситуативные паузы – паузы, вызванные определённой ситуацией.

7. Физиологические паузы появляются тогда, когда не хватает воздуха в легких, например, при одышке, или когда поражена центральная нервная система, в результате чего забывается нужное слово, трудно выразить какую-нибудь мысль [30].

В настоящей работе представлены результаты исследования пауз хезитации и способов их заполнения в

спонтанной речи. Данный вид пауз был выбран в связи с тем, что они могут являться идентификационной чертой как отдельно взятого индивида, так и целой группы людей, объединённых каким-либо признаком (социальная, возрастная, гендерная, профессиональная, региональная группа и др.). Кроме того, важными для изучения являются заполнители пауз, так как они могут варьировать от одного диктора к другому или, напротив, объединять их.

В классификации О. А. Александровой и В. В. Иванникова выделены экспоненты заполненных пауз хезитаций, представленные ниже.

1. Вокализация – различные звуки нефонемного характера ([э-э], [мм], [гм]).

2. Затяжки звуков – нефонемные удлинения гласных и согласных элементов в лексических единицах.

3. Паузы вербального поиска:

а) десемантизированные модальные и вводные слова или выражения, указательные, притяжательные, определительные местоимения и указательные местоименные наречия, которые часто называют словами паразитами или пустыми словами (так сказать, значит, ну, это, вот, этот, самый, как бы, какие-то, как-то, там и др. или их варианты);

б) метатекстовые комментарии – вставные фразы говорящего, обращенные к самому себе или адресату, облегчающие процесс поиска «связующей нити» с последующим контекстом и обеспечивающие непрерывный контакт с собеседником (как вы знаете, видите ли, понимаете и др.);

в) непреднамеренные повторы, среди которых можно выделить полный повтор слова или частичный, а также повтор словосочетания.

4. Невербальные паузы колебания – покашливания, вздохи, смех, прочищение горла, цоканье языком.

5. Самопрерванные конструкции, среди которых выделяют незаконченные высказывания, рестарты (повторные начала) и фальстарты (неудачные начала). Незаконченными называются высказывания с незамкнутыми синтаксическими позициями, смысл которых, необходимый для коммуникации, невозможно извлечь ни из контекста, ни из ситуации, ни из фоновых знаний говорящих. Такие высказывания остаются незавершёнными и в интонационном оформлении [31].

Материалом настоящего исследования послужили звукозаписи спонтанной речи дикторов женского пола, постоянно проживающих на территории г. Благовещенска Амурской области.

Аудиозаписи представлены голосовыми сообщениями, записанными дикторами в мессенджере WhatsApp. Полученные файлы были конвертированы из формата .ogg в формат .wav для последующей обработки в многоплатформенном аудиоредакторе PRAAT.

Аналізу подверглись образцы речи девяти дикторов трёх возрастных групп. В первую группу вошли дикторы-подростки 11-13 лет (D1-D3); группа 2 представлена молодыми людьми в возрасте 20-25 лет (D4-D6); в группу 3 вошли дикторы D7-D9, относящиеся к возрастной категории 60-65 лет (см. табл. 1).

Таблица 1 – Информация о дикторах

Параметры	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	D1	D2	D3	D4	D5	D6	D7	D8	D9
Возраст	11	13	13	22	21	23	63	60	65
Время звучания	2 мин 30 сек	4 мин 34 сек	3 мин 26 сек	5 мин 50 сек	4 мин 46 сек	6 мин 3 сек	5 мин 20 сек	6 мин 41 сек	7 мин 20 сек
Место проживания	г. Благовещенск Амурской области								

В результате исследования были получены данные, представленные в таблицах 2, 3.

На первом этапе исследования был произведён подсчёт общего количества пауз хезитации в речи каждого диктора. Как видно из таблицы, использование таких пауз более свойственно дикторам группы 2 – в их речи в совокупности было реализовано 266 пауз. Минимальное

количество пауз (67) зафиксировано в речи подростков (группа 1). 194 паузы были отмечены в речи представительниц группы 3.

Таблица 2 – Паузы хезитации в речи дикторов (в абс. ед.)

Параметры	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	D1	D2	D3	D4	D5	D6	D7	D8	D9
Общее количество	39	6	22	70	118	78	59	68	67
Заполненные	11	2	2	15	30	27	10	8	4
Незаполненные	28	4	20	55	88	51	49	60	63
Средняя длительность, мс	308	666	500	580	710	750	1100	800	860
Наименьшая средняя длительность, мс	100	70	100	125	120	140	370	290	320
Наибольшая средняя длительность, мс	1950	2190	1770	1910	2120	3850	4020	2260	2470

Из общего количества пауз (527) заполненными оказались 109 или 21%. При этом максимальное число заполненных пауз – 72 (66%) – реализовано молодыми дикторами (группа 2). Минимальное число случаев заполнения пауз – 15 (14%) – выявлено в речи подростков. Данный тип пауз в речи дикторов третьей группы составил 20% или 22 случая.

Измерение средней длительности пауз показало, что данный параметр имеет зависимость от возраста говорящего.

Так, минимальные значения средней длительности отмечены в речи информантов группы 1 (подростки), а максимальные значения – в группе 3 (дикторы старшего возраста).

Средняя длительность пауз в речи информантов 60-65 лет превысила аналогичный параметр речи подростков в 1,9 раз.

Что касается значений наименьшей и наибольшей средней длительности, данные таблицы обнаруживают подобную тенденцию увеличения длительности пауз с возрастом говорящего.

Обращают на себя внимание два показателя наибольшей средней длительности пауз – в речи молодого диктора (D6) и в речи диктора третьей группы (D7) – 3850 мс и 4020 мс соответственно. В обоих случаях значительное увеличение длительности объясняется использованием дикторами десемантизированных слов для заполнения пауз.

Таблица 3 – Способы заполнения пауз-хезитации дикторами (в %)

Способ заполнения	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Вокализация	50	42	47
Затяжки звуков	21	20	22
Паузы вербального поиска	19	36	26
Невербальные паузы колебания	8	2	4
Самокоррекция	2	0	1

Анализ данных, представленных в таблице, показал, что наиболее частотным способом заполнения пауз хезитации является вокализация – в среднем количестве таких пауз составляет 46% от общего числа заполненных.

Затяжки звуков отмечаются в речи дикторов в среднем в 21% случаев. При этом обращает на себя внимание тот факт, что количество реализаций данных способов заполнения пауз в речи дикторов разных возрастных групп не имеет значительных различий.

Употребление пауз вербального поиска варьирует в речи представителей разных групп. Так, наименьшее количество таких пауз выделяется в речи подростков, наибольшее – в речи молодёжи (19% и 36% реализаций соответственно).

Самыми малочисленными способами заполнения пауз в представленных аудиоматериалах оказались невербальные паузы колебания и паузы самокоррекции. Предпочтение невербальным паузам колебания отдавали подростки – в их речи зафиксировано 8% употреблений. Случаи самокоррекции единичны.

Среди всех реализованных вокализованных пауз

были выделены так называемые «эканье», «аканье» и «мычание».

Наиболее частотным в группе подростков оказалось «аканье», тогда как в речи молодых и более старших дикторов чаще отмечалось «эканье».

В большинстве рассмотренных в рамках исследования случаев заполнения пауз с помощью удлинения тех или иных фонем происходило путём удлинения союза «и» между синтагмами. Реже отмечались случаи затяжки конечных звуков знаменательных слов (меня, пора, практически и др.).

Паузы вербального поиска, десемантизированные слова или выражения представлены в материале исследования словами-паразитами или пустыми словами (ну, это, вот, этот, как бы и др.).

Невербальный способ заполнения паузы в подавляющем большинстве случаев выражен цоканьем и вздохами. Иногда данный способ сочетается с вокализацией, заключающейся в реализации сонорного звука [m]. Такой способ невербального заполнения паузы особенно характерен для речи подростков.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. На основе анализа всех реализованных дикторами пауз хезитации можно сделать вывод о том, что их использование более характерно для молодых людей, в чьей речи зафиксировано их максимальное количество. Минимальное количество пауз реализовано подростками.

Исследование показало, что пятая часть всех изученных реализаций пришлась на заполненные паузы, максимальное число которых также реализовано молодыми дикторами, а минимальное – подростками.

Средняя длительность пауз продемонстрировала зависимость от возраста информантов: с повышением возраста говорящего наблюдается увеличение значений средней длительности пауз.

Самым частотным способом заполнения пауз в речи дикторов всех возрастных групп является вокализация, выраженная в произнесении [a]-, [e]- и [m]-образных звуков. Другими распространёнными видами заполнения пауз являются затяжки звуков и паузы вербального поиска. Реализации невербальных пауз колебания и пауз самокоррекции были единичными у всех дикторов исследования.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Полученные данные имеют прикладное значение. В перспективе они могут быть использованы при составлении спецкурсов по лингвистической экспертизе звучащей речи, региональной фонетике. Также результаты исследования могут быть полезны в дальнейших работах, связанных с изучением фонетических особенностей жителей г. Благовещенска и создания мультимедийных корпусов звучащей речи.

Исследование будет иметь выраженный долгосрочный эффект, поскольку прикладные продукты, полученные на основе собранных, проанализированных и систематизированных объективных данных (звуковая база данных русской речи жителей Дальнего Востока), могут успешно использоваться в целях сопоставления с аналогичными сведениями в других региолектах.

REFERENCES:

1. Bukrinskaya I. A., Karmakova O. Ye. *Regional'nyye raznovidnosti russkoy rechi. Russkaya rech'*. 2020. № 4. S. 7-18.
2. Goncharova O. V. *Analiz i opisaniye sovremennykh regiolektov v otechestvennoy lingvistike. Kazanskaya nauka*. 2019. № 1. S. 51-55.
3. Yerofeyeva Ye. V. *Regiolektnyye osobennosti rechi i ikh sotsial'noye rassloveniye. V knige: Portret govoryashchego nachala XXI veka. Pod red. O. Ye. Frolovoy; Filologicheskyy fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova. Moskva*, 2016. S. 95-133.
4. Kudreyko I. A. *Regiolekt kak osobaya forma funktsionirovaniya yazyka. V sbornike: Nauka i mir v yazykovom prostranstve. Sbornik nauchnykh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoy nauchnoy konferentsii. Redkollegiya: Ye. V. Gorokhov, N. M. Zaychenko [i dr.]*. 2016. S. 90-91.
5. Terkulov V. I. *Regiolekty kak novaya forma territorial'nogo chleneniya russkogo yazyka. V sbornike: Donetskiye chteniya 2018: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Materialy III*

Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Pod obshchey redaktsiyey S. V. Bepalovoy. 2018. S. 66-68.

6. Oglezneva Ye. A. *Dal'nevostochnyy regiolekt: k voprosu o yazykovoy spetsifike. V sbornike: Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. pod redaktsiyey T. Yu. Ignatovich*. 2014. S. 160-163.

7. Oglezneva Ye. A. *K voprosu o terminakh «Regiolekt», «Natsional'nyy variant yazyka», «Variant natsional'nogo yazyka» (na primere russkogo yazyka). V sbornike: Nauchnoye naslediyе akademika V. I. Borkovskogo i sovremennaya russkaya slovesnost'. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. FGAOU VPO «Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet»; Otvetsvennyy redaktor D. Yu. Il'in*. 2015. S. 331-338.

8. Nadeina T. M. *Diagnosticheskiye vozmozhnosti ustnoy spontanoy rechi v sudebno-ekspertnykh issledovaniyakh. V sbornike: Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v sovremennykh usloviyakh. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2019. S. 324-330.

9. Matveyeva L. Yu., Prokof'yeva L. P. *Risunok zvuchashchey rechi (potentsial avtomatizirovannykh issledovaniy dlya tseley fonoskopicheskoy ekspertizy). V sbornike: Russkaya ustnaya rech'. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. O. Yu. Kryuchkova (otv. redaktor)*. 2016. S. 66-76.

10. Lebedeva A. K. *O meste sudebno-ekspertnogo issledovaniya oblikovykh kharakteristik lichnosti po fonogrammam rechi v sisteme sudebnykh ekspertiz. V sbornike: Aktual'nyye problemy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v ugovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom protsesse i po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Materialy 5-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2016. S. 49-53.

11. Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika. M.: Ros. gos. gumanit. un-t*, 2001. 439 s.

12. Gerd A. S. *Vvedeniye v etnolingvistiku. SPb.*, 1995.

13. Trubinskiy V. I. *Sovremennyye russkiye regiolekty: primety stanovleniya // Pskovskiyе govory i ikh okruzeniye. Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. Pskov*, 1991. S. 156-162.

14. Blokhinskaya A. V. *Russko-ukrainskiye vzaimodeystviye v russkikh govorakh Priamur'ya (na materiale rechi zhitel'ey Oktyabr'skogo rayona Amurskoy oblasti) avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk / Nats. issled. Tom. gos. un-t. Tomsk*, 2015.

15. Kharanutova D. SH., Markheyeva T. V. *Regiolekty i regionalizmy: leksiko-semanticheskyy aspekt. V knige: Regionalizmy zabaykal'skogo regiolekta: leksiko-semanticheskyy i slovoobrazovatel'nyy aspekty. Ulan-Ude*, 2019. S. 7-28.

16. Ivanashko Yu. P., Protukovich Ye. A. *Temporal'nyye kharakteristiki zvuchashchey rechi dal'nevostochnikov razlichnykh vozrastnykh grupp / Sovremennyye kontseptsii i paradigmy obrazovaniya v usloviyakh mirovogo epidemiologicheskogo krizisa: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (29 dekabrya 2020 g.): v 2-kh ch. CH. I. Rostov-na-Donu: izd-vo Yuzhnoy universiteta IUBIP*, 2020. S. 252-255.

17. Ivanashko Yu. P., Nikolayeva I. V. *Pauly khezitatsii v rechi podrostkov 11-13 let // Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Simferopol', 17-18 iyunya 2020 g. / red. A. D. Petrenko. Simferopol': KFU im. V. I. Vernadskogo*, 2020. S. 48-50.

18. Protukovich Ye. A. *Foneticheskiye osobennosti russkoy rechi zhitel'ey goroda Blagoveshchenska Amurskoy oblasti // Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Simferopol', 17-18 iyunya 2020 g. / red. A. D. Petrenko. Simferopol': KFU im. V. I. Vernadskogo*, 2020. S. 58-60.

19. Semonova A. A., Ivanashko Yu. P. *Sopostavitel'nyye kharakteristiki paz v rechi molodykh i pozhiykh zhitel'ey g. Blagoveshchenska // Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Simferopol', 17-18 iyunya 2020 g. / red. A. D. Petrenko. Simferopol': KFU im. V. I. Vernadskogo*, 2020. S. 50-52.

20. Bondarko L. V. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobiye dlya ped. in-tov / L. V. Bondarko. Moskva: Prosvshcheniye*, 1977. 175 s.

21. Bondarko L. V. *Osnovy obshchey fonetiki: ucheb. posobiye dlya studentov lingvist. i filol. spetsial'nostey / L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya, M. V. Gordina; S.-Peterb. gos. un-t, Filol. fak. - 4-ye izd., ispr. M.: Akademiya; SPb.: Filologicheskyy fakul'tet SPbGU*, 2004. 160 s.

22. Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka. SPbGU*, 2004.

23. Gordina M. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka: nauchnoye izdaniye 2-ye izd., ispr. i dop. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta*, 1997. 299 s.

24. Zinder L. R. *Obshchaya fonetika: uchebnoye posobiye dlya filologicheskikh fakul'tetov universitetov. 2-ye izd., pererab. i dop. M.: Vysshaya shkola*, 1979. 312 s.

25. Svetozarova N. D. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka. L.: Izd-vo LGU*, 1982. 176 s.

26. Shcherba L. V. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku [predisl., podbor tekstov, primech. i red. M. I. Matushevich], Akad. nauk SSSR. Otd-niye literatury i yazyka. M.: Uchpedgiz*, 1957. 188 s.

27. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / Red. L. R. Zinder, M. I. Matushevich; Akad. nauk SSSR, Otd-niye lit. i yaz., Komis. po istorii filol. nauk. — L.: Nauka. Leningr. otd-niye*, 1974. С. 413-418.

28. Savinskiy V. G. *Raspredeleniye i funktsii paz v ritmiko-smyslovom chlenenii ustnoy rechi: Eksperimental'no-foneticheskoye issledovaniye. Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9, Filologiya*, 1981, №2. S. 62-67.

29. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov. 4-ye izd., ster. M.: KomKniga*, 2007. 576 s.

30. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. *Kul'tura i iskusstvo rechi. Sovremennaya ritorika. Rostov-na-Donu. Izdatel'stvo «Feniks»*. 1998 g.

576 s.

31. Aleksandrova O. A., Ivanitskiy V. V. Pauza kolebaniya – kompleksnyy fenomen sovremennoy kommunikatsii // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. № 25. S. 95-100.

Received date: 28.11.2020

Revised date: 29.12.2020

Accepted date: 27.02.2021

UDC 811.16'373
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0012

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

LEXICAL NOMINATION AN ILLEGITIMATE CHILD IN THE SLAVIC ETHNOLOCULTURAL AND DIALECT SPACE

© The Author(s) 2021

ORCID: 0000-0001-7255-2742

TYSHCHENKO Oleh Volodymyrovych, PhD, Dr. of Science in Philology, Professor at the Department
of Foreign Languages and Translation Studies
Lviv State University of Life Safety

(79007, Ukraine, Lviv, Kleparivska street, 35, e-mail: olkotiszczenko@gmail.com)

ORCID: 0000-0002-1223-8476

TSYMBAL Nataliia Andriivna, PhD in Philology, Professor, Head of the Department
of Practical Linguistics
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University

(20301, Ukraine, Uman, Sadova street, 28, e-mail: tsymbal.nat@gmail.com)

ORCID: 0000-0002-8835-3921

SAVCHUK Nataliia Mykhailivna, PhD in Philology, Associate Professor of the Department
of Practical Linguistics
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University

(20301, Ukraine, Uman, Sadova street, 28, e-mail: praktmov.k@gmail.com)

ORCID: 0000-0003-2760-8422

ANIKINA Inessa Valeriivna, PhD in Philology, Head of the Department of Slavic
Languages and Literature
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University

(20301, Ukraine, Uman, Sadova street, 28, e-mail: aiv_777@ukr.net)

ORCID: 0000-0001-7291-7633

ZADOIANA Larysa Mykolaivna, PhD in Philology, Associate Professor of the Department
of Practical Linguistics
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University

(20301, Ukraine, Uman, Sadova street, 28, e-mail: praktmov.k@gmail.com)

Abstract. The article is devoted to lexical symbols of the illegitimate child in the Slavic ethno-cultural context, explication of the methods and motives of the nomination of the illegitimate child in the comparative-typological and areal coverage in Russian, Polish, Ukrainian and Slovak languages. Relevant vocabulary and related cultural performances are analyzed from the point of view of semantics, motivation, functioning in the texts of folklore, beliefs, specific definitions in the dialect and special dictionaries. The main models of category child born out of wedlock and women who gave birth out of wedlock in the compared cultures – locative, temporal, thematic-symbolic associated with curved objects, tableware, parametric (correlated with the semantics of approximate measures), symbols of exchange, determined by the mythological and everyday symptom nomination of relevant cultural denotations in their relationship with the phenomenon of dialect polysemy and derivational specifics of the structure of the notation that is illegitimated in the Russian dialect area have been shown. The main models of category child born out of wedlock and women who gave birth out of wedlock in the compared cultures – locative, temporal, thematic-symbolic associated with curved objects, tableware, parametric (correlated with the semantics of approximate measures), symbols of exchange, determined by the mythological and everyday symptom nomination of relevant cultural denotations in their relationship with the phenomenon of dialect polysemy and derivational specifics of the structure of the notation that is illegitimated in the Russian dialect area have been shown. Their connection with a variety of cultural codes – corporal, pathomorphism, zoomorphic is studied. Private dialect, in addition indicate a bastard and have another cultural denotations (that outline the lower mythology, the subjects of the wedding rituals, the agricultural way of life, a model of plant – an illegitimate child as an animal, a child born out of wedlock is shown on the basis of overall motivation).

Keywords: illegitimate child, nomination sign and model, reconstruction, beliefs, dialect, semantic-motivational model.

ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ВНЕБРАЧНОГО РЕБЕНКА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

© Автор(ы) 2021

ТИЩЕНКО Олег Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры
иностраных языков и переводоведения

Львовский государственный университет безопасности жизнедеятельности
(20301, Украина, Львов, улица Клепаровская, 35, e-mail: olkotiszczenko@gmail.com)

ЦЫМБАЛ Наталья Андреевна, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
практического языкознания

Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины
(20301, Украина, Умань, ул. Садовая, 28, e-mail: praktmov.k@gmail.com)

САВЧУК Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
практического языкознания

Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины
(20301, Украина, Умань, ул. Садовая, 28, e-mail: praktmov.k@gmail.com)

АНИКИНА Инесса Валерьевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
славянских языков

Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины
(20301, Украина, Умань, ул. Садовая, 28, e-mail: aiv_777@ukr.net)

ЗАДОЯНА Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
практического языкознания

Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины
(20301, Украина, Умань, ул. Садовая, 28, e-mail: praktmov.k@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексических обозначений внебрачного ребенка в славянском этнокультурном контексте, экспликации способов и мотивов номинации внебрачного ребенка в сравнительно-ти-

положительно и ареально освещены в русском, польском, украинском и словацком языках. Соответствующая лексика и связанные с ней культурные представления анализируются с точки зрения семантики, мотивации, функционирования в текстах фольклора, верованиях, специфики дефиниции в диалектных и специальных словарях. Освещены основные модели номинации внебрачного ребенка и женщины, родившей вне брака, в сопоставляемых лингвокультурах – локативная, темпоральная, предметно-символическая, связанная с кривыми предметами, посудная, параметрическая (соотнесенная с семантикой приблизительной меры), символикой обмена, определены мифологический и бытовой признак номинации соответствующих культурных денотатов в их соотношении с явлением диалектной полисемии и специфики словообразовательной структуры обозначений незаконнорожденных в русском диалектном пространстве. Одним из противопоставлений, обозначающих незаконнорожденного ребенка в традиционной народной культуре, является свой-чужой, ущербность-неущербность. Последние концептуально сопряжены с мотивами ничейной собственности, а также пространством Дома и его частей, забора, целого и разбитого, самопроизвольности, появления неизвестно откуда, обнаружения в крапиве и проч. Отдельные диалектизмы, кроме обозначения незаконнорожденного, имеют другой круг культурных денотатов (обозначают представителей низшей мифологии, предметы свадебной обрядности, сельскохозяйственного быта, устойчивой оказывается модель растение – внебрачный ребенок, животное – внебрачный ребенок по признаку общей мотивированности в многозначных диалектных обозначениях).

Ключевые слова: внебрачный ребенок, признак и модель номинации, реконструкция, песенный фольклор, семантико-мотивационная модель, верования.

INTRODUCTION

Statement of the problem in its general form and its connection with important scientific and practical tasks. The suggested approach is oriented on the inner and outer reconstruction of ethnic cultural senses which requires the reference to the theory of ethnolinguistics, «dialectics of cultural phenomena», modeling of the elements of spiritual culture (N. I. Tolstoy, A. S. Gerd, I. A. Morosov, I. S. Sleptsova). Thus, according to A. S. Gerd, «the comprehensive description of folk culture elements can be performed by developing the logical notional models of the object – the conceptual system of knowledge about the object that is represented on the verbal level and includes the process of modeling certain fragments of national culture notions» [1]. One of the founders of «ethnosemantics» or «new ethnography» U. Gudenaf emphasised that «the culture is not purely a material phenomenon consisting of things, people and their behavior; it is rather the organisation of these components in the consciousness as models of comprehension and interpretation of the world» [2].

We will address the language conceptualisation of the sphere of extramarital affairs and relations on the basis of which we will present the linguistic and cultural image of an illegitimate child in a naive picture of the world based on regional vocabulary, phrases the linguocultures we compare and partially in folklore discourse (involving, in some cases, song folklore, signs and beliefs in Russian, Ukrainian, Polish and Slovak languages).

An analysis of recent research and publications. In the folk and ritual context, «the word is revealed in its archaic meanings, turns into a concept, and its meaning differs from the interpretation in the dictionary and is determined to the world model by the direct appeal» [3].

There are many works dedicated to the language and cultural incarnations of different by its ontology and epistemology of culturally marked nominations – social, valuable, ideological, spatial, mythological, ritual – (written by S. Vorkachev, I. Sternin, Yu. Stepanov, T. Radzievskaya, S. Tolstaya, S. Potapchuk, etc.), where the fundamental similarity of techniques and methods of analysis is found – from the logical-semantic, etymological and derivative bonds of the lexemes, their sustainable phraseological contexts – to cultural and mentally-symbolic correlates of nominative units.

It is the approach, according to which ethnolinguistic scientists, naturally implies «appeal to the system of spiritual values standing behind the language signs, ethnocultural entities – mental and social images, mythological and ritual ideas or practical experience» [4, p. 198].

Ethnolinguistic reconstruction of traditional folk culture objects is focused on identifying the national-cultural specificity of the verbalization of a social continuum certain fragment with the primary and secondary conceptualization means and the possibility of their semantic and motivational analysis within the picture of the world, taking into account

the conceptual, «naive», religious and other ideas about the language signs.

The proposed approach is focused mainly on works dedicated to the motivational analysis of dialectic vocabulary and terminology of folk and culture and artifacts written by O. I. Blinova, A. D. Golev, V. K. Pavel, S. M. Tolstaya, N. Tsymbal, etc., and the studies on structural typology and modeling of archaic semiotic systems (V. V. Ivanov, V. N. Toporov, T. V. Sivyay, I. D. Kovalenko and others), mythopoietic and folklore texts, symbols of stereotypes and cultural symbols (Ya. Adamovski, Y. Barminski, St. Nebzhegovska-Barminska, etc.). Research of this kind requires the implementation of achievements of cognitive anthropology, theory of nomination and motive studies, ethnosemantics, theory of cognitive definitions and profiling in the language and text. Recently prominent ethnolinguistics have substantiated the specific transfer from dialectal ethnolinguistics and comparative historical linguistics to cognitive and contrastive ones [5, p. 13].

According to I. A. Morozov and I. S. Sleptsova, «the appeal to local traditions inevitably leads the researcher not only to deal with the phenomenon, which is customary named «folklore dialectology», but also makes him to use the language manifestations of folk dialects. The language image of the world is inextricably linked with other parties to the People’s Worldview. Moreover, it is purely methodologically presented to present the traditional people’s worldview not only from the point of view of the external observer – researcher, the creator of the dictionary, but also from the inside – as he understands and sees the carrier of culture [6, p. 5].

E. L. Berezovich, A. Ivchenko, V. M. Mokienko, I. A. Podyukov, M. V. Zhuykova, D. V. Uzhchenko, O. V. Harlai and others wrote about the ethnocultural specificity of the marriage relationship in the study of national-dialect and ethnofrazeology in different languages. So, in the work by O. V. Harlai, an attempt was made to analyze the motivational system structure of “marriage” in English, Polish, Czech and Ukrainian languages through the semantic oppositions “Marriage/Not-Marriage”, “Male/Female”, “Right/Left”, “Take/Give”. Based on the principles of axiological linguistics, the author established the relationship (ugly) and qualifying (estimated) nominees denoting the wedding system, described the linguistic motivation models and the direction of the conceptualization of various elements and attributes of marriage [7, p. 21].

It should be noted that the problems of ethnocultural lexical motivation of language units in different aspects are described in the works of such researchers as D. O. Aladko, O. I. Blinova, E. L. Berezovich, V. G. Gak, M. A. Golev, N. Pashkova, E. Rut, and others. So, Ukrainian researcher N. Pashkova does not see a fundamental difference in the mechanism of the name of artifacts of material and spiritual culture, therefore, in linguistic culture – «linguocultures», and in onomasiology – «nominative units with a semantics

ethno-cultural component. In this case, by the semantic ethno-cultural component of a language unit, researchers traditionally understand the part of its meaning, which reflects the connection between the language sign and culture [8, p. 88].

Justification of the relevance of the study. Despite the rather sufficient amount of researches devoted to the analyzes of marriage vocabulary, a wedding ritual, there are no different aspects of the cultural semantics of extractal relationships, in particular, and the linguistic-cultural image of an extremely child on the material of the dialectal vocabulary in the East Slavic and Western linguistic cultures. The urgency of the proposed intelligence is due to its direction for the study of nominative units of material and spiritual culture, which reflects the socio-cultural specifics of names associated with marriage and family, etiquette, ritual and value stereotypes of various ethnic groups' representatives.

The combination of comparative-historical and areal approach to the nominations analysis of an illuminated child is an effective in identifying the motivational bases of modeling these signs by reconstruction their cultural semantics and symbols in the Slavonic language and semiotic space.

In the case of a peculiar white spot, the principles of the nomination of an extraordinary child are found in a traditional folk culture in the arbitrary-typological illumination in view of the folk and folklore representations and an estimation of extremal illegal ties by society.

The repertoire of diverse illegal child in a retrospective dimension, fresh, euphemistical-metaphorical features and their typology within certain dialectal micrositems (correlation of various otological, domestic and mythological principles of titles) is not studied. Correlation between common in the internal lexems that refer to an illegitimate child and other cultural denotates in the field of material, domestic spiritual culture and other lexical-thematic or phrase-semantic groups. Therefore, the problem can be considered in a wider cultural-semiotic and comparative-typological dimension.

We appeal to the language conceptualization of the sphere of extramarital connections and relations on the basis of which to present the linguistic and cultural image of an extramarital child in the naive picture of the world, according to the regional vocabulary of the Russian, Ukrainian Polish and Slovak languages (attracting the texts of oral folklore in some cases, the facts of history, ethnology, cultural studies and psychology).

It is necessary to emphasize that mainly the primary figurative nominations of the celibacy, that we will show, suggest, the appeal to other conceptsospheres (such as married treason, punishment for the celibacy or loss of virginity, assessment categorization of people who are not married, the methods of civilian marriage, or the life of couples without registration (for faith) and other ethnocultural meanings). The latter can be a reliable and good prospect of studying the vocabulary and phraseology of Slavic linguistic and semiotic and cultural meanings within the framework of the so-called «naive model of the world» (Yu. D. Apresyan).

METHODOLOGY

The purpose of the article. Considering all discussed, the **purpose** of the proposed research is: to present lexical and semantic reconstruction of lexemes related to extramarital affairs in Western and Eastern Slavic languages, to make a brief analysis of their historical and etymological features and to identify on this basis the main semantic and motivational models of names of illegitimate children and extramarital relations in the Russian, Ukrainian, Polish and Slovak languages construed in the context of folk beliefs and conceptions (according to ontological, every day and mythological principles of nomination), to establish the facts of dialectal polysemy of units that have a common internal form and create the inter dialectal synonymous lines.

Setting objectives. The defined aim presupposes the solution of the following **tasks**:

1) to reconstruct language and cultural images of illegitimate child and extramarital relations according to the data of ethnography, cultural anthropology, dialectology,

ethnolinguistics and folklore; to define the cognitive principles of their modeling in compared linguistic cultures;

2) to reveal the features of inner form and to determine the origin of the terms that denote illegitimate children in the Slavic languages, to expose the related evaluative semantic dominants and semantic motivational models in the naive picture of the world of the Russian, Polish, Ukrainian and Slovak languages;

3) to denote the repertory of dialectal synonyms that nominative illegitimate child and the woman who bore out of legal marriage, to clarify the peculiarities of their semantics and motivation and to substantiate the mechanisms of developing dialectal polysemy of corresponding cultural denotata in the languages of folk dialects;

4) to represent folk images and ritual stereotypes of illegitimate child in folk songs, believes, people everyday conceptions and customs, i.e. in the naive picture of the world in comparative aspect. The theoretical premises of this study are as follows: reconstruction of semantic-motivational models of object-household and ethnographic vocabulary in the native picture of the world (E. L. Berezovich, S. M. Tolstaya, O. I. Blinova, E. Ruth and others) and in broader sense the epistemology of ritual terminology as a whole (Tolstaya [9]; Larina [10]; Buchowski [11]).

Methods, techniques and technologies used. The proposed research involves applying the methods of comparative historical study to the facts of folk culture, addressing the etymological and cultural specifics of cultural names in the aspect of the reconstruction of spiritual values following the works of E. Benvenist, K. Moszynski, N. I. Tolstoy, A. N. Bazylev, E. Stefansky and others, works on ethnography and symbolism of the marriage ritual [12].

An important role in this aspect is played by comprehensive studies of motivational models in the folk picture of the world (S. M. Tolstaya), represented in the works related to folk life and the system of kinship relations, spatial loci and boundaries within the framework of the theory of cultural stereotypes (J. Adamowski, V. V. Burak, O. V. Tyshchenko, Z. Salzmann) [13].

On the other hand, the methods for describing the variability, areal variation of semes presented in the works of P. Yu. Gritsenko, N. Tsymbal, V. Konobrodsckaya and others may be relevant in this regard [14].

In this regard, the lingual-cultural and partly lingual-cognitive analysis of frame semantics and cultural concepts related to matrimonial relations and the semantics of Marriage is also of great importance. Thus, for example, Yakuba V. V. focuses on the interconceptual connections within the situation framework of consent, matrimonial status, relationships, marriage and divorce), which have different cognitive and communicative means of expression, including different pragmatic means of their expression in English fiction [15, p. 18].

In the authoritative works of Russian ethnologists the reconstruction of concept «love» in a patriarchal society, in its language and culture presupposes addressing (is carried out on the basis of) such conceptual frames as the birth of an illegitimate child, punishment for the fruit of sinful love, extramarital affairs, betrayal, the motive of «a female rival in love» etc. The latter are considered in the context of traditional Bulgarian ideas and beliefs from lexical-phraseological, folklore and ethnographic perspectives [16, p. 475].

According to A. S. Babicheva, the marriage frame can be represented as a number of subframes (pre-event, post-event) and a set of slots (Place of action, role participants, preparation for the wedding, wedding feast, place of action (for example, holding a wedding party, loci, attributes). The researcher pays attention to the dynamics and transformation of certain frames and slots (matchmaking, bachelorette party, parental permission for marriage, ransom and gifts, etc. are eliminated or reduced). At the same time, new places of wedding ceremonies emerge (English museum, Golf Club, a planetarium) [17, p. 3-4].

E. L. Berezovich demonstrated the connection between

the nomination of adultery (one of the spouses) and a refusal to matchmaking with ritual games and presented the main models of the semantic categorization of these cultural denotations in the Russian dialects through the prism of the object code of culture. In her opinion, nominations belonging to different semantic spheres in the symbolic language of culture can be combined according to motivational or figurative principles. Thus, the motive of the illegitimate child is correlated with the motives of dissolute behavior and unwillingness to raise the child or take care of him, as well as with the theme of marriage in general [18, p. 111].

A. Ivchenko described in detail several structural-semantic phraseological matrices in the areal-typological and derivational aspects in the Ukrainian dialectal continuum, among which special attention was paid to "extramarital affairs and adultery". In his work based on the Ukrainian dialect phraseological material he considered the model («to jump + hiding = hide – to have unmarried sex»), presented by several synonymous variants (to jump into buckwheat, 'to betray the wife (husband); to have unmarried relations'). He put forward several etymological versions of this expression – a naive everyday one (associated with the theft of crops and plants), as well as the concepts dating back to the times of the Ukrainian Cossacks [19, p. 235]. A number of works consider the dialectal designations of an illegitimate child in the Ukrainian dialectal space from the historical-etymological, areal and motivational perspectives: the Eastern Polesye, Hutsul and South Carpathian dialects.

Within the theory of nomination (when considering different groups of domain-specific vocabulary and studying the mechanisms of conceptualization of cultural artifacts), researchers distinguish epistemological, ontological and situational-mythological nominations. Some also distinguish performative-situational and epistemological component in the act of nomination [20].

Russian researcher O. Berezovich suggests distinguishing between nominations according to the so-called cognitive principles and «the ontology of the existence of a thing in the process of secondary conceptualization, the semiosis». The researcher understands the latter as the opposition of ontological («empirical», i.e. related to the comprehension of the subject through sensory experience) and mythological approaches to the nomination. Developing this thesis, M. Zhuikova claims that empirical nominations are based on sensory experience, they are rational and reflect definite features of the named object or phenomenon, let us compare, for example, the Ukrainian names of insects: beetle-deer, stag, grasshopper, dragonfly; and popular names of diseases and their symptoms: 'krasnucha' (derived from the word red) – rubella, German measles, 'zhovtianytsia' (derived from the word yellow) – (yellow) jaundice, 'rizachka' (as a cutter) – a strong pain in the stomach, 'lomota' (as torture) – rheumatic pain/ache, 'triasowytsia' (as shaking) – fever, 'koliky' (as stabbing) – colic pains, gripes [21, p. 59].

Consequently, the analysis of the motivational basis of illegitimate child nominations constitutes a special interest in cognitive-onomasiological and semasiological aspects (as a structure of cultural knowledge representation system and cultural frames of extramarital affairs). It allows explaining the peculiarities of nominative structures that represent the cultural concept of children with special status and revealing the related semasiological mechanisms of language signs cultural semantics.

RESULTS

Presenting main material. Note that almost all etymological dictionaries and dictionaries of euphemisms associate etymon with the birth in an unusual place (Son of the saddle, although there are other cultural motivations of the original meaning, dated back to the Latin *bastard*).

To begin with, let us consider the nomination of illegitimate child in Slavonic cultures from comparative-typological and historical ethnic-cultural perspective applying data obtained by cultural anthropology and history of the Slavonic languages as well as some ethnographic, folklore and

dialectal facts. Thus, an illegitimate child (*bastard, benkart, najda, znajdych, баїцпрюк*) was undoubtedly labeled negative in the consciousness of society. Compare also the following synonymic chain given by Polish dialectologists: *bachorze, bachor, bąchór, bęch, bęchart, bęchór, bękart* (Dejna SLBWKL I: [22]), *pokrzywnik, najdych* – «an illegitimate child or a foundling», *bękarstwo* – descent from parents that are not married to each other. However, the image, ascribed to popular consciousness, above all at the level of *paremiae*, is ambivalent.

Addressing the cultural sources of the lexeme *bastard* in etymological versions of several languages reveals the following data. Thus, Fasmer's Dictionary registers: *ба-стрык – bastryk, бастрок – bastrok, бастрюк – bastryuk* «degenerate, illegitimate child», Voronezh region (V. Dal'). Sobolievskiy relates the word *бастрыга – bastryga* (vulgar) to the same concept, pointing to the existence of this word in proper names since 16th century. *Bastard* «mixture or hybrid born from the animals or plants of two different genera»; *сумесок – sumesok, вьмесок – vumiesok, выродок – vyrodok, ублюдок – ubliudok, тумак – tumak, межшумок – meizhumok, болван – bolvan*: a human being of two different tribes, for example Russian and Chud'. The word comes from the Old French *filz de bast, packsaddle child*, where the *bast*, or *packsaddle*, often was used as a bed by mule drivers. Its synonym, «bantling,» seems to have parallel etymology, being rooted in the German *bank, bench*, with the implication that the child was begotten on a bench rather than in a bed.

In the German language, as Kluge claims, *Bastard* has the meaning of illegitimate child, metis, half-bred with the first written mentions (spelled *basthard*) dating back to the 13th century in High and Middle German. It was borrowed from the old French *bastard* (another variant «*file de bast*») with the meaning «an acknowledged son of a nobleman and an unmarried woman or a married woman of lower social status». The word was qualified as derogative and humiliating and most obviously derived from the expression «stepson, offspring» (as a cultivated side-shoot germinating from a noble root). Its basis is created by a cognate lexical elements that gave rise to the words *bâton* – [*sprout*] and *bâtir* – [*to build, to create*], however there is no unanimously accepted ideas concerning their origin (Kluge Etymologisches 2002: [23]).

The lexeme «*baystryuk*» is also represented in some Ukrainian Proverbs: *Ne baystryukovi hrikk, a bat'kovi/ Not bastard's sin, but father's* (Nomys: [24]), *Baystruk, to roste yak struk..., a ty, yak bolyachka (odkazuye toy, shcho eho podrazhnyly baystryukom)/The bastard, then grows as a pod..., and you, as a sore* (says the one who was teased for being a bastard) (Nomys: [24]).

This is evidenced by some Polish idioms *Bękarcie szczęście mieć*, containing ideas of agility, giftedness and luck of children born out of wedlock which, in fact, is reflected in the fixed comparisons of the Polish language: *Sprytny/ szczęśliwy jak bękart*. I. Franko recorded in the «Galician-Russian sayings» the following context: *На кожного бенькарта щастя єднаке/ Na kozhnoho ben'karta shchastia yednake/Bastards have a lot of luck/ are the luckiest people* (Franko GRNP III: [25]). Concerning this and similar expressions, while giving comments to the cited proverb, Polish ethnographer Y. St. Bystron provides an example from fiction that displays the fact that the luck in this context means the good luck and fortune bastards tend to have in card games (Bystron 1933: [26]).

According to Ya. Karlovich, in dialect speech, the lexeme *bastruk* has two meanings «*dziecko nieprawe*», *bajstruk* «extramarital child» and «evil spirit who sits under the roots of elderberries and breaks the hand of the one who digs this bush» (in the vicinity of the city Poznań), an extramarital child is called *pastrak, bajstruk, bajstrzek, bastrom, bastroń, bastry* «march lambs» (obsolete, with m. Plock) (SGP I: 54-55). Borrowed from the Polish language, the word *benkart* is recorded in special lexicographic sources with the following

meanings: «extramarital child, bastard», «too active, mobile, restless child» (expletive, ironic, joking), «a person without moral principles»; «freak», «smaller capacity of a keg of beer», «the smallest capacity of a bottle of alcohol (100–125 grams)», also presented derivatives of *benkareria* «extramarital children» (Hobzey, Simovich 2009: [27]). As a phonetically modified borrowing from the Polish language *bekart* this dialectal lexeme is presented in Naddnistransk dialects in the Ukrainian language.

At least it is fixed by I. Franko in two meanings: in a stylistically reduced context as someone else's child, the child of a widower: *Я ще ни надівувала ся, а ту бав меже чужі букарту/ Ya shche ny nadyivuvala sya, a tu bav mezhe chuzhi bukarty/* Said the woman who married a widower with children (GRNP Franko III: [25]). In addition, it functions as an insulting nickname to denote not only an illegitimate child, but the child at all, especially naughty: *А, му букартме еден! / А, ты букарте yeden!* (GRNP Franko I: [25]). Russian borrowing *bankart* «extramarital child» (Lithuania, recorded by historical sources 1963) (SRNG 2: 94).

Polish lexicologist A. Rejter defines within the expressive vocabulary a separate semantic category DZIECKO Z NIEPRAWEGO ŁOŻA encompassing the following nominations: *bekart* and its derivatives – *baster* and its word building variations, synonymic row *fotarle, mamzer, wyleganiec, najduk, nalezionek, podmiotek, podrzutek, pokrzywnię, pokrzywnik, samosiejka, samosiejek, wyleganiec, najdych, najdek, nabytniak, przyplodek* (Rejter 2006: [28]). On the material of these lexical units Polish scholar E. Woźniak foregrounded the key words – *wyleganiec, pokrzywnik* and *bekart* in the Old Polish sources and legal texts of 16th century. The scholar defines semantic status, clarifies stylistic differences of these terms functioning in legal and historical-lexicographic texts, as well as in dictionaries of dialects which allows her to perform their culturally semantic reconstruction to determine their connection to Roman Catholic Law.

In the «Etymological dictionary of the Czech language» by V. Machek, *panchart* is also considered as a loan from the German language filed with variants *parchant* «son of an unmarried woman (often unfree), but a married father». To refer to an extramarital child, several synonyms *levoboček / What is on the left side* is the old Czech *panchart, koprivčic, spirius ženimčic, baňkart* including the meaning «bad child». Together with the Slovak *pankhart, panghart*, Polish *beňkart*, Lusatian *bankart* and Croatian *pankert* ascends from the form *banchart* with a mocking meaning, word – formatively correlated with *banc* «bench», i.e. it is a child conceived on a solid bench instead of a marital bed; cf. also middle Latin *scamnifex* – here is *scannum* «bench»; French *bastard, batard* goes back to the middle Latin *bastum* «the saddle that served for sleeping instead of a pillow»; native old Czech names *koprivnik, koprivče, koprivčic* (Machek: [29]).

To this should be added synonyms from the Boykiv dialect of extramarital child as «column in the sleigh», hoof «*pokritka*», hoof «*Sheep, up to a year small lamb*», hoof «*baistryuk*». More synonyms *bukart, kobyly, kopyv, kopyly, kopylyak, kopylchuk, kopciuch, naida, pozhalivnyk, pokropivnyk*. In the «Galician-Russian sayings», I. Franko recorded the following curses of an extramarital child: *A chyya to divka? – To, vibachte, kopylanya – maye matir, a ne maye bat'ka / You are a filthy pig, «And whose girl is this? Then, pardon me, is a bastard – has a mother and no father* (GRNP Franko I: [25]), as well as the proverb *З быля робути копиля/ Z byla robyty kopyla/* «to gossip about someone» with the meaning «to let someone disreputableness, evil fame, like the expression «make a mountain out of a molehill», «only with a touch of gloating».

As to the origin of this name, allegedly a lexical carpathism (the latter, together with derivative formations, is represented in Transcarpathian and separate Bulgarian speeches), some see it as lexical bulgarism, which came to existence as a result of the previous influence of the Bulgarian

language on the Carpathian *kopylets* «an illegitimate child» (Bulgarian *kopyle*) (Dzendselivsky 2001: [30]). According to some researchers, in the Bulgarian custom, the widow who gave birth to a child, (compare this name in some Bulgarian dialects *копилуша, копилана*) was disgraced and punished in the same way as an unmarried woman: she was thrown into the water, made to ride naked on a donkey or banished from the village.

In the Ukrainian historical and etymological versions we find such explanations of the lexical unit *копил* an «illegitimate child, bastard, degenerate», *kopel, kopelya, kopylets, kopylcha, kopylyak, kopyl'chuk, kopylytsya* – «an illegitimate wife, mistress, lover», *kopylytsya* «to give birth to an illegitimate child», Slovakian *kopil*, Bulgarian *kypele, kopyle* come from old Slavonic *kopil*, which is, obviously, a substrate word of Dacian-Thracian (or Illyrian) origin, possibly a borrowing from Romanian or Albanian lingos (compare Romanian *kopil* «a child, boy», *copil* «an illegitimate child», Albanian *kopil* «a servant» as a possible derivation with the aid of the prefix *ko-* (Albanian language) which is cognate with Old Indo-European *ka-* «bad», from Albanian *pjell* «to give birth (about animals)». Researchers note the lexical unit *kopyl* with the following «technical» meanings – «riser», «clamp», «ax holder», «block» and others, as the forward parts of the body – head, nose, legs as well as denoting an illegitimate child (see also: Zhuravlev 2005: [31]). Interesting facts in connection with the idea of a miracle, abnormalities, motive, ignorance and denial of danger in connection with the attainment of hail clouds among Serbs shows E. Levkivskaya (Levkivskaya: 2002 [32]). The researcher cites the example sentence from cumulonimbus storm clouds when the young girl, throwing aside the clouds of their vests, shout «*колико ја знала за мој дом, толико град убио мој род*» – As I know my home so let the hail beat my harvest S. M. and N. I. Tolstye, showing this example, commented as follows: «*Apparently, girls in this rite pose as «copilu»* i.e., illegitimate children who do not know their kind, and thus demonstrate a «*miracle*» that can stop a hail cloud.

As for the dialect designations of an illegitimate child in the Slovak language, they are not numerous, but mostly contain negative expression, bordering on derogatory nicknames and expletives, obscene vocabulary. Terms for a child born out of wedlock, mostly nominal and verbal formations, are isomorphic to those considered in other Slavic zones: *nezákonné, vykurenec, had vykurený, prespanča, najdých, kopirdan, kopil, panghart*. Available: <https://www.ludovakultura.sk/polozka-encyklopedie/nemanzelske-dieta>.

Accordingly, the lexical parallels for a woman who gave birth to an extramarital child are typologically uniform and similar, with a few exceptions, to other Western and Eastern Slavic terms: *prespanka, závitka, pokrytka, zmrhalka* and *pod*. Its quite clear axiology is apparent, while opaque motivation presented verbal education *zmrhalka* (From medieval times to the recent past it was morally and economically condemned by society and the Church: high fines, public screams, exposing the front of the Church or in another public place (in front of the bell tower, column), sometimes even beaten or spitted), correlated with the dialect verb *zmrhať* «in vain, useless, needless to use, to lose, to miss, to waste» and is partly reflected in the sustainable combination *Partu panenskú zmrhala* (Janko Kráľ) – about lost innocence. Available: <https://www.ludovakultura.sk/polozkaencyklopedie/prespanka/>; *Nekaždá panna, čo má partu na hlave, Mala partu, vzal ju čert, Mala vlasy, vzal ich žid, Cez ploty preskakuje* (Zátarecký 2018: [33]).

As for the repeatedly mentioned Germanism of *banhart*, the latter functions in Slovak culture in the context of a mythological character, a masquerader who comes to live with an extramarital child who constantly cries and screams (Botík, Slavkovský [24]). Sources provide the following contexts for the use of this lexeme: *Žena pobehlica, nestará sa o nič, ani o toho svojho pankharta* (Jégé); *Notárovho pangharta chováte, to Eva Hlavajová s notárom mala* (Urb.);

Prečo mám nepodarených pangartov? (Al.); *Dutkuline pangarty, každé od iného otca...* (Jégé); *Čo to za pankart zrodil sa z ich lásky* (Len.); *Panchart akýsi, takto mi odpove dal* (Tal.). Available: <https://slovník.aktuality.sk/pravopis/slovník-sj/?q=pankhart>.

In language expression, the motif of *cuckoo children* is reflected in dialect phraseology and lexical one-word categories in different languages and in folklore. Thus, in Ukrainian dialect phraseology (East Slavic dialects), the euphemism *cuckoo put* means the birth of a child, often extramarital: *Vy chuly? Rodyni Ivashchenka zozulya pidklala* – Literally: *Have you heard that in Ivashchenko's family, the cuckoo put?*, *зоуля принесла /zozulya prynesla / the cuckoo brought it «about the birth of a child»* (mainly in conversation with young children), Russ. *Bytovat' kukushkoy/ to live as a cuckoo, to be a cuckoo «to be childless»* (*She was married twice, but still remained a cuckoo*), the phrase *zozulya dytna/cuckoo child* is recorded by researchers in Bukovina dialects; it records dialect units with this *internal form* and Ya. Karlovich in Polish dialects *zozulicz «dziecko opuszczone od rodziców i wychowane przez kogo innego, jak pisklę zozuli czyli kukułki» – a child left by parents, being brought up by strangers (other) people, like a cuckoo chick*. In the Czech language J. Zaorálek provides an example *je kukaččí* (Zaorálek, Lidová rčení I: [35]). Associative and symbolic parallels associated with the image of a cuckoo in the Ukrainian naive picture of the world can be correlated with other cultural designate: *zhytya kukuvaty/the life of a cuckoo «to live alone», zhyty zozuleyu/to live as a cuckoo – «dissolute life», zozulya perekuvala koho/the cuckoo is jamming someone «someone went as a servant» obviously, with the same sema «lack of their own nests, living in a strange place, nest».*

The motive of cuckoo's guilt and retribution for sins, – notes A.V. Nikitina, – is more than stable, it is fixed in such linguistic forms as proverbs or expressions of aphoristic type, for example, *Kak kukushka po chuzhim gnezdam letayet/ Like a cuckoo flying around other birds' nests* (cuckoo is a carefree mother who leaves her children for others to bring up), *Ne dikovina, chto kukushka v chuzhoye gnezdo polezla, a vot to b dikovina, kaby svoye svila / It's no wonder that a cuckoo climbed into someone else's nest; it'd be strange, if it made its own*. This guilt (sinfulness) of the cuckoo bird, which caused the revenge of birds, was reflected and developed in etiological legends about the origin of the cuckoo. Its loneliness and widow status are based in these legends precisely from the standpoint of ideas about the guilt of a woman in violation of marriage.

Folk ethnocultural nominations of illegitimate children are subject to the General semantic laws of cultural dialect vocabulary and ritual terminology, justified in the works of A. Blinova, T. Larina, N. Tolstoy, P. Gritsenko, N. Tsymbal, etc. – structural-semantic and phonetic variation, inter-dialect polysemy and synonymy (analogous to inter-dialect synonymic series), imagery, metaphor, symbolism, euphemization and connection with others areas of the cultural dictionary.

The consideration of local traditions will inevitably lead the scholar not only to the necessity to pay attention to the phenomenon of «dialectology of folklore» but makes him/her to face the need of accounting for the manifestation of folk dialects. The language image of the world is inseparably linked to the other sides of folk world outlook. Moreover it is more correctly methodologically to treat the traditional folk outlook not only from the perspective of external viewer – a researcher, the author of a dictionary, but also from inside – from the perspective of national culture representatives. Consequently, it results in the problem of application of broader textual and speech fragments rather than description of stable, fixed folk language forms.

According to T. A. Bernshtam, those «born out of wedlock received various collective nicknames that accompanied them throughout their subsequent life, which did not exclude social age terms if their life went well. The

most common nicknames were: *skolotniki, zauhol'niki/the one found around the corner* (North Russian, South Russian), *mirskie/ the wordly ones* (Russian), *polevyye/the ones found in a field, zhyroviki/fats* (from the word «zhirit'sya» – «to become fat» – in the meaning of «play», «to love» (West-South-Russian)).

In addition to profane-domestic nominations, as a rule, swearing and scornful expressives (*vygonok/the one who was cast out, vygulok, nakhalonok/the nasty one*, specific semantic and word-formation principles of the nomination of an illegitimate child are found in the system of Russian dialect nominations. First of all, let us pay attention to the ratio of the semantic structures of dialecticisms, which nominate the off-season babies of domestic animals, mushrooms and an illegitimate child. E. Berezovich very convincingly argues that in the dialect of the people, the semantics of the general easily flows into the semantics of «neutral», NEUTRAL PROPERTY. In this case, we are talking about the characteristics of objects whose owner is unknown. The semantics of the words «public», «neutral» is indirectly represented when designating an illegitimate child (vologoskoe): *lyudshchina* as 'bastard; Perm *miron* 'the same' (from the word world or «people»), Ryazan *mirskoy* «bastard» (Berezovich 2007: [18]).

Thus, the internal form of the designation *подсулонник* has such a circle of denotations «a mushroom growing in the field under laying sheaves (*suslon*)»; «a late chicken bred by a brood hen at harvest time» (Arkhangelsk, Kostroma, Vologda, Sverdlovsk regions). In the same northern area, the meanings chick hatched from an egg after harvest» and «piglet born in September» are presented (*porosyata rodyatsya ne vo vremya, osen'yu, v sentyabre/piglets are not born on time, in autumn, in September – doc. podsuslonniki; they are somehow bad; nothing grows, podsuslonnik*) – and «illegitimate child», *podsuslonok* (*She brought in a podsuslonok, what a shame!*). In different local zones of the Russian dialect space there were also found such lexical units as *zaugolok* – in the second meaning, along with the original «the one who is hiding, stands around the corner» (Arkhangelsk region, *podzaugolnik* with the same meaning, *podtynnik/the one found under the fence* «plant of the poppy family; celandine» (Oryol, Bryansk regions), «illegitimate child» (Don region), lexical unit *podtynnitsa/the woman found under the fence* only in the second meaning denotes a promiscuous woman (Don region); besides this, it means «a type of spring fever». An identical locative sign of a nomination is objectified when designating unmarried and single, for example, in Russian perm dialects *старый подовинник/staryy podovinnik/old podovinnik* «a man who has not been married for a long time, old bachelor» – Literally: *Old podovinom*. In special dictionaries, this dialect phraseology is represented mainly in perm dialects. The latter is motivated by the reality of *подовинник/podovinnik* «a long dry log used to heat a barn when drying sheaves before threshing it» (Siberian).

S. M. Tolstaya, analyzing different Slavonic languages, exposes the locative semantic feature in dialectal lexicon belonging to different thematic groups, including nominations of illegitimate child, mythological creatures and collective sobriquets. She treats these groups of nominations through the prism of semantically motivational models (Tolstaya 2008 [36]); see also the dialectal nominations: N.-Rus., S.-Rus. *zaugol, zaugolish, zaugolchik*, Yaroslavl *podkrylechnik/the one found on the porch, podkustarnichek/the one found in the bush, podpechnik/the one found near a furnace, solomennitsa/a girl found in a hay pile*, Siberian *podstozhnik, podogorodnik/the one found in the garden or a field*, Kursk *lugovoy/the one found in a meadow*, Don *podtynnik, colloquial podzabornik*.

As we can see, the semantics of an illegitimate child in a folk dialect language develops from other meanings or correlates with a number of other dialect meanings, motivated by the original, usually locative. An example of such indirectly derived nominees, in the terminology of

V. G. Hack, can also be those that combine the relational-evaluative and profane-everyday type of motivation. Thus, the adjective *obydennyi/mundane* is correlated with the designated cultural sign only through a number of other peripheral meanings 'random', 'produced, made within one day', 'one-day'.

Let us pay attention in this regard to the mythological type of motivation (a term by E. L. Berezovich): *obmen/exchange*, correlated with the dialect lexical unit under consideration in the third meaning of «loss» (North Dvinsky area); according to popular belief, – the goblin child, a devil replaced by a human child (Arkhangelsk, Olonets, Tver, Yaroslavl, Perm dialects); the same dialecticism in abusive use is applied to a child (usually a boy) who behaves badly (*Akh ty, obmen! Kak ty smel eto sdelat'!/Oh you exchange! How dare you do it!*) (Vologda region); «foundling, illegitimate child» (Arkhangelsk region); «a person who has changed a lot after the illness, who has become unlike themselves» (Novgorod region); «about an ugly man», etc.

Let us consider some other units that denote an illegitimate child in the Russian dialect space. Dialectal unit *prygulysh* also corresponds with the meaning «animal, adhering to someone else's flock» (Vladimir, Vologda, Kostroma), *prigulochnyy rebenok* – fatherless child, explicit internal form is peculiar to *pridannik* – lexeme, whose derivational structure is manifested through formant – *at* – and the motivating verb (verbal derivative); it is necessary to pay attention to the verbal derivative in the Sverdlovsk dialects *pridannik*, which in addition to an illegitimate child means also the younger brother of the bride, bringing her dowry and a step-child, what the dowry; ramified semantic structure has a respective designation of origin. Hence, dowry – Literally: That which is imparted, added finds in Arkhangelsk dialects, of which only the latter represents an illegitimate daughter (other «bride with a rich dowry», «the woman who takes the dowry to the groom's house and prepares a bed for the newlyweds», «girl cousin of the bride, which she takes home with her groom», «cow, horse or a thing obtained as a dowry»). With the help of the formant -*pri* – formed and derivatives *prikoltysh* – *prikoltysh* «the one who stuck, stuck to someone, something, foster», «child, in particular, and extramarital», «young lambs» (Vyatskoe, Kirovskoe), seeded «extramarital child» (Transbaikalia). This disease, obviously, can be contracted in any unclear places, under a fence); *padalitsa* refers to “an illegitimate child” only in its fourth meaning (other three meanings being «a ripe bump», «a self-sowing forest», «extreme stripes of the bread field»). These polysemic dialectic transformations in the semantic structure of the word are correlated with the participle *padalichny*, first and foremost, in its direct, initial meaning “grown out of crumbled seeds, self-sowing (coniferous ears)». The idea of animal birth is also presented as abusive and derogatory lexical unit *vyporkok* – «a cub taken out, fluttered from a killed female sea animal», also *vykhozvanets* in its second meaning (compare the first meaning «pupil, foster baby or foundling»). Compare also *konfetochnik*, marked «humorous» in the dictionary (Saratov region) with unclear motivation. An illegitimate child and a boy who was rejected by a girl during matchmaking is indicated in dialects through the same inner form, for example, *oskolotok* «an illegitimate child» (Arkhangelsk Region), *skolotok*, *oskolotochek* and *oskoloshnik* «a bridegroom who received a splinter as a token of refusal» (We answer to the boys that they are *oskoloshniki*, that they don't seem to get married because they have eaten the splinters, that is, they «were rejected»).

V. Dahl also found a dialectal lexical unit, motivationally coupled with the idea of an unkind look. In its primary meaning the phrase *zazorlivyy chelovek* had the meaning of a man of bad morals; similar dialectic shameful derivatives take, for example, in Arkhangelsk dialects, the meaning «envious» or the meaning of bad morality, compare *zazorchivyy*, *zazirchivyy* «eager to gape, stern in demeaning»; in the Pskov region, *zazorlivyy chelovek* means «bashful, conscientious» and *zazoristy* «shameful», *zazorit'* (someone)

– «to vilify, blacken, overspell». *zazornye deti* («illegitimate children») corresponds to the same set of values (V. Dahl). The dialectal lexical unit *marysh* also preserves its unclear inner form, with its meanings «the youngest of the brothers with the same name» (Cherepovets, Novgorod regions), «an illegitimate child» (Penza region), «of any worthless thing» (Perm region). Some dialect nominations are motivated, as noted, by the subject code in the vernacular dialect language: *paugolok* «the protruding end of a log in the corner of curb» and «extramarital son» (Arkhangelsk dialects) and correlated with the idea of the corner, i.e. the space of the house (see below), less often are words with diminutive suffixes (diminutives): *balbashonok* «a child born out of wedlock, during the absence of her husband (Don subdialects), as well as semantic caritives with the component -*bes* – ('absence, lack of what'): *besputok* – Literally: The one who has no way, the dissolute «extramarital child» (see Ural, 1963). Accordingly, when referring to the women who had given birth out of wedlock (Vladimir, Yaroslavl dialects) is also seen dialect polysemy values also generally correlate with the world and the habits of animals: *raspetushitsa* get on one's high horse – «chicken with the habits and partly the appearance of a rooster, not bearing eggs», «characterless, dull, awkward person who has everything goes wrong», «a girl who got children before marriage» (Cherepovets, Novgorod). A similar pattern is found in dialect composites with a fairly transparent word-formation motivation: *samosedka* – self-sitting – Literally: And, which itself is sitting, sat «a hen hatching chicks without the knowledge of the owners», «a woman who has an illegitimate child» (Buryatia). See also *balovnytsia* «a woman who has entered into an illegal relationship with a man». As for words *prysev*, then his match in the Ukrainian language dissimilar and compound names *samosii/the one that sows themselves* (Eastern Polish), *samosiika dytyna* (Nomys: [24]).

Let examine other Slavic languages. In Polish dialects, lexical units are similar in their internal forms to Ukrainian (*znaydukh* – *znayduh*) and Russian (*nayda* – *найда*, *nayden* – *найден*, *naydenok* – *найденюк*, *znajda*, *znalezieniec*). В. Sykhta also fixes a semantic transition (homonymous form – *znajdek*) to denote a lost rooster («*zablakany kogut'*») and an illegitimate child in the Kashubian local tradition. And to mark the expression of the idea of «pregnancy out of wedlock», the kashubians use the black eye motif: *mńeć oko podbite*. – Literally: *To have a black eye* – «about a woman who became pregnant outside of marriage» (*Ona ma oko podbite* – *she has a broken eye*), *podbić oko* «to make pregnant» (*On je oko podbeł*) – Literally: *He shot her eye* At the same time, dialects are also recorded in the Slenzk suburbs as a part of whole word-building nests, for example, *spyrknóć sie* «about a woman having a child out of wedlock» (*Hanka sie spyrkła. Spyrkła sie przed ślubym, ale ji to umrzilo*); also in a warning – *Nie kopej przez połednie, bo sie spyrkniysz* – Literally: *Do not dig at noon* – you become pregnant without marriage, *miarcorz* about a man living in an unofficial marriage without a church wedding. This dialectic lexeme, apparently, is a derivative of the verb *miarzyć* «to live with a woman without a marriage», the phrase (*na*) *miarki* – *żyć* – *miarka*; *to live on a measure* – this phrase deals with the name of a 10 liters dish to preserve wheat. The dish model of extramarital affairs is also updated in the Polish phraseology *żyć na wiaderku* – Literally: *Living on a bucket*, obviously related to the idea of something inaccurate, approximate. In addition, the basics *basak* as «bastard» and *basak* as «rag or rag doll for children» – Literally: *Rag, rag doll for children*, are still known in these dialects. In other dialect zones of Poland, the dishware model of a figurative nomination, designating a woman and a man living in an unregistered marriage, for example, *żyć na knebel* – Live on a stalk, *żyć na wiorek* (Maciejewski 1969: 30) [37].

The derivative *kneblarze* is presented with the same meaning. In Kotsev dialects, according to the testimony of B. Sychta, nominations with the word *żyć* are also presented: *żyć na knebel* «live on faith without a church wedding» (where

knebel is «a stick like a plug»). Let us also pay attention to derivatives denoting a woman or a man living in a common-law marriage *kneblaf*, *kneblarka*. So, the same form is associated with the designation of bastard and a woman who gave birth out of wedlock, and is also very often used for lexical marking of marital cohabitation, promiscuous behavior, adultery and persons who did not get married in time, since these units form a common associative-derivational series, whose members are connected by semantic-word-formation or epigrammatic connections. An example is Kashubian names like *psenoga* «child born out of wedlock» – Literally: *Dog's leg*, and *psicka* «woman of easy virtue», *pse pasć* – Literally: as *Graze dogs* «to have love affairs, especially out of wedlock», Polish dialects *przespać się* – to sleep has the meaning of «to have a bastard», *przespanica*, *przespanka przeskoczna*, *przeskocka* – is the one who jumps, jumps over «the mother of an illegitimate child», *przespanica* «a woman who cheated on her husband, is engaged in foreignness», *przezimka* «a woman she's small for her sweetheart ditin», *przybłęda* – *Pribluda* is «a child who has strayed from unknown parents or a foundling», which is similar to the Russian dialect of *приблудить ребенка/ pribludit' rebenka* /wandering a child «having an illegitimate child» (Kaluga dialects), *ноблудку/ pobludki* in the first meaning «desipiency» (Tver) and in the second – «illegitimate children» (Transbaikalia). Through metonymic transfer, the Kashubian nomination *papk* «navel» also emerged, which only in the fourth meaning denotes an illegitimate child. Besides this is peripheral meaning, it also has the meanings «chicken stomach», «middle», «mushroom», and also the expression *Djabli papk* – literally *woman's navel* «the last potato bush», *Djabli papk* – Literally: *Devil's navel* «damn mushroom» and others. The breach of faith motif (a Belarusian spring song about a young woman who went mushrooming and, returning, walked around and slept in a tower with the fellows) and bastards (Ukrainian *баўцмпыку/ bajstruku/bystruts* «inedible mushrooms») is also associated with mushrooms.

CONCLUSIONS

Research findings. S. Tolstaya suggested a wide range of nominations related to the notion of foundling and, in particular, nicknames and anthroponyms such as *foundling (naida)* both existing in local dialects and fixed in different Slavonic languages (Tolstaya [36]: [38]). The special works of L. N. Vinogradova represent a rich ground for case studies on the basis of material collected in Polissia region (Vinogradova [39]). Similar Ukrainian material on this topic is examined in the works of ethnographer N. K. Gavryliuk. A Bulgarian ethnographer M. Kitanova suggested the motivational analysis of nominations denoting illegitimate child in Bulgarian dialects and argues that they apply different cultural codes – corporeal, phytomorphic, zoomorphic, etc. ([40]: 38–39).

A social status of woman and illegitimate child in Ukrainian archaic society was addressed within the domain of ethno pedagogy (Kvas & Yarushak [41]), customary law, historic ethnology, cultural anthropology (Shcherbak [2]) and others. Thus G. Bortnyk analyses the opposition “of stable word combinations *lawful wedlock/ consensual marriage* that nominate the corresponding phenomena of matrimonial conceptual sphere – *legal and de facto union* (Bortnyk [42]). The evidences related to historical ethnology can also shed some light on the topic. They provide records «about family and matrimonial relations in the context of Ukrainian legal culture in 16–17th centuries at the time of Lithuanian Statute» that regulated the rights of ownership, redemption, the right of a widow to marry, the attitude to illegitimate children. In her other work E. Woźniak analyses a number of old Polish legal terms with evaluative meaning dated back to Roman Canon law and Latin enclosing *łoże* as their component: *dzieci nieślubne, nieprawego łoża, nieczystego łoża, niedobrego łoża, złego łoża, niepocziwego łoża, naganionego łoża, as well as innovations nieprawe potomstwo, potomstwo z nieprawego związku, dzieci naturalne* (Woźniak 2017:[43]). In this context a more

recent term *wyleganiec* is worth attention, it was used in 16th century (as a derivative of the verb *wylegać, legać* ‘to have sexual relations’ (Woźniak 2017: [43]).

M. M. Ugriumova analyses lexical units representing the conception of child in respect to the semantics of *innateness* – *strangeness* in Middle Priob'ye's patois (Ugriumova: [44]).

Marriage in traditional society was one of the important social institutions associated with a certain system of ritual forms, motives, and symbols. Marriage and the birth of children in marriage, as normative circumstances for procreation, were, from the point of tradition view, necessarily-normative stages of the individual life cycle. It is no accident that there were a large number of premarital, marriage, and postmarital customs and ritual actions that were intended to ensure the fertility of the spouse (Shcherbak 2004: [2]). The community had a negative attitude to «illegal» – marriages, in particular, those that were performed without observing the marriage ritual and wedding rites. For example, the Ukrainians of the Carpathians, where in the 16th and 17th century the rules of customary law were particularly conservative, a common form of punishment for illegal marriages was a monetary fine, which was called *bykove*. When this tax was paid, it was possible to live together, alone, only as long as the child was born; then the in-live lovers had to get married. Even in his «History» Herodotus writes about the sarmatians... No girl gets married until she kills some enemy. It happens that some of them die unmarried, if they do not have to do it according to custom.

The birth of such children required the «correction» of existing anomalies according to the anatomical (stereotypical) pattern by symbolic means – by performing certain ritual and magical actions. Deviations from the social norm, that is born out of wedlock were registered in such names as «extramarital», «bastard», «spurious» – Literally: *The one that was found*, «tally-ho»; «on the side», «off the brush» child – Literally: *The child was born* and determined a certain specific attitude of society to it (Shcherbak 2004: [2]).

The prohibition to have illegitimate children both in primitive and modern cultures, – according to a well known anthropologist B. Malinovskiy – in most cases refers to the mother rather than the father, whereas the punishment is directed to an individual rather than to a group. It is the single woman who suffers having an illegitimate child, however the man might also take the guilt when he supports the woman and shares the responsibility for the consequences of sinful love. Let us recall in this connection such Slovak contexts as *Lepší tvoriteľ ako zabiteľ* – Literally: *Better a creator than a killer*, says the «free woman» in her defense. In this case, the relics of ancient practices are seen, when a woman who gave birth out of wedlock tried to get rid of the fruit of sinful love (Záturecký: [14]). Something similar records in the «Galician-Russian sayings» Ivan Franko: *He de-m dila, cyre-m zziła / Ne de-m dila, syre-m zzyła* – Literally: *Where is, I ate it raw* – the young woman or the unwed mom answers angrily when asked where the child is. They say that before there were cases that a girl, having an unofficial child, with scare before shame, ate it after birth (Franko GRNP II: [15]).

The motive of *pokrytka*, drowning or eating the bastard child is well-known in Slavic and non-Slavic folklore and thoroughly is described by the ethnographer V. Hnatiuk.

Prospects for further research in this area. The main ways of image nomination of an illegitimate child and realia related to it in naïve picture of the world of the discussed languages include the following structurally-semantic models – locative-vegetative, zoomorphic, locative-spatial, utensils and somatic. The locative conceptual sphere HOME (as living space and utility room) opposed to the external, alien, uninhabited space or wood is the imagery-semantic center of nominative units that verbalize the source of illegitimate child origin. The analysis of the semantic structure of the dialectal lexemes denoting an illegitimate child, especially in the Russian language, demonstrated not only a huge synonymic

potential of them in different local traditions and the diversity of the characteristics of category (spatial-locating, traffic, real (symbolic function of objects), part of the whole and destruction of the object, the symbolism of the exchange, no man's property, zoomorphic, vegetative), but other semantic features. You should pay attention to the rather extensive semantic structure expressing many nicknames, nicknames and terms that have multiple meanings, in addition to the semantics of the illegitimate child and women in illegal marriage (by common internal forms of the dialect they relate to different, albeit close circle of cultural denotations, often in derivational nests of units). The motivation of some of them remains unclear. So, the question is, about the nomination of some local signs, nicknames in Russian language (such as *балбашинок, заторные дети, пауголок, сураз, конфеточник, марыш*, etc.). It is dominated by the profane-everyday, relative evaluation, mythological, charitably signs the nomination, in the terminology of V. G. Gak, E. L. Berezovich, S. M. Tolstaya.

It should also be noted relatively poor phraseological «snap-in» key terms such as *байстрюк, бекарт, конул, bastard, pankhart*, a singleness associated proverbial sayings in almost all cultures, in contrast to the secondary of euphemisms and phrasal units and idioms, designating the place and manner of occurrence of the illegitimate (born model was found, abandoned, place and cause of the loss of a father), with their inherent semantic component of abnormality, strangeness (in this birth or origin).

As it is showed in the analysis, one of the oppositions denoting an illegitimate child in traditional folk culture, is friend or foe, handicap-pusherbot, conceptually associated with the motives of no man's property, and space of the House and its parts, fence, whole and broken, of spontaneity, self-seeding, emergence out of no where of detection in netles and so on.

Motivational analysis of the designations of illegitimate children have found links with a variety of cultural codes – corporal, pathomorphism, zoomorphic (cf. the link with the image of a cuckoo bird or a dog and a bird nomination in connection with the designation of the illegitimate from the kashubians, etc.), some dialects, except illegitimate child, represent another circle of cultural denotations (in particular from the lower mythology – objects and attributes of the wedding ceremony, the agricultural way of life, a model sustainable plant – all mean an illegitimate child; an animal – an illegitimate child with derivational or semantic motivation).

REFERENCES:

1. Gerd, A. S. 2004. *Introduction to Ethnolinguistics. Lecture course and anthology*. St. Petersburg: St. Petersburg national university. (In Russ.).
2. Shcherbak, I. M. 2004. *Aspect of Traditional Culture*. Kyiv: NAS of Ukraine. Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology named after M. T. Rylsky. (In Ukrain.).
3. Nevskaia, L. G. *The concept GUEST in the context of transitional rites*. In: *From the works of a Moscow semiotic circle*. M.: Languages of Russian culture 1997 p. 442.
4. Tolstaya, S. M. *Lexical semantics in the general Slavonic perspective*. M.: Indric 2008. 528 p.
5. Bartmiński J.: *Etnoligwistyka słowiańska – próba bilansu* In *Etnoligwistyka* T. 16 Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, 2004, p. 9–27.
6. Morozov I. A., Slepsova I. S., Ostrovsky E. B., Smolnikov S. N., Minyukhina E. A. *Spiritual culture of North Belozeria. Ethnodialectal dictionary*. M., 1997. – 432 p.
7. Harlay, O. V. (2011). *Onomasiological characteristics of the 'MARRIAGE' microsystem in linguocultural coverage (based on English, Polish, Czech and Ukrainian languages)*. Thesis for the candidate degree in philological sciences. Speciality 10.02.15 – General Linguistics. Odessa: South Ukrainian. nat. ped. univ. named after K.D. Ushynsky. / Kharlay O.V. *Onomasiolohichna kharakterystyka mikrosystemy 'SHLYUB' u lnhvokulturolohichnomu vysvitleni (na materialii anhliys'koyi, pol's'koyi, ches'koyi ta ukrayins'koyi mov)*. Dys... kand. filol. n. Spec. 10.02.15 – Zahal'ne movoznavstvo. Odesa: Pivdenoukr. nats. ped. un-t im. K. D. Ushyn's'koho.
8. Pashkova N. I. *Nominative models of the cultural artifact House in the languages of the Carpathian area of the Balkan-Slavic continuum*. Monograph. Kiev: KNUU, 2014, 277 P.
9. *Slavic mythology*. Encyclopedic Dictionary. 2002. Tolstaya, S.M. (ed.). Moscow: International Relations. / Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Толстая С.М. (отв. ред.). Москва: Международные отношения.

10. Larina, L. I. (1990). *The terminology of the wedding ceremony of the Kursk region in the ethno-linguistic aspect*. Kursk: Kursk State University. (In Russ.).
11. Buchowski, M. (1993). *Magia i rytuał*. Warszawa: Instytut kultury. (In Polish).
12. Stefanskiy, Y. 2009. *Kontseptualizatsiya negativnikh emotsiy v mifologicheskoy i sovremennom yazykovom soznanii (na materiale russkogo, pol'skogo i ches'kogo jazykov)* Conceptualization of negative emotions in the mythological and modern linguistic consciousness (based on the material of the Russian, Polish and Czech languages). In Russian. Volgograd: VGPU (Doctoral dissertation.)
13. Burak, V. V. *Verbalization of related stereotypes in Ukrainian, Polish and British realistic prose of the second half of the XIX century: dissertation for the degree of candidate of science*. Phil. specialty 10.02.15. Ivan Franko Lviv National University, Lviv, 2019.237 P.
14. Tsybmal, N. *Ethnolinguistic aspect of studying lexical motivation in Ukrainian dialect speech*. Ethnolinguistic Studies. Collection of scientific papers. Zhytomyr-Polesie publ., 2007, pp. 56-64.
15. Yakuba, V. V. *Language means of reflecting the situation change of the matrimonial state in English artistic prose of the twentieth century (linguocognitive and communicative-pragmatic aspects): abstract of the dissertation for the degree of candidate of science*. Phil. Nauk. Kiev 2006. 19 p.
16. Sedakova, I. A. (2018). *The concept of love in ethnolinguistic coverage (on Bulgarian and non-Slavonic material)*. In *Slavic linguistics. XVI International Congress of Slavists*. Belgrade, August 20-27, 2018. Tolstaya S. M. (ed.). Reports of the Russian delegation. Moscow: Isl. RAN, p. 472-489. / Sedakova I.A. *Kontsept lyubov' v etnolingvisticheskom osvshchenii (na bolgarskom i inoslavjanskom materiale)*. In *Slavyanskoye yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov*. Belgrad, 20-27 avgusta 2018 g. Tolstaya S.M. (otv. red.). Doklady rossijskoy delegatsii. Moskva: Isl.RAN, s. 472-489.
17. Бабичева А. С. (2007) *Фрейд «свадьба» в английской и русской лингвокультурах*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград 2007. 20 с
18. Berezovich, E. L. 2007 *Language and Folk Culture: Ethnolinguistic Studies*. Moscow: Indrik. / Berezovich Ye.L. *Yazyk i narodnaya kul'tura: Etnolingvisticheskiye issledovaniya*. Moskva: Indrik. / БЕРЕЗОВИЧ Е. Л. *Язык и народная культура: Этнолингвистические исследования*. Москва: Индрик.
19. Ivchenko, A. 1999 *Ukrainian Folk Phraseology: Onomasiology, Areas, Etymology*. Kharkiv: Folio. / Ivchenko A. *Ukrayins'ka narodna frazeolohiya: onomasiolohiya, arealy, etymolohiya*. Kharkiv: Folio. / Івченко А. *Українська народна фразеологія: ономазіологія, ареали, етимологія*. Харків: Фоліо, 1999
20. Terkulov, B. *Nomination and perforation: the role of the subject in nominative processes*. *Anthroponymy of language: collection of articles*, ed. by S. Omelchenko, Issue 1, Moscow 2010, p. 126.
21. Zhuiikova M. *Principles of nomination and translation of cultural information*. *Studia Slavistyczne: Etnolingwistyka i komunikacja międzykulturowa*, Lublin 2014, m. I, c. 59.
22. *Słownikto ludowe z terenu byłych województw Kieleckiego i Łódzkiego*. 1977. Dejna, K. Łódź: Rozprawy komisji językowej.
23. Kluge (2002) *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache*. (2002). Berlin, New York. Walter de Gruyter.
24. *Ukrainian sayings, proverbs and so on*. 2004. Nomys, M. Kyiv: Lybid'. / Українські приказки, прислів'я і таке інше. Номис. Київ: Либідь.
25. Franko, I. (2006). *Galician-Russian sayings*. In *Galician-Rusyn Folk Sayings*. In 3 vol. 2nd ed., Lviv: Lviv State University (In Ukrain.).
26. Bystroń, J. St. (1916). *Słowiańskie obrzędy rodzinne. Obrzędy związane z urodzeniem dziecka*. Kraków: Akad. Um. (In Polish).
27. *Lexicon of Lviv: seriously and in jest*. (2009). Hobzey, N., Simovych, K., Yastremskaya, T., Didyk-Meush, G. Lviv: NAS of Ukraine. Institute of Ukrainian Studies. / *Лексикон львівський: поважно і на жаргм. Хобзей Н., Сімович К., Ястремська Т., Дидик-Меуш Г.* Львів: НАН України. Інститут українознавства.
28. Rejter, A. (2006). *Leksyka ekspresywna w historii języka polskiego. Kulturowo-komunikacyjne aspekty potoczności*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. (In Polish).
29. *Etymologický slovník jazyka českého* (1997). Machek, V. Praha: Nakladatelství lidové noviny.
30. Dzendzelivskiy, J. 2001. *Problems of Research of Ukrainian Carpathian dialects*. In *Ukrainian and Polish dialects of the Border*. Lublin-Lutsk: UMCS, p. 15–28. (In Ukrain.).
31. Zhuravlev, A. F. 2005. *Language and myth. Linguistic commentary on the work of A.N. Afanasyev "Poetic views of the Slavs on nature"*. Tolstaya S. M. (ed.). Moscow: Indrik. (In Russ.).
32. Levkivskaya, E. E. 2002. *Slavic amulet. Semantics and structure*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
33. Zátorecký, A. P. *Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky*. 2018. Zátorecký, A. P. Bratislava: Tatan.
34. *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska I*. (1995). Botik, J., Slavkovský, P. Bratislava: Veda.
35. *Lidová rčení*. (2000). Zaozálek, J., Praha: Academia.
36. Tolstaya, S. M. (2008). *The space of the word. Lexical semantics in the general Slavic perspective*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
37. *Słownik chełmińsko-dobrzyński*. 1969. Maciejewski, J. Toruń: Państwowe Wydawn. Naukowe, Oddz. w Poznaniu.
38. Tolstaya, S. M. (1997). *From the Polish vocabulary: a child was found*. In *Ukrainian dialectical almanac*. Book 3. Kiev: Trust, p. 287–293. (In Russ.).

39. Vinogradova, L. N. 1995. *Where the babies come from? Polesie formulas about the origin of children. In Slavic and Balkan folklore. Ethnolinguistic study of Polesye. Moscow: Indrik, p. 173–188. (In Russ.).*
40. Kitanova, M. 2015. *Children with special status in the Bulgarian traditional family: analysis of nominations in the light of the opposition "my or alien". In Scientific dialogue, 9 (45), p. 31–52. (In Russ.).*
41. Kvas, O. & Maria Yarushak, M. 2013. *The position of the child in the Ukrainian family (end of XIX – beginning of XX century). In Youth and the market, 11 (106), p. 13–18. (In Ukrain.).*
42. Bortnik, G. G. 2015. *Dynamics of development of the semantics of the term marriage in Ukrainian family law. In Bulletin of the Karazin Kharkiv National University. Philology, 73, Kharkiv: KGNU, p. 166–168. (In Ukrain.).*
43. Wozniak, E. 2017. *Od dzieci z nieprawego łoża do dzieci nieślubnych. Z dziejów polskiej terminologii prawnej. In LingVaria XII, 23, p. 151–164. (In Polish).*
44. Ugrumova, M. M. 2012. *The constants of folk culture in the linguistic embodiment of ideas about the child (based on the dialects of the Middle Ob region). In Bulletin of Tomsk State University, 359, S. 25–27. (In Russ.).*

DICTIONARIES:

1. *A Dictionary of Euphemisms & other double talk. (1981). Rawson, H. (ed.). One Park Avenue, New York: Macdonald & Co.*
2. *Dictionary of Boyko's dialects. 1984. Onishkevich, M.Y. Kyiv: Naukova dumka. / Словник бойківських говірок. Онишкевич М.Й. Київ: Наукова думка.*
3. *Dictionary of imaginative words and expressions of folk speech. 1997. Blinova, O.I. Tomsk: NTL. / Словарь образных слов и выражений народного говора. Блинова О.И. Томск: НТЛ.*
4. *Dictionary of Russian folk dialects. 1965-2002. Is. 1-36. Moscow-Leningrad: Science. / Словарь русских народных говоров, вып. 1-36, Москва-Ленинград: Наука.*
5. *Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic use. 1885. Podvysotskij, A.I. Sankt-Petersburg: Imperial Academy of Sciences. / Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Подвысоцкий А.И. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук.*
6. *Dictionary of West polis dialects. 2000. Arkushin, G.L. Lutsk: Vezha. / Словник західнополицьких говірок. Аркушин Г.Л. Луцьк: Вежа.*
7. *Etymological dictionary of the Russian language by M. Fasmer. (1964). Vol. 1 (A-D). Moscow: Progress. / Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. Москва: Прогресс.*
8. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern Writing. (2003). Dal', V.I. In 4 volumes. Vol. 1. A-Z. Moscow: OOO Publishing House AST: OOO Publishing House Astrel / Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. Dal' V.I. V 4-h tomakh. T.1. A-Z. Moskva: OOO Izdatel'stvo AST: OOO Izdatel'stvo Astrel' / Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. В.И. Даль. В 4-х томах. Т.1. А-З. Москва: OOO Издательство АСТ: OOO Издательство Астрель.*
9. *Encyclopedia of Superstitions. 2001. Redford, E. (comp.), Gaiduk, D. (transl.). Moscow: Astrel Publishing House. / Энциклопедия суеверий. Рэдфорд Э. (сост.), Гайдук Д. (пер. с англ.). Москва: Издательство Астрель.*
10. *English-Ukrainian Phraseological Dictionary. 2006. Barantsev, K.T. Kyiv: Znannya. / Англо-український фразеологічний словник. Баранцев К.Т. Київ: Знання.*
11. *Etymological Dictionary of the Ukrainian language: in 7 volumes. 1982-1989. Melnychuk, O. S. (ed.). Kyiv: Naukova dumka. / Етимологічний словник української мови: В 7-ми томах. О. С. Мельничук (ред.). Київ: Наукова думка.*
12. *Materials for the Phraseological Dictionary of the Northern Prikamye. 1972. Prokosheva, K.N. Perm: PSPi / Материалы для фразеологического словаря Северного Прикамья. Прокошева К.Н. Пермь: ПГПИ.*
13. *Phraseological Dictionary of East Sloboda and steppe dialects of Donbass. 2005. Uzhchenko, V. & Uzhchenko, D. Lugansk: Alma Mater. / Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу. Ужченко В. & Ужченко Д. Луганськ: Альма-матер.*
14. *Phraseological Dictionary of Perm dialects. 2002. Prokosheva, K.N. Perm: PSPi / Фразеологический словарь пермских говоров. Прокошева К.Н. Пермь: ПГПИ.*
15. *Phraseological Dictionary of Russian dialects of Siberia. 1983. Fedorov, A. I. (ed.). Novosibirsk: Science. / Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Федоров А.И. (ред.). Новосибирск: Наука.*
16. *Phraseology Dictionary of the Lower Dnieper region. 2001. Chabanenko, V. Zaporizhzhya: ZSU. / Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпряниці. Чабаненко В. Запоріжжя: ЗДУ.*
17. *Przysłowia polskie. 1933. Bystron, J. Warszawa-Kraków-Lublin-Lódź-Poznań-Wilno-Zakopane: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności.*
18. *Przysłowia polskie. 1993. Bystron, J. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności.*
19. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. 1995. Tolstoy, N. Moscow: International relations. / Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Толстой Н. Москва: Международные отношения.*
20. *Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. 1980-1985. Sychta, B. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: P.A.N.*
21. *Słownik chełmińsko-dobrzyński. 1969. Maciejewski, J. Toruń: Państwowe Wydawn. Naukowe, Oddz. w Poznaniu.*
22. *The spiritual culture of Northern Belozerya. Ethnic dialect Dictionary. 1997. Morozov, I.A. (ed.). Moscow: Institute of Ethnology*

and Anthropology RAS. / Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. Морозов И.А. (отв.ред.). Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.

Received date: 28.12.2020

Revised date: 30.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

UDC 330:657.6
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0009

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ УЧЕТЕ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 5975-4995
AuthorID: 626492
ORCID: 0000-0002-4277-6872

БОРОВИЦКАЯ Марина Владимировна, кандидат экономических наук,
доцент департамента «Бизнес - аналитики»

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(127083, Россия, Москва, улица Верхняя Масловка 15, e-mail: geht066@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты формирования социальных показателей в управленческом учете, которые выдвигаются на первый план в связи с растущей потребностью заинтересованных пользователей в информации о реализации стратегии устойчивого развития экономическими субъектами. Возникновение и развитие социального управленческого учета тесно связано с растущей потребностью инвесторов и стейкхолдеров в информации о том, насколько успешно ведется бизнес, насколько плодотворно реализуется стратегия устойчивого развития компании. Данная информация в условиях глобализации экономики, является необходимым условием выхода на международный рынок, поскольку для всех участников заинтересованных сторон важно понимать степень влияния результатов деятельности компании на социальную, экономическую и экологическую сферы. В связи с этим, наряду с бухгалтерской, налоговой, статистической отчетностью жизненно необходимым становится для экономических субъектов формирование различных видов внешней и внутренней отчетности, включая социальную отчетность. Авторами в настоящей статье была проанализирована российская практика управленческого учета социальных и транзакционных затрат, ключевых нефинансовых показателей социального управленческого учета. На основе изучения трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых-экономистов в статье определены понятие и сущность, представлена классификация социальных и транзакционных затрат. По мнению авторов, практически на всех современных предприятиях наблюдается достаточно высокий уровень транзакционных затрат, связанный с неопределенностью рыночной среды и соответственно, рискованностью предпринимательской деятельности, а также рост социальных затрат, связанных с влиянием деятельности предприятия на окружающую среду. Для управленческого учета транзакционных и социальных затрат возможно использование незанятых счетов бухгалтерского учета, согласно, Плана счетов с 35 счета по 37 счет включительно, с введением детальной аналитики по субсчетам, что позволяет более эффективно управлять затратами, анализировать, планировать и прогнозировать данные затраты, получать наиболее емкую и объективную картину об устойчивом развитии организации. Представленные рекомендации по управленческому учету социальных показателей позволят экономическим субъектам усовершенствовать практику учета и предоставлять наиболее полную и объективную информацию о данных показателях в социальной отчетности.

Ключевые слова: социальная отчетность, управленческий учет, социальные затраты, транзакционные затраты, социальная ответственность, устойчивое развитие, нефинансовые показатели деятельности

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF SOCIAL INDICATORS IN MANAGEMENT ACCOUNTING

© The Author(s) 2021

BOROVITSKAYA Marina Vladimirovna, candidate of economic Sciences,
associate Professor of Department "Business Analysts"

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(127083, Russia, Moscow, Verkhnyaya Maslovka street, 15, e-mail: geht066@mail.ru)*

Abstract. The article deals with the aspects of the formation of social indicators in management accounting, which are brought to the fore in connection with the growing need of interested users for information about the implementation of the sustainable development strategy by economic entities. The emergence and development of social management accounting is closely related to the growing need of investors and stakeholders for information about how successful the business is, how fruitfully the company's sustainable development strategy is being implemented. This information in the context of a globalized economy is a necessary condition for entering the international market, since it is important for all stakeholders to understand the degree of impact of the company's performance on the social, economic and environmental spheres. In this regard, along with accounting, tax, and statistical reporting, it becomes vital for economic entities to form various types of external and internal reporting, including social reporting. The authors of this article analyzed the Russian practice of management accounting of social and transaction costs, key non-financial indicators of social management accounting. Based on the study of the works of leading domestic and foreign scientists-economists, the article defines the concept and essence, presents a classification of social and transaction costs. According to the authors, almost all modern enterprises have a fairly high level of transaction costs associated with the uncertainty of the market environment and, accordingly, the riskiness of business activities, as well as an increase in social costs associated with the impact of the company's activities on the environment. For management accounting of transaction and social costs, it is possible to use unoccupied accounting accounts, according to the Chart of Accounts from account 35 to account 37 inclusive, with the introduction of detailed analytics on sub-accounts, which allows you to more effectively manage costs, analyze, plan and predict these costs, get the most comprehensive and objective picture of the sustainable development of the organization. The presented recommendations on management accounting of social indicators will allow economic entities to improve accounting practices and provide the most complete and objective information about these indicators in social reporting.

Keywords: social reporting, management accounting, social costs, transaction costs, social responsibility, sustainable development, non-financial performance indicators

ВВЕДЕНИЕ

Роль управленческого учета и внутренней управленческой отчетности неумолимо возрастает из года в год. Неоспоримым является факт, что данные внутреннего управленческого учета дают руководству любого

экономического субъекта оперативную, актуальную информацию обо всех происходящих организационно-производственных процессах, столь необходимую для успешного и эффективного руководства.

Растет сфера деятельности управленческого учета,

возникают все новые вопросы и аспекты изучения различных показателей деятельности организаций, включая показатели так называемой, социальной отчетности.

Социальные показатели отчетности появились относительно недавно в рамках управленческого учета, и характеризуют, прежде всего, затраты возникающие у общества, социума в целом вследствие деятельности различных экономических субъектов.

Социальный управленческий учет явление достаточно молодое, перспективное, инновационное, возникшее как объективная необходимость урегулирования баланса субъект – объектных отношений, бизнес ответственности за результаты управленческой деятельности.

МЕТОДОЛОГИЯ

Ведущие зарубежные и отечественные экономисты все большее внимание уделяют изучению сущности и роли социальных показателей в отчетности экономических субъектов.

Возникновение и развитие социального управленческого учета тесно связано с растущей потребностью инвесторов и стейкхолдеров в информации о том, насколько успешно ведется бизнес, насколько плодотворно реализуется стратегия устойчивого развития компании.

Данная информация в условиях глобализации экономики, является необходимым условием выхода на международный рынок, поскольку для всех участников заинтересованных сторон важно понимать степень влияния результатов деятельности компании на социальную, экономическую и экологическую сферы.

В связи с этим, наряду с бухгалтерской, налоговой, статистической отчетностью жизненно необходимым становится для экономических субъектов формирование различных видов внешней и внутренней отчетности, включая социальную отчетность.

Крупные отечественные компании, заинтересованные в повышении своей инвестиционной привлекательности и укреплении имиджа, безусловно, формируют социальную отчетность, раскрывая в ней результаты выполнения социально-экологических задач.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для понимания сущности и необходимости корпоративной социальной отчетности, остановимся на понятии корпоративной социальной ответственности, уверенно вошедшей в обиход в последние годы. Под корпоративной социальной ответственностью принято понимать ответственность бизнеса за результаты своей деятельности перед всеми заинтересованными сторонами общественной сферы, включая заказчиков, поставщиков, акционеров, работников данной компании, общества в целом.

Для получения подтверждения о соблюдении выбранной компанией стратегии корпоративной социальной ответственности формируется корпоративный социальный отчет, цели и ключевые показатели которого представлены на рисунке 1 [1].

Поскольку четкого законодательно-нормативного регулирования порядка и методологии формирования социальной корпоративной отчетности в РФ не установлено, отечественные компании и организации руководствуются в большинстве случаев, международными стандартами в этой области. В частности такие стандарты как МСФО (IAS) 12 «Налоги на прибыль», МСФО (IFRS) 8 «Операционные сегменты», МСФО (IAS) 18 «Выручка» и МСФО (IAS) 19 «Вознаграждения работникам» регламентируют формирование ключевых показателей социальной отчетности [2,3,4,5].

Активную работу в этом направлении ведут и субъекты РФ, закрепляя положения корпоративной социальной ответственности в региональных законах, по развитию малого и среднего предпринимательства.

Ключевая роль в данных нормативных документах отведена механизму социального партнерства в регионах и благотворительной политике.

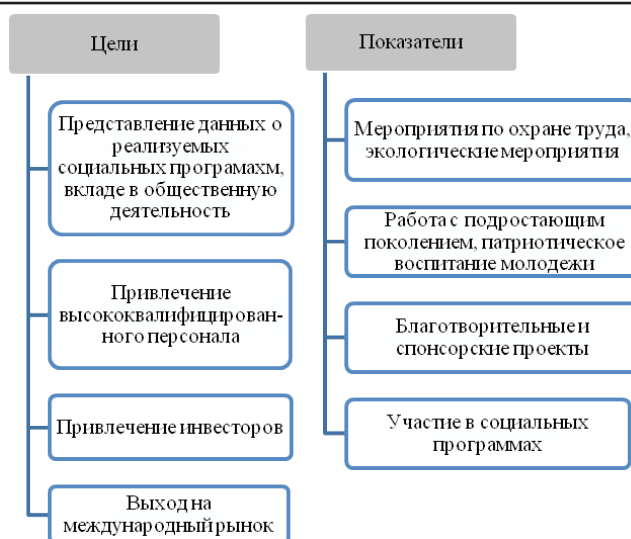

Рисунок 1 – Цели и показатели корпоративного социального отчета

Данные социальной отчетности тесно взаимосвязаны с показателями бухгалтерской финансовой и управленческой отчетности, и в современных условиях хозяйствования экономических субъектов, существует объективная необходимость формирования в рамках отчетности расширенной системы финансовых и нефинансовых показателей.

В рамках социального управленческого учета во главу угла ставятся учет и анализ социальных и транзакционных затрат, что связано с ростом потребности пользователей в информации не только о финансовых, но и нефинансовых показателях.

Основными причинами возникновения социальных и транзакционных затрат можно назвать, возникающие при заключении различного рода сделок, недостаточную определенность прав собственности, а также недостаточную надежность контрактов.

Понятие и виды транзакционных затрат представим на рисунке 2:

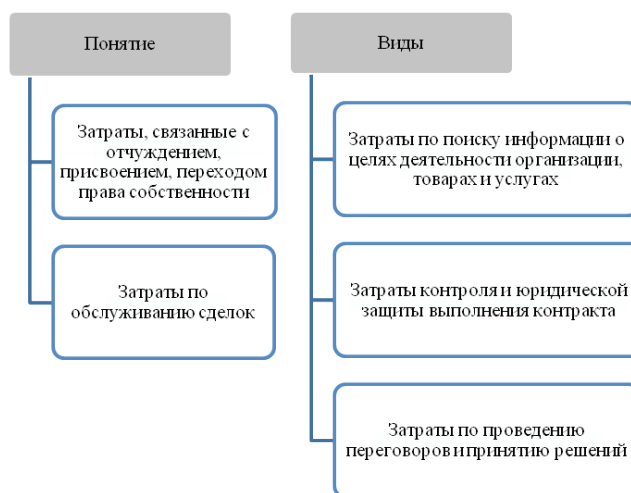

Рисунок 2 – Понятие и виды транзакционных затрат

Объективная необходимость появления транзакционных издержек объясняется тем, что ни один экономический субъект не осуществляет свою деятельность изолированно, обособленно от других субъектов, поскольку вынужден приобретать сырье и материалы для производства, реализовывать результаты своей деятельности, использовать наемный труд. В силу этого экономические субъекты находятся в постоянном взаимодействии с внешней средой.

Одним из распространенных видов трансакционных затрат можно признать затраты по поиску информации о целях деятельности организации, товарах и услугах. Это связано прежде всего с тем, что каждое предприятие при осуществлении своей производственно - сбытовой деятельности взаимодействует с различными контрагентами, в ходе которых определяет для себя оптимальную систему ценообразования, заключает различного рода договоры, проводит маркетинговые исследования по изучению рынка аналогичных товаров, рынка сырья и материалов, собирает информацию о платежеспособности и благонадежности потенциальных партнеров.

Практически на всех современных предприятиях наблюдается достаточно высокий уровень трансакционных затрат, связанный с неопределенностью рыночной среды и соответственно, рискованностью предпринимательской деятельности.

К таким затратам можно отнести затраты, направленные на борьбу с обманом, мошенничеством и сокрытием информации. Это касается, прежде всего, поведения партнеров по бизнесу. На практике зачастую нарушаются принципы этики деловых взаимоотношений и партнеры по бизнесу не выполняют свои обязательства.

В связи с чем, возникают затраты на приобретение приборов для подтверждения подлинности денежных купюр, судебные издержки по решению спорных вопросов бизнеса и взысканию неустоек и пеней при не выполнении контрактов.

Изучив труды ведущих российских и зарубежных экономистов, можно заключить что единого понятия и общепризнанной классификации трансакционных затрат не существует. На рисунке 3 представим основные виды трансакционных затрат.

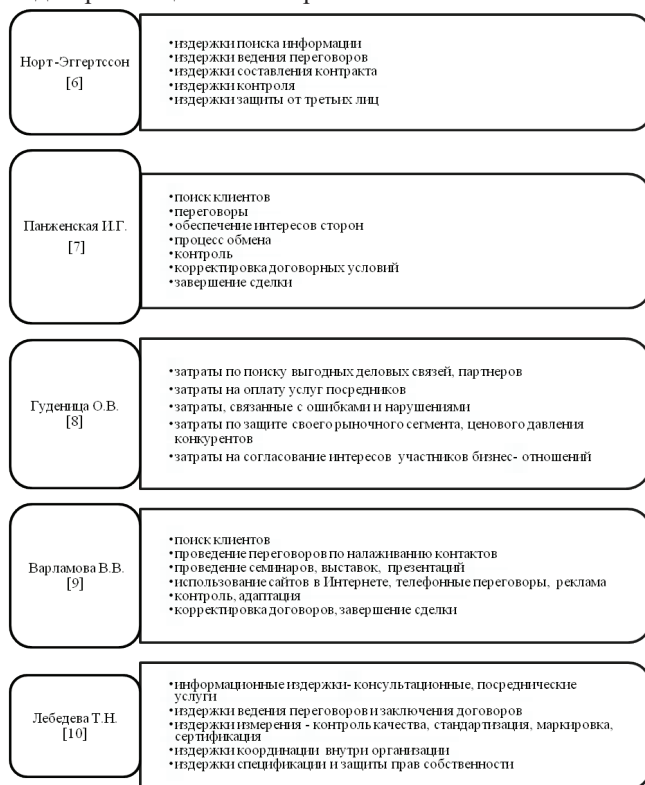

Рисунок 3 - Классификация трансакционных затрат

Если природа и сущность трансакционных затрат уже достаточно изучена, то социальные затраты понятие сравнительно молодое и инновационное.

Понятие и виды социальных затрат представим на рисунке 4.

Поскольку вышеперечисленные затраты имеют место быть практически на любом предприятии, встает вопрос о том, как их отражать в текущем учете, и в какой отчетности представлять. Данный вопрос в настоящее

время остается дискуссионным и спорным, так как нормативными актами этот аспект не закреплен, и требует обязательной проработки.

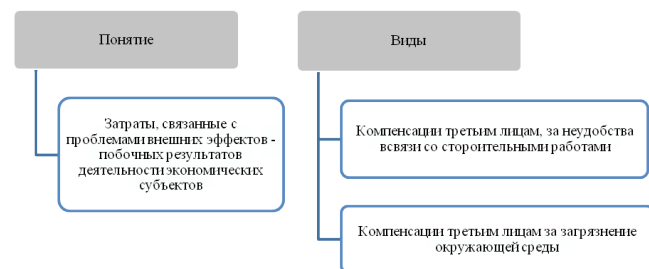

Рисунок 4 - Понятие и виды социальных затрат

Для управленческого учета трансакционных и социальных издержек возможно использование незанятых счетов бухгалтерского учета, согласно, Плана счетов. Допустим, для учета трансакционных издержек использовать счет 36 «Трансакционные затраты», с открытием необходимых субсчетов для детализации затрат. Для учета социальных затрат, например, счет 37 «Социальные затраты», с открытием субсчетов по необходимости (рисунок 5).

Рисунок 5- Счета для учета социальных и трансакционных затрат

Ряд экономистов предлагают отражать в управленческом учете и неявные трансакционные затраты, или так называемую упущенную выгоду. Для этого возможно использование либо забалансового счета 015 «Трансакционные затраты в разрезе договоров и подразделений», либо выделение в рамках управленческого учета отдельной статьи затрат. В частности Лебедева Т.Н. рекомендует распределять трансакционные затраты между договорами одним из двух методов:

- относить сразу в момент возникновения на соответствующий договор;
- распределять пропорционально затраченному времени, количеству или стоимости договоров, то есть затраченному времени с учетом уровня квалификации.

ВЫВОДЫ

Весьма полезным, по нашему мнению, является использование макета управленческого учета трансакционных затрат, предложенного Крохичевой В.В., состоящий из четырех блоков с использованием свободных счетов бухгалтерского учета – с 35 по 37 (рисунок 6) [11].

Все вышеперечисленные способы учета трансакционных затрат позволяют более эффективно управлять ими, анализировать, планировать и прогнозировать данные затраты, получать наиболее емкую и объективную

картину влияния этих затрат на себестоимость, и в конечном итоге на финансовый результат.

1 блок счет 35 "Свод затрат по элементам" субсчет 1 "Транзакционные затраты"	• обеспечивает анализ транзакционных затрат по их структуре по смете и по факту • затраты приводятся в разрезе 18 аналитических счетов
2 блок счет 36 "Распределение затрат по договорам"	• включает подблоки- драйверы затрат, договоры • драйверы затрат позволяют распределить транзакционные затраты на договоры с учетом затратообразующего фактора
3 блок счет 37 "Калькулирование затрат по договорам"	• предназначен для калькулирования затрат и определения уровня трансакций в договорной стоимости
4 блок Принятие управленческих решений	

Рисунок 6 – Макет управленческого учета транзакционных затрат

Все большее внимание в части формирования социальных показателей деятельности экономического субъекта в последние годы, стало уделяться вопросам договорного регулирования трудовых отношений, устанавливающих определенный уровень социальных гарантий. Каждое предприятие в зависимости от своих финансовых возможностей и уровня социальной ответственности топ-менеджмента, формирует социальный пакет для своих сотрудников, что непосредственно влечет за собой определенные затраты, которые принято относить к социальным. Эти затраты связаны с выдачей сотрудникам беспроцентных ссуд, скидками при продаже своим сотрудникам продукции собственного производства, компенсациями за питание, оплатой обучения сотрудников и их детей, оплатой аренды жилья сотрудников, негосударственным медицинским страхованием своих сотрудников, компенсацией проезда до места работы, и прочими социальными выплатами. Тщательный и своевременный учет всех перечисленных льгот и гарантий соответственно влечет за собой определенный перечень мероприятий по организации управленческого учета.

Это касается в первую очередь, документирования всех понесенных затрат по реализации социального пакета. Целесообразно в карточки сотрудников вносить данные об услугах, оказанных в рамках его социального пакета, а также сформировать график документооборота предприятия по однородным видам услуг.

Во-вторых, не менее важна детализация счетов бухгалтерского учета, расширение аналитики счетов касательно учета операций по обеспечению социального пакета сотрудников (по возрастам, половой принадлежности, профессиональным качествам). Причем необходимы счета не только для отражения фактических показателей, но и плановых, прогнозных.

В-третьих, необходимо разработать формы внутренней социальной отчетности, содержащей определенный перечень показателей, отражающих уровень выполнения условий коллективного договора касательно социального пакета гарантий. Данная отчетность должна предоставлять возможность анализа изменений показателей, как в статике, так и в динамике.

Выполнение всех перечисленных мероприятий гарантирует формирование объективной и необходимой информации заинтересованным пользователям о достижении экономическими субъектами показателей социальной ответственности бизнеса, что, несомненно, повышает как инвестиционную привлекательность экономических субъектов, так и способствует росту показателей эффективности их деятельности.

Возможно выделение в отдельную ветвь учета – социальный бухгалтерский учет, на основании данных которого и будет формироваться социальная отчетность.

REFERENCES:

1. Alekseeva I.V. Osipova R.G. *Korporativnaya social'naya otchet-*

nost' v usloviyah ustojchivogo razvitiya ekonomiki. //Mezhdunarodnyy buhgalterskiy uchët. 2015. № 41 s 32-41.

2. *Mezhdunarodnyy standart finansovoy otchetnosti (IAS) 12 «Nalogi na pribyl'». (vveden v dejstvie na territorii Rossijskoj Federacii Prikazom Minfina Rossii ot 28.12.2015 N 217n).*

3. *Mezhdunarodnyy standart finansovoy otchetnosti (IFRS) 8 «Operacionnyye segmenty» (vveden v dejstvie na territorii Rossijskoj Federacii Prikazom Minfina Rossii ot 28.12.2015 N 217n).*

4. *«Mezhdunarodnyy standart finansovoy otchetnosti (IAS) 18 «Vyruchka» (vveden v dejstvie na territorii Rossijskoj Federacii prikazom Minfina Rossii ot 28.12.2015 N 217n) (red. ot 27.06.2016)*

5. *Mezhdunarodnyy standart finansovoy otchetnosti (IAS) 19 «Voznagrazhdeniya rabotnikam» (vveden v dejstvie na territorii Rossijskoj Federacii prikazom Minfina Rossii ot 28.12.2015 N 217n) (red. ot 12.07.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2021)*

6. Eggertsson T. *Ekonomicheskoe povedenie i instituty. M.: Delo. 2001.407 s.*

7. Panzhenskaya I.G. *Metodicheskoe obespechenie finansovoy i upravlencheskogo ucheta transakcionnyh izderzhhek. // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika. 2009. Vypusk 1. S 91-98*

8. Gudenica O.V. *Metodicheskoe obespechenie strategicheskogo ucheta i audita sobstvennosti kommercheskih organizacij pri reorganizacionnyh procedurah : avtoreferat dis. ... kandidata ekonomicheskikh nauk : 08.00.12 / Rost. gos. ekonom. un-t. - Rostov-na-Donu, 2005. - 27 s.*

9. Varlamova V.V. *Upravlencheskij uchët transakcionnyh izderzhhek // Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. T.6., №1, s 222-225.*

10. Lebedeva T.N. *Upravlencheskij uchët transakcionnyh izderzhhek organizacii. // DISKURS №5. 2016.*

11. Krohicheva V.V. *Upravlencheskij uchët transakcionnyh izderzhhek / V.V. Krohicheva // Ekonomicheskij vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta. -2008.- №1.- s 183-185.*

12. *Kommons Dzhons. Institucional'naya ekonomika. / Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. -2007.- №4, T5. S-60.*

13. Aushev A. Y., Samojlova L. B. *Transnacional'nye korporacii: rol' transakcionnyh izderzhhek v dihotomii vybora – proizvodit' samim ili pokupat' na storone // Molodoy uchenyj. — 2012. — №1. T.1. — S. 87-91.*

14. Nikolaeva E.V. *Vliyanie struktury korporacii na uroven' eyo transakcionnyh izderzhhek. Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 5 (186). Ekonomika. Vyp. 25.*

15. Iskoskov M.O. *Ocenka transakcionnyh izderzhhek v korporativnyh strukturah. Vektor nauki TGU. №2(16), 2011*

16. Potokina E.S. *Upravlencheskij uchët transakcionnyh izderzhhek v zernovom holdinge. //Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2020. № 5. 146-151.*

17. Voronova E.Y. *Upravlencheskij uchët. Lyubercy: YUrajt. 2016. 428 s.*

18. Yur'eva L.V., Dolzhenkova E.V., Kazakova M.A. *Upravlencheskij uchët zatrat na promyshlennyye predpriyatyya v usloviyah innovacionnoj ekonomiki. – M.:Knorus. 2015. -191S.*

19. Glushchenko A.V., Yarkova I.V. *Strategicheskij uchët: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata, specialiteta i magistratury.-M.: Izdatel'stvo YUrajt. 2019. -240s.*

20. Sushkova. I.N. *Sistema ucheta dogovorov //http://www.mihailow@kodeks.ru*

Received date: 12.12.2020

Revised date: 29.01.2020

Accepted date: 27.02.2021

UDC 330:658.15

JEL: D2,D58

DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0010

©2021 Контент доступен според ліцензії CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЕФЕКТИВНІСТЬ ВИКОРИСТАННЯ СУЧАСНИХ МЕТОДІВ УПРАВЛІННЯ ВИТРАТАМИ НА ПІДПРИЄМСТВАХ

© Автор(и) 2021

ORCID: 0000-0003-4453-8905

ПАСКА Ігор Миколайович, доктор економічних наук, професор кафедри публічного управління,
адміністрування та міжнародної економіки

Білоцерківський національний аграрний університет

(09111, Україна, Біла Церква, вул. Соборна 8/1, e-mail: paska.igor@ukr.net)

ORCID: 0000-0002-0622-4318

ПОНЕДІЛЬЧУК Тетяна Василівна, кандидат економічних наук, доцент кафедри
економіки та економічної теорії

Білоцерківський національний аграрний університет

(09111, Україна, Біла Церква, вул. Соборна 8/1, e-mail: komar.tv@ukr.net)

ORCID: 0000-0003-1172-5966

ЗАБОЛОТНИЙ Вячеслав Сергійович, кандидат економічних наук, доцент кафедри
обліку та оподаткування

Білоцерківський національний аграрний університет

(09111, Україна, Біла Церква, вул. Соборна 8/1, e-mail: zabolotnys120485@gmail.com)

Анотація. У статті встановлено, що однією з важливих економічних проблем, які спричиняють світові економічні кризи є неефективне управління, що проявилось як в реальному, так і в фінансовому секторі економіки. Серед найважливіших елементів такого неефективного управління витратами було визначено велику різницю між можливими прибутками в разі успішних дій керівника та суми збитків в разі помилкових рішень, які призвели до втрат. Визначено основні принципи управління витратами та доведено що їх дотримання є достатнім для забезпечення конкурентоспроможності підприємства та завоювання передових позицій на ринку. Проаналізовано основні концепції управління витратами, виявлено їх переваги та недоліки та розроблено пропозиції по оптимізації управління витратами з метою підвищення конкурентоспроможності підприємств в умовах глобалізації. У процесі дослідження встановлено, що освоєння підходу до управління витратами кайзен дозволяє всім працівникам, пов'язаним з витратами виробництва, зробити свій внесок у скорочення цих витрат і управління ними. Виявлено, що основною перевагою кайзен-костингу є те, що він забезпечує постійне зменшення витрат й утримання їх на заданому рівні, а основним недоліком — необхідність мотивації працівників і корпоративної культури, що підтримує залучення персоналу в діяльність організації. Доведено, що успішним процес постійного вдосконалювання може стати лише в тому випадку, коли умови виробництва сприятливі, а для цього необхідно виконувати певні вимоги до управління, зокрема: сформулювати стратегію і тактику діяльності підприємства; виробити стиль керівництва, який підтримує відкритість, довіру і співробітництво; підтримувати постійність цілей; розвивати систему заохочення, яка буде стимулювати співробітництво; впроваджувати постійно діючі програми навчання персоналу; дотримуватись балансу між короткостроковими і довгостроковими завданнями.

Ключові слова: витрати, управління витратами, стандарт-кост, директ-кост, кайзен-кост.

DIAGNOSIS OF THE MODERN METHODS EFFECTIVENESS OF COST MANAGEMENT IN ENTERPRISES

© The Author(s) 2021

PASKA Igor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Public Administration
Bila Tserkva National Agrarian University

(091117, Ukraine, Bila Tserkva, Soborna pl. 8/1, e-mail: paska.igor@ukr.net)

PONEDILCHUK Tetiana, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics
and Economic Theory

Bila Tserkva National Agrarian University

(091117, Ukraine, Bila Tserkva, Soborna pl. 8/1, e-mail: komar.tv@ukr.net)

ZABOLOTNYI Viacheslav, PhD in Economics, associate Professor

Bila Tserkva National Agrarian University

(091117, Ukraine, Bila Tserkva, Soborna pl. 8/1, e-mail: zabolotnys120485@gmail.com)

Abstract. The article finds out that one of the important economic problems causing global economic crises is mismanagement, which has manifested itself in both the real and financial sectors of the economy. Among the most important elements of such inefficient cost management there were identified the following factors: a large difference between the possible income in the case of successful actions of the head and the amount of losses in the case of erroneous decisions which have led to losses. The basic principles of cost management have been defined and it has been proved that their observance is sufficient to ensure the competitiveness of the enterprise and gain a leading position in the market. The basic concepts of cost management have been analysed, their advantages and disadvantages have been revealed and the offers on optimization of cost management for the purpose of the enterprises' competitiveness increase in the conditions of globalization have been developed. It was in studies revealing that that mastering the Kaizen cost management approach allows all employees involved in production costs to contribute to reducing and managing these costs. It has been established that the main advantage of kaizen-costing is that it provides a constant reduction of costs and keeps them at a given level, and the main disadvantage consists in the need to motivate employees and corporate culture, supporting the involvement of staff in the organization. It has been proved that the improvement process can be successful only if the production conditions are favourable, and in this regard it is necessary to meet certain management requirements, in particular: to form a strategy and tactics of the enterprise; develop a leadership style that supports openness, trust and cooperation; maintain consistency of goals; develop an incentive system that will stimulate cooperation; implement existing staff training programs; strike a balance between short-term and long-term goals.

Keywords: costs, cost management, standard cost, direct budget, Kaizen costing.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЗАТРАТАМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

© Автор(ы) 2021

ПАСКА Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры публичного управления, администрирования и международной экономики
Белоцерковский национальный аграрный университет
(09111, Украина, Белая Церковь, ул. Соборная 8/1, e-mail: paska.igor@ukr.net)

ПОНЕДЕЛЬЧУК Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и экономической теории
Белоцерковский национальный аграрный университет
(09111, Украина, Белая Церковь, ул. Соборная 8/1, e-mail: komar.tv@ukr.net)

ЗАБОЛОТНЫЙ Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры учета и налогообложения
Белоцерковский национальный аграрный университет
(09111, Украина, Белая Церковь, ул. Соборная 8/1, e-mail: zabolotnys120485@gmail.com)

Аннотация. В статье установлено, что одной из важных экономических проблем, вызывающих мировые экономические кризисы является неэффективное управление, что проявилось как в реальном, так и в финансовом секторе экономики. Среди важнейших элементов такого неэффективного управления затратами были определены большую разницу между возможными доходами в случае успешных действий руководителя и суммы убытков в случае ошибочных решений, которые привели к потерям. Определены основные принципы управления затратами и доказано, что их соблюдение является достаточным для обеспечения конкурентоспособности предприятия и завоевания передовых позиций на рынке. Проанализированы основные концепции управления затратами, выявлены их преимущества и недостатки и разработаны предложения по оптимизации управления затратами с целью повышения конкурентоспособности предприятий в условиях глобализации. В процессе исследования установлено, что освоение подхода к управлению затратами кайзен позволяет всем работникам, связанным с издержками производства, внести свой вклад в сокращение этих расходов и управления ими. Выявлено, что основным преимуществом кайзен-костинг является то, что он обеспечивает постоянное уменьшение расходов и удержания их на заданном уровне, а основным недостатком - необходимость мотивации работников и корпоративной культуры, поддерживает вовлечение персонала в деятельность организации. Доказано, что успешным процесс совершенствования может стать только в том случае, когда условия производства благоприятные, а для этого необходимо выполнять определенные требования к управлению, в частности: сформировать стратегию и тактику деятельности предприятия; выработать стиль руководства, который поддерживает открытость, доверие и сотрудничество; поддерживать постоянное целей; развивать систему поощрения, которая будет стимулировать сотрудничество; внедрять действующие программы обучения персонала; соблюсти баланс между краткосрочными и долгосрочными задачами.

Ключевые слова: затраты, управление затратами, стандарт-кост, директ-кост, кайзер-кост.

ВСТУП

Постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями. Аналіз останніх причин світової економічної кризи показав, що однією з важливих економічних проблем було неефективне управління [1–3], що з'явилося як в реальному, так і фінансовому секторі економіки. Помилкове управління фінансовим сектором було названо однією з головних проблем, яка спровокувала глобальну кризу. Серед найважливіших елементів такого неефективного управління витратами було визначено велику різницю між можливими прибутками в разі успішних дій керівника та суми збитків в разі помилкових рішень, які призвели до втрат [4–6].

Саме тому ефективність управління витратами на сучасному етапі розвитку світового господарства є одним з найважливіших чинників забезпечення конкурентоспроможності підприємств. Особливо гостро ці питання постають в контексті обмеженості ресурсів та доступу до них.

Виникненню та поширенню різних методів управління витратами сприяв ряд об'єктивних чинників, а саме: концентрація виробництва та його технологічне вдосконалення, еволюція методів управління виробництвом та гостра необхідність оперативного контролю витрат і собівартості продукції.

Значний вклад у вивчення проблеми управління витратами зробили такі видатні зарубіжні та вітчизняні вчені-економісти як: А. Апчерч, Д. Бримсон, Р. Гаррисон, Б. Герхардт, Р. Краузе, Джай К. Шим, К. Друрі, Джон К. Шанк, Р. Каплан, Б. Нідлз, Дж. Прагер, Г. Фандель, Д. Хан, Ч. Хорнгрен, Дж. Фостер та вітчизняні вчені П. Атамас, А. Гальчинський, С. Голов, В. Завгородній, О. Орлов, М. Пушкар, М. Чумаченко, та інші. Однак в їхніх працях не висвітлено особливості застосування конкретних методів управління витратами в тих чи інших умовах.

МЕТОДОЛОГІЯ

Метою дослідження є порівняльний аналіз різних методів управління витратами в умовах конкурентного середовища, та розробка рекомендацій щодо оптимальної системи управління ними на українських підприємствах в період економічної кризи.

Використані методи, методики та технології. У процесі дослідження використовували загальнонаукові методи проведення економічних досліджень, що дають можливість аналізувати та систематизувати наявні методи управління витратами, а також розробляти пропозиції щодо оптимізації системи управління витратами на українських підприємствах.

Інформаційною базою дослідження є праці українських та зарубіжних вчених з питань управління витратами, а також чинна нормативно-правова база щодо обліку, аналізу, контролю та управління витратами.

РЕЗУЛЬТАТИ

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Управління витратами – ключовий елемент системи управління підприємством на сучасному етапі розвитку світової економіки. Особливо гостро ці питання постають в умовах глобалізації світового господарства, зростання інтенсивності конкурентних відносин.

Аналіз сучасних методів управління витратами дозволив нам виділити наступні принципи:

- системний підхід до управління витратами;
- єдність методів, що практикуються на різних рівнях управління витратами;
- управління витратами на усіх стадіях життєвого циклу виробу – від виготовлення до утилізації;
- поєднання зниження витрат з високою якістю продукції (робіт, послуг);
- недопущення зайвих витрат, впровадження ефективних методів зниження витрат;
- удосконалення інформаційного забезпечення щодо рівня витрат;

- підвищення зацікавленості виробничих підрозділів підприємства у зниженні витрат.

Дотримання усіх принципів управління витратами, на нашу думку, є достатнім для забезпечення конкурентоспроможності підприємства та завоювання передових позицій на ринку, але з'являються нові випробування, ризики, що потребують необхідності стратегічного погляду до проблеми створення ефективного витратного механізму на підприємстві.

Проведені нами дослідження свідчать, що останнім часом набули розвитку різноманітні концепції управління витратами на підприємстві задля оптимізації ресурсів в процесі досягнення ефективної діяльності. До таких систем відносять: «директ-костинг», «стандарт-кост», «таргет-костинг», «кайзен-костинг» та ін.

Класичним методом часткової калькуляції є метод «директ-костинг» – це метод формування собівартості продукції за змінними витратами (метод неповної собівартості).

За цим методом обліку і калькуляції виробничі витрати поділяються на змінні (залежать від обсягу виробництва) і постійні (не залежать від обсягу виробництва). При цьому постійні витрати вважаються витратами поточного періоду, не відносяться на собівартість, не розподіляються між виробами, а прямо відносяться на результати господарської діяльності. Облік витрат і визначення собівартості продукції проводять тільки за змінними витратами.

У системі «директ-костинг» формується новий показник результату діяльності – *маржа зі змінної собівартості*, яка визначається як різниця між відпускнуою вартістю реалізованої продукції та змінними витратами. Якщо з суми маржі вираховуються постійні витрати, – то кінцевий фінансовий результат є прибутком або збитком.

Ми вважаємо, що у випадку коли підприємство виробляє значний обсяг продукції, то метод «директ-костинг» дає змогу виміряти «внесок» кожного виробу в відшкодування постійних витрат на формування загального рівня рентабельності.

Однак нами виділено ряд недоліків даного методу управління витратами, а саме:

1) відсутній розрахунок повної собівартості, що є обов'язковим відповідно до законодавства;

2) необхідність чіткого розподілу постійних витрат на змінні та постійні складові, що важливо для розрахунку маржинальних витрат.

Використання методу «директ-костинг» важливо для підприємств з різноманітним товарним асортиментом. Корисно в період економічних спадів, коли спостерігаються простоювання виробничих потужностей, нестабільний попит, інфляційні процеси, тобто рекомендується в умовах нестабільності зовнішнього середовища [6].

Однак з часом для підприємств все більш актуальним стає не стільки завдання точного і повного визначення собівартості, скільки запобігання невіправданих витрат, яких можна було б уникнути. Це питання було вирішено за допомогою системи «стандарт-кост».

«Стандарт-кост» – це метод формування фактичних витрат на основі їх стандартизованих величин і відхилень від них, управління витратами здійснюється через порівняння фактичних витрат з нормативними.

Нормативи, або стандарти, в системі «стандарт-кост» є наперед встановленими величинами витрачання факторів виробництва у вартісному або натуральному вимірі. Нами встановлено, що ключовим в системі «стандарт-кост» є контроль за найбільш точним виявленням відхилень від установлених стандартів, що сприяє вдосконаленню й самих стандартів витрат. За відсутності такого контролю застосування даної системи буде мати умовний характер і не дасть належного ефекту. Перевага системи «стандарт-кост» над іншими методами обліку витрат на виробництво полягає в тому, що на підставі встановлених стандартів можна заздалегідь визначити

суму очікуваних витрат на виробництво і реалізацію виробів, обчислити собівартість одиниці виробу для визначення ціни та скласти звіт про доходи. Також, до переваг даного методу можна віднести оперативність і сприяння максимальній оптимізації витрат шляхом їхнього наближення до нормативних значень.

Серед недоліків методу «стандарт-кост» нами виділено:

- утрудненість проведення аналізу, контролю і планування витрат;

- ускладнене обчислення незавершеного виробництва і вартості залишків; готових виробів на складі у зв'язку із коливаннями цін, зумовлене конкурентною боротьбою за ринки збуту товарів, інфляцією.

- трудомісткість та незручність обчислення стандартів для змінного асортименту продукції;

- ускладненість встановлення стандартів, що пов'язано з відсутністю науково обґрунтованих та затверджених норм.

Продовженням у пошуках ефективного управління витрат стало використання методу «таргет-костинг» – управління витратами за цільовою собівартістю. Суть даного методу базується на традиційній формулі ціноутворення: ціна складається із собівартості та прибутку, виходячи з цього собівартість буде становити різницю між ціною і прибутком. Отже, «таргет-костинг» розглядає собівартість не як розрахований за нормативами показник, а як величину, на яку має орієнтуватися організація, пропонуючи ринку конкурентний продукт.

Нами виділено такі етапи реалізації системи управління «таргет-костинг»:

1) на основі аналізу ринку збуту та планування масштабів виробництва визначається гіпотетична ринкова ціна продукції;

2) розраховується величина очікуваного прибутку на одиницю продукції, або на весь обсяг виробництва, на основі якого розраховується цільова собівартість як максимально допустиме значення собівартості при заданих ринкових умовах;

3) етап оптимізації передбачає приведення нормативної собівартості до цільової шляхом вивчення можливості зміни обсягів та видів витрат, що визначені технологією виробництва, альтернативними матеріалами, дизайнерськими, технічними або технологічними рішеннями, які б забезпечили здешевлення продукту без втрати якості;

4) розробка та тестування макету продукції, що має цільову собівартість та прийняття управлінського рішення за результатами тестування. Якщо цільова собівартість визначена і різниця складає до 10 % від нормативної собівартості продукту, приймається рішення про запуск його у виробництво. У разі недосягнення рівня цільової собівартості – розробка завершується, але можливі подальші пошуки нових конструктивних ідей та технологій [6].

До переваг використання методу «таргет-костинг» можна віднести:

- пошук нових, нестандартних рішень як відповідних підрозділів так і менеджерів для досягнення бажаного результату (цільової собівартості);

- зниження витратної частини виробництва шляхом більш активного розвитку інноваційних технологій у зв'язку з неможливістю застосування більш дорогих матеріалів та технологій.

Серед недоліків використання методу «таргет-костинг» варто відзначити:

- низька оперативність управлінських рішень щодо змін кон'юнктури ринку;

- необхідність тісної взаємодії між різними підрозділами та працівниками підприємства.

Також скорочення вартості виробництва можна досягти шляхом застосування кайзен-костингу, метою якого є удосконалення діяльності компанії або її окремих підрозділів за допомогою внутрішніх резервів без залу-

чення великих інвестицій ззовні.

Модель управління витратами на підприємствах «кайзен-костинг» використовується поряд із «таргет-костинг». Ці системи мають одну мету – досягнення цільової собівартості, проте якщо за системою таргет-костингу цю мету прагнуть досягнути на етапі проектування нового виробу, то за системою кайзен-костингу – на етапі виготовлення виробу.

Тобто, не будучи конкретним методом калькулювання собівартості продукції, освоєння підходу кайзен дозволяє всім працівникам, пов'язаним з витратами виробництва, зробити свій внесок у скорочення цих витрат і управління ними. Це поняття включає всі унікальні методи й концепції менеджменту, застосовувані в Японії, що дозволило їй зайняти провідні позиції на світовому ринку, серед яких: орієнтація на споживача, загальний контроль якості (TQC), роботизація, гуртки контролю якості, система пропозицій, автоматизація, дисципліна на робочому місці, загальний догляд за устаткуванням (TRM), підвищення якості, точно, нуль дефектів, робота малих груп, відносини співробітництва між менеджерами і робітниками, підвищення продуктивності, розроблення нової продукції [7, с. 8].

На нашу думку, перевагою кайзен-костингу є те, що він забезпечує постійне зменшення витрат й утримання їх на заданому рівні, а основним недоліком — необхідність мотивації працівників і корпоративної культури, що підтримує залучення персоналу в діяльність організації.

Успішним процес постійного вдосконалювання може стати лише в тому випадку, коли умови виробництва сприятливі, а для цього необхідно виконувати певні вимоги до управління, зокрема: сформувати стратегію і тактику діяльності підприємства; виробити стиль керівництва, який підтримує відкритість, довіру і співробітництво; підтримувати постійність цілей; розвивати систему заохочення, яка буде стимулювати співробітництво; впроваджувати постійно діючі програми навчання персоналу; дотримуватись балансу між короткостроковими і довгостроковими завданнями.

Розглянуті нами методи управління витрат засвідчують, що для успішної діяльності підприємств єдиного уніфікованого рішення не має. Так, за вибору відповідного методу управління необхідно враховувати економічну доцільність, а також ряд критеріїв та конкретних умов виробництва (рис. 1).

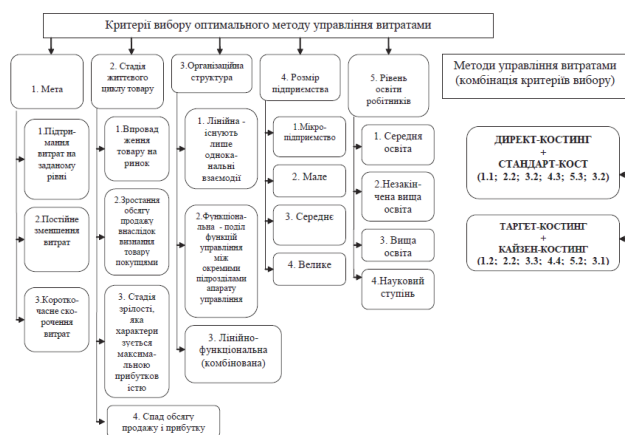

Рисунок 1 - Базова модель вибору оптимального методу управління витратами

Джерело: [8], с. 42.

Слід зазначити, що на сьогодні кожне підприємство напряму зацікавлене у впровадженні новітніх методів управління витратами, проте на цьому етапі виникають певні проблеми:

- слабка теоретико-методологічна база;
- відсутність достатньої уваги до аналізу зовнішнього середовища бізнесу при структуризації процесів

управління витратами;

- відсутність інструментарію для визначення як позитивних ефектів управління, так і втрат.

Отримані результати за відповідної системи управління витратами не є тотожною величиною продуктивності компанії [9]. Отже, з огляду на це, неможливо виміряти не тільки суму доданої вартості системи управління, а й визначити вартість керування.

Більшість дослідників вважають, що витрати на управління дорівнюють обліковій вартості технічного обслуговування системи управління (Drury, 1997 [10]; Atkinson et al., 2007 [11]). Але, ми вважаємо, що такий підхід призводить до недооцінки реальних витрат, оскільки наслідки від помилок керівництва підприємства вважаються витратами виробництва, що не відповідає дійсності. Це у свою чергу призводить до проблеми вимірювання, в той час як об'єктивні витрати на управління відносно легко визначити, є також значні приховані витрати, спровоковані здебільшого неефективним управлінням.

Так, у випадку неефективного управління на підприємстві будуть виникати додаткові витрати на усунення наслідків. Непередбачені витрати будуть включати в себе не тільки об'єктивні витрати на управління, але й додаткові регулярні витрати, які, зазвичай, має підприємство: заробітна плата персоналу, витрати на сировину, транспорт та інше, які за інших умов не виникали.

Проведений нами аналіз засвідчив наявність гострої необхідності визначення алгоритму витрат від неефективного управління. Адже вчасне неврахування помилкових управлінських дій може призвести до наступних наслідків:

- збільшення витратної частини, що призведе до недотримання прибутку підприємством;
- зростання недовіри на ринку, що в свою чергу зменшує бажання можливих інвесторів чи підприємців ризикувати.

ВИСНОВКИ

Висновки дослідження. Проведене дослідження дозволяє зробити наступні висновки. По-перше, проаналізовані методи управління витратами засвідчили, що для вирішення проблеми підвищення ефективності господарювання та оптимізації витрат підприємств необхідний індивідуальний підхід до вибору існуючих систем управління витратами. По-друге, загальні витрати на управління не обмежуються обліковими витратами на обслуговування системи управління (наприклад, заробітна плата та відповідні податки, сировина тощо), до них також необхідно включати вартість неефективного управління, яка може стати навіть більшою за виробничі витрати. По-третє, власники підприємства мають розглянути загальну суму витрат на управління, щоб отримати реалістичну картину ефективності системи управління та жити необхідних заходів для забезпечення рентабельності підприємства.

REFERENCES:

1. Prager, J. (2011). *The Financial Crisis of 2007/8: Misaligned Incentives Bank Mismanagement, and Troubling Policy Implications*. 62 p. Available at: <http://www.top1000funds.com/wp-content/uploads/2012/07/Misaligned-incentives-bank-mismanagement-and-troubling-policy-implications.pdf>.
2. Pascual, B. (2018). *Current Global Financial Crisis: an Incentives Problem* IESE Business School. Barcelona.
3. Hart, K. (2017). *The Roots of the Global Economic Crisis Anthropology Today*. No 28, pp. 1-3.
4. Gerhart, B., Milkovich, J.T. (1990). *Organizational Differences in Managerial Compensation and Financial Performance* Academy of Management Journal, pp. 663-691.
5. Krause, R., Semadeni, M., Canella A.A. (2014). *CEO Duality: a Review and Research Agenda* Journal of Management. No1, pp. 40-56.
6. Artamonova, N.S., Doba, N.M. (2018). *Vprovadzhennia suchasnykh metodiv upravlinnia vytratamy zadlia zabezpechennia konkurentnykh perevah [Implement modern cost management techniques to ensure competitive advantage]*. Ekonomika: realit' chasu. [Economy: the realities of time. Scientific]. No 3, pp. 16-21. Available at: <http://economics.opu.ua/files/archive/2018/n3.html>.
7. Belousova, I., Chumachenko, N. (2019). *Problemy ucheta*

proyzzvodstvennykh zatrat v kalkulyrovaniya sebestoymosty produktsyy v promyshlennosti [Problems of accounting for production costs and calculating the cost of production in industry]. Accounting and auditing. Vol. 4, pp. 3–10.

8. Pustova, I. (2013). *Metody upravlinnia vytratamy v suchasnykh umovakh: efektyvnist zastosuvannia, perevahy ta nedoliky [Methods of managing vitrates in the current minds: the effectiveness of stagnation, overtaxing and shortcomings]. Investments: practice and additional. Vol. 11, pp. 39–42.*

9. Chen, S., Dodd, J. (2017). *Economic Value Added: an Empirical Examination of a New Corporate Performance measure. Journal of Managerial Issues. No 9, pp. 318–333.*

10. Drury, K. (1997). *Introduction to Managerial and Production Accounting. Moscow: UNITY.*

11. Atkinson, E., Banker, R., Kaplan, R., Young, M. (2017). *Managerial Accounting (3rd ed). Moscow: Williams Publishing.*

Received date: 02.12.2020

Revised date: 14.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

UDC 339.138
DOI: 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0011

©2021 Контент достъпен според лицензията CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

СКЛОННОСТ ЗА ПЛАЩАНЕ НА ПОТРЕБИТЕЛИТЕ ЗА БИО ХРАНИТЕЛНИ ПРОДУКТИ

© Авторът(е) 2021
ORCID: 0000-00003-3264-847X

ТЕРЗИЕВА Елена, докторант

Университет за национално и световно стопанство

(1700, България, София, Студентски град, ул. „8-ми декември“, e-mail: e_neycheva@unwe.bg)

Анотация. Целта на настоящата статия е да се анализира склонността за плащане на потребителите на био хранителни продукти в контекста на устойчиво развитие на хранителните пазари. За постигането на тази цел в статията се изясняват същността на склонността за плащане и основните начини да бъде измерена. Търсят се и се дават отговори на следните въпроси: Колко разпространено е потреблението на биологични продукти? Как се различават цената на биопродукти в различните страни? Кои са основните фактори, които оказват влияние на потребителите при вземането на решение да заплатят определена цена за био хранителни продукти? Какви маркетингови и продажбени техники могат да използват компаниите, производители на био хранителни продукти? За да се даде отговор на тези и на други въпроси в статията се представят резултати от проведени български и чуждестранни емпирични изследвания, маркетингови проучвания на агенции и авторитетни консултантски компании, примери за добри практики на фирми при анализ на потребителското поведение и склоността за плащане за био хранителни продукти. Резултатите от изследванията сочат, че броят на фирмите, ангажирани в производството на биологични продукти нараства, като това може да се обясни с по-голямото търсене от страна на потребителите, държавни субсидии, както и на нови дистрибуционни канали. Установи се, че все още цените на биологичните хранителни продукти в държавите от Централна и Източна Европа са значително по-високи от конвенционалните алтернативи, докато факторите, влияещи на склонността на плащане на потребителите на биопродукти, се запазват почти непроменени.

Ключови думи: ценообразуване, склонност за плащане, био продукти.

CONSUMERS' WILLINGNESS TO PAY FOR ORGANIC FOOD PRODUCTS

© The Author(s) 2021

TERZIEVA Elena, PhD

University of National and World Economy

(1700, Sofia, Student Town, „8-mi dekemvri“ str., e-mail: e_neycheva@unwe.bg)

Abstract. The aim of this article is to analyze the customers' willingness to pay for organic food products in context of sustainable development of food markets. In order to attain this aim, the article clarifies the essence of the consumers' willingness to pay and the main methods of estimating it. The following questions have been analyzed in the article: To what extent is the consumption of organic products overspread? How do the prices of organic products vary in different countries? What are the main factors that affect the consumers' decisions to pay a certain price for organic food products? What are the marketing and sales techniques, that the organic food manufacturers can use? In order to answer these and other questions, the article presents the results of Bulgarian and foreign empirical research, marketing surveys of agencies and esteemed consulting companies, examples of affirmed practices, applied by some companies on the basis of consumers' behavior and willingness to pay for organic food products. The research results show that the number of companies, engaged in the production of organic products, is growing, which can be explained by the increased consumer search as well as by the existence of government subsidies and new distribution channels. It was established that the prices of organic food products in the countries of Central and Eastern Europe are still significantly higher in comparison with the prices of the conventional alternatives, while the factors affecting the consumers' willingness to pay for organic products remain almost unchanged.

Keywords: pricing, willingness to pay, organic products

СКЛОННОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПЛАТИТЬ ЗА ОРГАНИЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ

© Автор(ы) 2021

ТЕРЗИЕВА Елена, докторант

Университет национальной и мировой экономики

(1700, Болгария, София, Студенческий город, ул. „8 декабря“, e-mail: e_neycheva@unwe.bg)

Аннотация. Целью данной статьи является анализ готовности потребителей платить за органические продукты питания в контексте устойчивых продовольственных рынков. Для достижения поставленной цели в статье уточняется природа готовности потребителей платить за органические продукты и основные способы ее измерения. Требуется ответы на следующие вопросы: Насколько распространено потребление органических продуктов? Чем отличаются цены на органические продукты в разных странах? Какие основные факторы влияют на принятие потребителями решения платить определенную цену за органические продукты? Какие методы маркетинга и продаж могут использовать компании, производящие экологически чистые продукты питания? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, в статье представлены результаты болгарских и зарубежных эмпирических исследований, маркетинговых исследований агентств и авторитетных консалтинговых компаний, примеры передовой практики компаний в анализе поведения потребителей и склонности платить за биопродукты. Результаты исследования показывают, что количество компаний, занимающихся производством экологически чистых продуктов, растет, что можно объяснить повышенным спросом со стороны потребителей, государственным субсидиями, а также новыми каналами сбыта. Было установлено, что цены на органические продукты питания в странах Центральной и Восточной Европы по-прежнему значительно выше, чем на традиционные альтернативы, в то время как факторы, влияющие на готовность потребителей платить за органические продукты, остаются практически неизменными.

Ключевые слова: ценообразование, готовность платить, органические продукты.

ВЪВЕДЕНИЕ

Биопродуктите придобиват все по-широка популярност, като през последните 20 години в Западните държави и САЩ се бележи осезаем ръст в търсенето им, предизвикан най-вече от държавни субсидии и засилен потребителски интерес. Потребителите търсят еколо-

гично чисти продукти, като по този начин едновременно се грижат за екологичното равновесие и собственото си здраве [1, с. 19]. Повишеният интерес мотивира все повече производители да инвестират в бизнеса с екологични продукти, както и да развият стабилни дистрибуционни канали, чрез които да достигнат до все

повече потребители. Най-често екологичните продукти могат да бъдат намерени в големи вериги хранителни магазини или специализирани такива. Основен фактор обаче при избора на био продукти остава цената. Тя е обичайно между 1,08 и 1,50 пъти по-висока от цената на конвенционалните еквиваленти на био продуктите [2, с. 47-49]. За да могат производителите на био продукти да останат конкурентноспособни на пазара те трябва добре да познават факторите, които влияят на склонността на плащането на потребителите и да адаптират маркетинговите си стратегии към тях.

Целта на настоящата статия е да се анализира склонността за плащане на потребителите на био хранителни продукти в контекста на устойчиво развитие на хранителните пазари. За постигането на тази цел в статията се разглежда същността на склонността за плащане и основните начини да бъде измерена. Търсят се отговори на следните въпроси: Колко разпространено е потреблението на биологични продукти? Как се различават цената на биопродукти в България и чужбина? Кои са основните фактори, които оказват влияние на потребителите при вземането на решение да заплатят определена цена за био хранителни продукти? Какви маркетингови и продажбени техники могат да използват компаниите, производители на био хранителни продукти? За да се даде отговор на тези и на други въпроси в статията се представят резултати от проведени български и чуждестранни емпирични изследвания, маркетингови проучвания на агенции и авторитетни консултантски компании, примери за добри практики на фирми при анализ на потребителското поведение и склонността за плащане за био хранителни продукти.

1. Същност на склонността за плащане и основни начини да бъде измерена

Познаването на склонността за плащане на потребителите играе съществена роля в много аспекти на маркетинговия мениджмънт. В изследване на Монгое К. и Сох В. (2001) [3, с. 43] показва, че едва между 8 и 15% от компаниите базират ценообразуването, вземайки предвид склонността на плащане на потребителите. Склонността за плащане, може да бъде важно начало в процеса на ценообразуване, но само ако клиентите разбират ценността, която получават от фирмения продукт в сравнение с този на конкурентите [4, с. 60].

Не без основание Holden и Nagel (2002) [5, с. 57] определят цената като „...един от най-важните елементи на маркетинговия микс“. Определянето на „правилната“ цена за стоките или услугите обаче често е проблем номер едно, с който се сблъскват фирмите. Една от основните грешки в процеса на ценообразуването е фокусирането твърде много върху разходите. Ценовите цели, които фирмите си поставят, са свързани предимно с повишаване на печалбата или заемане на по-голям пазарен дял. Цената, в ролята си на най-гъвкавия маркетингов елемент, може лесно да бъде адаптирана за постигането на тези цели. Тя обаче винаги въздейства върху потребителя по поне два ясно изразени начина. Цената едновременно индикира за разходите и качеството на предлагания продукт [6, с. 34].

За да се разработи добра ценова стратегия за един продукт не е достатъчно да се покрийт разходите и да се формира желаната печалба. За успешното ценообразуване фирмата трябва да знае каква сума е готов потребителят да заплати за предлагания продукт.

Познаването на склонността за плащане на потребителите, от една страна, е ключов елемент в процеса на ценообразуване, а от друга е в основата на разбирането на потребителското поведение [7, с. 335-340].

Това дава основание склонността за плащане да се разглежда като многопластов елемент на маркетинговата стратегия. И точно като такъв поставя пред множество предизвикателства фирмите. Предпочитанията на потребителите не са константни, те са по-скоро динамично изменящи се и се влияят от множество фактори.

Сходна е ситуацията и в процеса на ценообразуване.

Според Samron и James (1987) [8, с. 389], познаването ѝ представлява ключова информация за прилагането на оптимална ценова политика и вземането на адекватни ценови решения.

Схемата на Goethe (1797) за цената, която са готови да платят от Vieweg за неговия ръкопис, е може би най-ранният документиран метод да се провери склонността за плащане на купувача, поставен в конкурентна среда [9, с. 1].

Почти два века и половина по-късно много учени са пробвали различни методи, за да изчислят и проверят склонността за плащане и да ги групират по най-добрия начин. Marbeau (1987) [10, с. 163-165] разделя методите за оценка на склонността за плащане по най-основни критерии – дали те са математически /базирани на разходи/ или потребителски /базирани на поведението на потребителите и конкурентите/.

В миналото на цената не се е давал потребителския контекст, а предимно математически. Цената е трябвало да покрива направените разходи и да осигури печалба. Склонността за плащане е била разглеждана не само базирана на максималната цена, която потребителят е готов да заплати, но също съществен интерес е представлявала и минималната цена, която са склонни да заплатят потребителите. Склонността за плащане е била разглеждана като диапазон от много възможни цени, вариращи между максимум и минимум, които цени потребителят е бил склонен да плати [11, с. 101-109].

В днешно време предимство взема потребителския контекст. Nagle и Holden (2002) [5, с. 63] класифицират методите за оценяване на склонността за плащане, базирани се на това дали потребителите правят избора си в контролирана/ експериментална/ среда или в неконтролирана /естествена/ среда. Нещо повече, те разглеждат склонността за плащане от гледна точка на реалното осъществяване на покупка, разделяйки го от намерението за покупка.

Днес методите за измерване на склонността за плащане се делят на методи, които използват данни от проучвания или такива, които се базират на покупка, направена в реална или експериментална среда.

Breidert и Hashler (2006) [12, с. 3] представят максимално структурирано методите за измерване на склонността за плащане.

2. Потребление на биологични продукти

Пазарът на биологичните продукти е сред най-бързо развиващите се пазари. В обширни изследвания, проведени в периода от 2004 до 2010 година, се наблюдава годишен ръст между 10 и 15%, което е номинална стойност е приблизително 5 милиарда долара [2, с. 64-67]. Пресните продукти са сред най-търсените категории био продукти. Сред най-големите потребители на био продукти в световен мащаб се очертават Европа и Северна Америка. Като и двата пазара не могат сами да покрият потребителското търсене и доставят най-вече от Южна Америка, Азия и Австралия. Впечатляващ е ръстът на търсенето на био продукти в Северна Америка. За по-малко от 20 години, търсенето нараства 25 пъти. Докато в началото са преобладавали малките фирми, в последните години се появяват все по-големи производители. Причините са ръстът в търсенето, но и склонността на потребителите да заплатят по-високи цени [13, с. 16, с. 126].

Най-големите производители на био продукти в Европа са Германия, Испания, Австрия, Италия и Гърция. В изследване от 2008 година от всички държави членки на ЕС най-малко средства за био продукти отделил в Полша, следвани от Кипър, Унгария и Словакия [14]. В България биологичното земеделие все още не е силно застъпено. Трудно е обаче в точност да се проследи развитието на биологичното производство в страната, тъй като липсват официални статистически данни и информацията се базира на отделно проведено изследвания,

които често не обхващат всички аспекти [15, с. 163].

потребителите са склонни да заплатят малка разлика в

Фигура 1 - Класификационна схема на методите за измерване на склонността за плащане

Източник: *Адантуриано по Christoph Breidert (2006)*

Изследване от 2020 години посочва, че българите потребяват предимно био хранителни продукти в сравнение с козметичните био продукти. 82% от анкетирания използват био хранителните продукти, за да приготвят домашна храна, едва 9% поръчват готова био храна за вкъщи. По-голяма част от запитаните си купуват био продуктите от био щандовете на големите вериги магазини или специализирани физически магазини за био продукти [16].

При проведено проучване от 2006 година в Европа анкетирания отговарят, че предпочитат да набавят еко продукти от специализирани магазини, тъй като са с по-богат асортимент, редовни доставки, добре обучен персонал. Типичните потребители на био продукти през 2006 година са предимно млади хора или хора на средна възраст, с добри доходи, живеещи предимно в градовете, насочени към здравословен начин на живот или с установени здравословни проблеми. В проведено проучване четири години по-късно се наблюдават известни изменения в профила на купувача на био продукти. Намалява делът на потребяващите био храни поради здравословни причини за сметка на хората с екологично мислене, както и нараства броят на семействата с малки деца, които предпочитат да потребяват био продукти [17, с. 81]. В Централна и Източна Европа прогнозите за развитие на специализираните магазини за био продукти е за намаляването им, противно на очакванията за ръст на търсенето на био продукти от страна на потребителите в големите супермаркети. За сметка на това очакванията са био магазините да увеличат приходите си и да разширят асортимента си: като се добавят, както продукти от местни производители, така и вносни продукти [1, 18].

3. Цените на био продуктите в различните държави

Склонността на американските потребители да плащат по-висока премиум цена за био продукти нараства, като този ръст се наблюдава, макар и относително бавно, както в САЩ, така и в Китай. Според неотдавнашно проучване, проведено от GFK е установено, че през 2017 година 56% от анкетирания американци заявяват готовност да платят по-висока цена за екологично чисти продукти, което показва ръст от 3% в сравнение с подобно проучване, проведено през 2010 година [19, с. 69]. В Китай годишният темп на ръст на стоки и услуги в областта на околната среда достига 30%, в западните държави средно разходите за стоки и услуги с екологична цел достигат до 10% от семейния бюджет, като търсенето на такъв тип продукти се увеличава, а в Канада достига до 10% от бюджета [20, с. 415].

Последващи изследвания показват, че голяма част от

цената за екологично чисти продукти, но тази готовност намалява с увеличаване на цената на био продуктите. Проучване сред 1000 потребители в Европа и САЩ показва, че над 70% от анкетирания, когато купуват електроника, автомобили, мебели, строителни материали и други, са готови да заплатят допълнително 5%, ако „зелен“ продукт отговаря на същите стандарти като алтернативния конвенционален продукт. По-малко от 10% от попитаните обаче са склонни да заплатят по-висока цена за „зелен“ продукт, ако тя надвишава с 25% алтернативния. Склонността за плащане, която посочва максималната цена, която потребителят е готов да заплати за определен продукт играе съществена роля върху поведението им при избор, както и в процеса на ценовата политика и ценообразуването на фирмите [21, с. 112; 22].

Проучване от 2019 година, проведено в Украйна, потвърждава, че една голяма част от респондентите са готови да платят по-висока цена за екологично чисти продукти, при условие, че цената на продуктите не превишава максималната цена, която са готови да платят, базирана на доходите им. В същото проучване от 2019 година се установява, че потребителите са готови да заплатят средно 9,9% допълнителна ценова премия за подобряване на екологичните свойства на стоките [23, с. 2-5].

Производствените разходи за био продуктите са по-високи от тези на конвенционалните, тъй като са свързани с високи цена на суровини, както и тяхното управление до създаване на крайния продукт. При конвенционалните алтернативни продукти обществото, а не земеделските производители покриват разходите за замърсяването на водата, на околната среда с пестициди, както и други екологични щети. Докато до голяма степен био производството представлява реалната цена на хранителните продукти в една неизкривена икономика. Други причини за по-високите цени на био продуктите могат да бъдат: разходи за инспекция и сертификация, по-ниска производителност на културите, по-ниска степен на интензивна специализация на ниво стопанство и други [24, с. 211-215].

За да се придобие по-ясна представа за това доколко цените на био продуктите надвишават тези на конвенционалните алтернативи са съпоставени: цена биорпродукт към цена на алтернативен продукт. Съпоставката е направена между държави, в които производството на био продукти е силно развито в сравнение с други, сред които и България и Румъния, където био производството има сравнително скорошна история. Цените на био продуктите в САЩ, Великобритания и Канада към 2016 година показва, че цените най-често варират между 1,08 и 1,50 пъти повече и много рядко стигат до 2 пъти повече. Съпоставените резултати от 2016 година са такива от

2010 година показват, че в тези страни няма резки изменения в това отношение, тоест за този период от време цените, както на конвенционалните продукти, така и на био аналозите им, са се променяли с относително близки темпове и съотношението не се е променило рязко [2, с. 52].

Не такава е ситуацията в държави като Румъния, Украйна, България, където био производството все още не е толкова добре развито. По данни от 2015 година цените на био продуктите в сравнение с конвенционалните аналози може да варира между 2, 4, 7 пъти, а понякога за определени продукти достига до 11 пъти. [25, с. 463]

Причините за по-малката разлика между цените на био продуктите и аналозите им в по-развитите страни за разлика от по-слабите, са множество: в по-развитите държави био земеделието се развива от много по-дълъг период от време и е затвърдило позициите си както на пазара, така и в потребителската кошница, създадена е добра дистрибуционна мрежа и мащабите в производството водят до икономии [26, с. 37].

В немалко случаи предлаганите в България вносни конвенционални продукти са на по-висока цена от местните био продукти.

4. Фактори, които оказват влияние на потребителите при вземането на решение да заплатят определена цена за био хранителни продукти

Проведени изследвания в периода 2016, 2019 и 2020 година затвърждават основните фактори, които влияят на потребителите на склонността за плащане на био хранителни продукти:

1. Цената на био продуктите
2. Качеството на био продуктите
3. Използваните съставки на био продуктите
4. Начинът на производството на био продуктите
5. Сертифицираща организация и знак на биоконтрол

Към тези фактори могат да се добавят и социално-демографски такива като: пол, възраст на потребителите, местоживее, доход, семейно положение, образование и други [2, 16, 23].

Проведеното проучване в България от 2016 година показва, че био храни купуват предимно младите хора, като само 18% от анкетиранияте над 50 годишна възраст потвърждават, че потребяват био продукти. 76% от анкетиранияте потребяват био храни. От 24%, които са посочили, че не купуват био продукти, най-често посочват като причини, че не са сигурни в качеството на продуктите, имат откъде да консумират домашни продукти, не вярват в истинността на произхода, не вярват, че обозначените продукти в магазините с био- са реално такива, вярват, че цената е изкуствено завишена [2, 27].

Най-голям брой от потребителите, които потребяват био продукти, 95,7% ги купуват, защото вярват, че тези продукти не съдържат изкуствени добавки, оцветители, стабилизатори и подсладители. Интересно е обаче, че само 52% от анкетиранияте реално проверяват дали биопродуктът има легален сертификат. Това показва, че почти половината от българските консуматори на био продукти се доверяват на надписа био- [16].

По-голяма част от респондентите посочват, че избират българските био продукти и приблизително 25% от участниците в приучването споделят, че купуват и вносни био продукти. Възприемането на цената, от една страна, и доходите на потребителите, от друга, определят с каква честота потребяват био продукти. 52% от анкетиранияте посочват, че намират цените на био продуктите твърде високи, докато 48% смятат, че цената отговаря на качеството, което получават [16].

Интересни са и резултатите, свързани с факторите, които според респондентите, оказват влияние на бъдещото развитие на био продуктите в България. Петте основни фактора, които посочват те, са:

1. Повеишаване на хранителната култура на българина
2. Повишаване на жизненото равнище на българите

3. Подобряване на качеството
4. По-голяма помощ от държавата и ЕС
5. Подобряване на маркетинговата стратегия на фирмите и по-интензивна реклама

Изследването, проведено през 2019 година в Украйна, във връзка с факторите, които оказват влияние на склонността за плащане на потребителите на био продукти, показва интересни открития и зависимости [23].

И мъжете, и жените идентично възприемат положителния ефект върху здравето и околната среда при потребяването на био продукти. За сметка на това една от хипотезите е, че жените са по-склонни да платят по-висока цена за био продукти. Резултатите обаче показват, че жените са по-убедени в положителните ефекти от потребяването на био продукти, но за разлика от мъжете, са по-малко склонни да заплащат по-висока цена за тях. По отношение на другите променливи като марка, наличие на сертификат, дизайн на опаковка, вкус и други, не се наблюдават съществени разлики между резултатите на различните изследвани групи [23; 28].

Проучването изследва и нагласите на респондентите за виждането им за по-нататъшно развитие на био производството в Украйна. Резултатите показват, че респондентите на възраст 31-40 години потвърждават необходимостта от по-нататъшно развитие на био производството и вятват, че в държавата има голям потенциал и необходимост от такива продукти. Идентични са резултатите и от проведеното в България изследване 3 години по-рано.

5. Маркетингови и продажбени техники, които могат да използват компаниите, производители на био хранителни продукти

През последните години се наблюдава ръст в производителите на био продукти в съответен мащаб. Една немалка част от производителите избират да се обединят с цел да подобрят производствените си разходи, както и по-умело да инвестират в маркетингова стратегия. Производителите от своя страна могат да се разглеждат като централно звено [29, с. 9].

Околна среда ÷ Производител ÷ Околна среда

Поради тази причина е важно да се изследват не само външните фактори, които влияят на фирмите, но да се направя дълбок анализ и при необходимост самата фирма трябва да иницира промени. Понякога производителите могат да са в ролята на активни мотиватори към потребителите, да допринасят за тяхното обучение и за сформирването на техните потребности. Фирмите заедно с техните маркетингови стратегии могат активно да влияят на факторите, оказващи влияние върху склонността за плащане [30, с. 56-58].

В изследване от 2019 година сред фирмите, производители на био продукти, са направени някои от следните изводи: 87% от анкетиранияте имат официален сертификат, с който да удостоверяват био производството и преработката, като 60% от анкетиранияте фирми извършват дейността си от три или повече години [30, с. 47-49].

Най-големите трудности, с които се срещат производителите на био продукти са:

1. Високи разходи за труд и трудно намиране на сезонна работна ръка
2. Високи разходи за производство
3. Административни трудности
4. Ниски изкупни цени

Добра алтернатива за производителите на био продукти е именно обединението им с други производителите. Близко 44% от попитаните посочват, че биха го направили, като основна причина 43% изтъкват, че мотивацията им е по-добри производствени разходи. Едва 3% посочват, че имат собствена марка, по-голяма част продават по името на производителя или преработвателя. 61% от фирмите посочват, че имат маркетингово звено, но една голяма част от анкетиранияте посочват, че то се състои от един-единствен човек. 44% от изследваните производители посочват, че нямат система за събиране на база

данни или е частично създадена. 94% от анектираните споделят, че имат ясна мисия, но само 78% от тях заявяват, че служителите им са запознати с нея и я подкрепят. Едва 49% от попитаните, казват, че създават потребителски профили, на база, на които да разработват продуктите си [29; 31, с. 56].

Във връзка с тези резултати, може да се посочи, че по-голяма част от производителите на био продукти в страни като България, Румъния, Украйна, където био земеделието е в процес на ръст, трябва да се фокусират върху конкретни маркетингови дейности:

1. Обособяване на маркетингов отдел, които да се занимава с разработване на дългосрочни и краткосрочни стратегии

2. Събиране, обработка и анализ на база данни

3. Сегментиране и позициониране на продуктите на пазара

4. Създаване на информационни платформи за обучение на потребителите за ползите от потребяването на био продукти

5. Изграждане на дистрибуционен канал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резултатите от изследванията сочат, че пазарът на био продуктите е в процес на растеж най-вече в държавите от Централна и Източна Европа. Установи се, че все повече потребителите обръщат внимание на екологичните процеси и на здравословния начин за хранене. Изследванията сочат, че поради тази причина все повече фирми започват да инвестират в производството на био храни, а една част от фирмите могат да се възползват и от европейско финансиране. Резултатите показват, че фирмите трябва добре да разберат факторите, които влияят на потребителите за готовността им да заплатят по-висока цена за био продукти, като факторите могат да се разглеждат като относително константни през последните години. От своя страна фирмите сами трябва да влияят на тези фактори, като обучават настоящите си и потенциални потребители във факторите, които определят по-високата цена на био храните. Установи се, че потребителите все още нямат достатъчно информация и са скептични към по-високата цена. Те имат нужда да оправдаят по-високата цена, като получат информация от производителите за качеството, ползите за тях самите, както и за околната среда.

REFERENCES:

1. Vitosha Research *Proizvodstvo, razprostranenie i potreblenie na biologichnite produkti v Bulgaria* // 2009. S. 18-43.
2. Mitova V. *Aspekti na realizatsiyata na biologichnite produkti v konteksta na ustoychivo funktsionirane na hranitelните verigi* // IK-IAE. 2018. S. 47-67.
3. Monroe K., Cox J. *Pricing Practices that Endanger Profits* // 2001. S. 39-51.
4. Netseva-Porcheva T. *Tsenoobrazuvane na baza tsennost – v tarsene na pechelivshi tsenovni resheniya* // IK-UNSS. 2012. 60 s.
5. Nagle T., Holden R. *The Strategy and Tactics of Pricing* // 2003. №6. S. 56-69.
6. Krastevich A., Smokova M. *Izmervane na gotovnostta na plashtane na potrebitelite na obrazovatelni uslugi chrez adaptiven izboren kondzhoynt analiz* // Diagonal Journal. 2012. 6 s.
7. Gabor A., Granger C., Sowter A. *Real and Hypothetical Shop Situation in Market Research* // 1996. S. 335-340.
8. Camron T., James M. *Estimating Willingness to Pay from Survey Data: An Alternative Pre Test Market Evaluation Procedure* // 1987. 389 s.
9. Wertenbroch K., Skiera B. *Measuring Consumer Willingness to Pay at the Point of Purchase* // INSEAD Journal. 2001. 1 s.
10. Marbeau Y. *What Value Pricing Research Today?* // 1987. S. 163-165.
11. Gladkih I. *Tsenovaya strategia kompanii: orientatsia na potrebitel-ya* // Monografia. 2013. S. 101-109.
12. Bredert Ch., Hashler M., Reutterer T. *A review of methods for measuring willingness-to-pay* // 2006. 3 s.
13. Wang L., Wang J., Huo X. *Consumer's Willingness to Pay a Premium for Organic Fruit in China: A Double Hurdle Analysis* // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2019. 16 s. 126 s.
14. *Facts and figures about organic farming in the EU* Available at: <<https://ec.europa.eu/info/food-farming-fisheries>> [Accessed 13 February 2021].
15. Stoeva S. i kol. *Biologichno zemedelie v Bulgaria-sotsiologicheski interpretatsii* // IK-SU 2016. 163s.
16. JTB research *Predpochitanie na balgarskite potrebiteli otnosno bio produkti po porachka na PROGRESSIVE* < <https://jtbresearch.com/>>

[Accessed 13 February 2021, upon request].

17. Muposhi A., Dhurup M. *The Influence of Green Marketing Tools on Green Eating Efficacy and Green Eating Behavior* [2017] // Econ. Behav. Stud. 2017. S. 76-87.

18. *Organic Data Network* <<https://www.organicdatanetwork.net/odn-statistics/odn-statistics-data.html>> [Accessed 13 February 2021]

19. Gavrillo P. *Status and features of development world and national ecological market of goods and services* // Sci. Bull. NLTU. 2012. 69 s.

20. Stacherzak A., Heldak M. *Borough Development Dependent on Agricultural, Tourism, and Economy Levels* // Sustainability. 2019. 415 s.

21. Simon H. *Confessions of the Pricing Man: How Price Affects Everything*. Springer // 2015. 112 s.

22. *Consumer Willingness to Pay a Premium for Green Products Climbs, Albeit Slowly*

23. <https://www.marketingcharts.com/industries/cpg-and-fmcg-76738> [Accessed 13 February 2021]

24. Kucher A., Heldak M., Kucher L., Raszka B. *Factors Forming the Consumers' Willingness to Pay a Price Premium for Ecological Goods in Ukraine* // *Envir. Research and Public Health Journal*. 2019. S. 2-5.

25. Biswas A. *A Study of Consumers' Willingness to Pay for Green Products* // *Adv. Manag. Sci.* 2016. S. 211-215.

26. Biswas A., Roy M. *Green products: An exploratory study on the consumer behavior in emerging economies of the East* [2015] // *Cleaner Production Journal*. 2015. 463 s.

27. Prokopenko O., Alekseienco O. *Analysis of the readiness of customers to pay a price premium for the environmental friendliness of goods of different types* // 2006. S. 33-38.

28. NSI *Dohodi, razhodi i potreblenie na domakinstvata* [Accessed 13 February 2021]

29. Kucher A., Fedorchenko O., Yurchenko Y. *Consumers' Willingness to Pay a Price Premium for Ecological Goods: Methodology and Results* // 2018. S. 3-7.

30. Popova I. *Marketingovi strategii na organizatsiite na proizvoditelite na bioproducti* // IK-AÜ. 2019. S. 11-31.

31. Mitova D. *Biologichnite produkti v konteksta na tyahnata konkurentnosposobnost* // IK-IAE. 2011 S. 49-58

32. Popova I. *Organizatsii na proizvoditeli na biologichni hrani v Bulgaria- analiz na tekushoto sastoyanie i badeshti perspektivi* // *Novo znanie Journal*. 2019. S. 52-62.

Received date: 15.12.2020

Revised date: 12.01.2021

Accepted date: 27.02.2021

Условия за публикуване на научни статии от български и чужди автори

„Балканско научно обозрение”
„Хуманитарни Балкански изследвания”
„Научен вектор на Балканите”

Кратките изисквания към научните материали (образци за оформление на материалите и пълните изисквания за това за представени по-подробно в „Положението на списанието” и архива <2019_09-BSR_HBR_SVB»

Структурни параметри:

Статията задължително следва да притежава елементи, отговарящи на следните параметри:

1. Метаданните на статията на български, английски и на съответния роден език на автора (УДК, DOI, названието на статията, знак на копирайта (авторското право), фамилия, име и презиме на автора в пълнота, длъжността, която заема, организацията, адрес на организацията, лична електронна поща, анотация и ключовите думи) не се проверяват на „антиплагиат”.

2. Научна организация на статията:

А. ВЪВЕДЕНИЕ

– *Постановка на проблема в общ вид и неговата връзка с важни научни, приложни и практически задачи.*
– *Анализ на последните изследвания и публикации, в които са разгледани аспекти на подобен проблем, и на базата на които се обосновава и автора; отделяне и анотиране на неразрешените аспекти в хода на емпирически анализ на проблема.*

Б. МЕТОДОЛОГИЯ

– *Формиране целите на статията (постановка на задачата).*
– *Използвани методи, техники и технологии.*

В. РЕЗУЛТАТИ

– *Изложение на основния материал на изследването, посредством пълното обосноваване на получените научни и приложни резултати.*
– *Сравнение на резултатите с резултатите от други проучвания.*

Г. ИЗВОДИ

– *Изводи от изследването и разкриване на перспективите за продължаващи търсения и разработки в това научно направление.*

3. СПИСЪК НА ЛИТЕРАТУРАТА (не се проверява на „антиплагиат”).

Технически параметри:

Названия на файловете:

– Фамилия_научно направление_град (например: Иванов_педагогика_Пловдив)

Общ обем: 3-5 страници печатан текст формат А-4 (до приложения списък на използваната литература).

Стандарти: шрифт Times New Roman, размер на буквата или на знака по вертикала – 10, максимален интервал – 1, отстояние на абзаца – 0,5 см, всички полета – 2 см, литература – ПО ХРОНОЛОГИЯТА НА ПРОЯВЯВАНЕ В ТЕКСТА (не по-малко от 20 наименования), редактор Word, тип на файла – документ Word 97-2003 (задължително).

Ключовите думи (три изречения) и анотация (не по-малко от 150-200 думи) на руски и английски език.

Цялостни интервали между цифрите, инициалите и фамилията.

Не бива да се бърка тире (-) и дефис (-).

Формулите следва да се оформят при помощта на редактора на формули «MathType» или «Microsoft Equation», размер на символите – 10 (задължително), дължината на формулите не бива да превишава 80 мм (задължително), латинските символи се набират с курсив, гръцките с прав шрифт.

Рисунки, изпълнени с векторна графика, следва да бъдат поместени в един обект или да бъдат групирани.

Сканираните рисунки се изпълняват с разделителна способност не по-малка от 300 dpi.

Справочна информация:

1. За да се определи УДК (универсална десетична класификация-научни области) могат да се използват следните линкове:

А) <http://pu.virmk.ru/doc/UDK/index.html>

Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. За превод на английски език или на други езици могат да се използват следните линкове (НО ЗАДЪЛЖИТЕЛНО ПРЕВЕДЕНИЯ ТЕКСТ СЛЕДВА ДА СЕ ДАДЕ НА ФИЛОЛОГ):

А) <http://translate.yandex.ru/> (превод на презимето и научната степен)

Б) <http://translate.google.com/>

АКО ВЪЗНИКНАТ ВЪПРОСИ ГЛЕДАЙТЕ ОБРАЗЦИТЕ!

Материалите постъпват в редакцията:

до 1 март (мартенски номер)

до 1 юни (юнски номер)

до 1 септември (септемврийски номер)

до 1 декември (декемврийски номер)